

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2019 | №2 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:

Далибор Денда, Р. Н. Рахимов, К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.

Ответственный редактор М. А. Колеров

Фотография на обложке — М. Е. Бороздинский

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 2 (8).

М. : Модест Колеров, 2019. (www.ostkraft.ru.) 176 с.

ISBN 978-5-905040-41-2

ISBN 978-5-905040-41-2

© Авторы статей, 2019

© Модест Колеров, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Махир Айдын.</i> Белградская крепость до Пожаревацкого мира (1697–1717).....	5
<i>А. В. Ганин.</i> «Наша Туркестанская военная организация... вошла в соглашение с английским правительством». Доклад полковника И. М. Зайцева Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанту А. И. Дутову. 1919 г.	28
<i>Николай Кабанов.</i> Пять лет, которые потрясли Латвию (1987–1991). Избранные интервью. Часть 2	78
<i>Андрей Тесля.</i> «Философическое письмо к даме» в ближайших контекстах : Чаадаев против национализма / Сост. и вступ. ст. М. Б. Велижева. М. : Common place, 2018. 198 с.	164
<i>Андрей Тесля.</i> Г. Фриз. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи : сборник статей / Пер. с англ. А. В. Глебовской, М. Д. Долбилова; под ред. П. Г. Рогозного. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (серия: «Эпоха войн и революций»; вып. 12).....	170

Махир Айдын¹

БЕЛГРАДСКАЯ КРЕПОСТЬ ДО ПОЖАРЕВАЦКОГО МИРА (1697–1717)

Вплоть до конца Нового времени практически каждый город был крепостью. Поскольку крепости были центром сосредоточения военных, политических, экономических и социальных вопросов, центром правления. Белград в этот период являлся самым значимым городом-крепостью на территории Балкан. И даже после присоединения к Империи в 1521 г. он продолжит оставаться таким же значимым. Хотя при том же правлении на западе располагался Будин, на востоке — Багдад и первая из этих крепостей была направлена на защиту от Австрии, вторая — от Ирана. Однако ни одна из них не могла сравниться с уровнем Белграда. Поскольку для империи Будин в большей степени представлял собой военный гарнизон.

Багдад же, в том числе из-за отсутствия понятия «джихад» (священная война), был важным городом, который часто «менял руку правления». Расположенный на пересечении «Европейской Амазонки» Дуная и реки Савва, Белград, к северу от которого располагалась Румыния, а на востоке Болгария, был самым главным стратегическим центром. Эта значимость станет еще важнее, когда Сава достигнет Боснии².

¹ Махир Айдын — доктор, профессор Стамбульского университета (Турция).

² Vidin Sicil Defterleri (VSD) nr. 38, s. 51; nr. 305, s. 5.

Независимо от военной мощи, воюют не замки, а мобильные армии. Вооружение для армии называлось «комплексом сераскира» и направлялось на имя командующего армией. Таким образом, крепость в момент атаки не могла быть чем-то большим, нежели логистической поддержкой. В этот период для атаки она могла предоставить самое большое — одну десятую оружия для армии, которое называлось «комплект для крепости». Однако, когда заходила речь об обороне, это означало, что направленный на будущее период закончился и начался период опоры на тылы.

Анализ Белградской крепости в масштабе 1697 г. связан с тем, что в качестве главного источника в данной работе мы выбрали Видинские церковные реестры, хранящиеся в Софийской Национальной библиотеке святых Кирилла и Мефодия. В связи с этим была предпринята попытка взгляда на Белградскую крепость со стороны, ибо рассказывать в данной работе о Белградской крепости изнутри мы не имеем никакого права.

БЕЛГРАДСКАЯ КРЕПОСТЬ БЛИЖЕ К КАРЛОВИЦКОМУ МИРУ

Мы рассматриваем последний год периода с 1683 по 1699 гг, известного как «Великая турецкая война». Эта 16-летняя война со множеством фронтов между Австрией, Польшей, Венецией и Россией, станет началом конца Османской империи.

Ниже предоставлена численность янычар, задействованных в трех крепостях из группы «больших крепостей», в особенности в Белградской крепости в ходе этой войны:

	Крепость	Год	Янычары
1	Будин	1694	231 ³
2	Тимишоара	1694	405 ⁴
3	Белград	1694	446 ⁵

³ Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA), Büyük Kale Kalemi Defterleri (D.BKL.D.) nr. 32249.

⁴ D.BKL.D. nr. 32250.

⁵ D.BKL.D. nr. 32249.

4	Белград	1697	728 ⁶
5	Белград	1698	1 721 ⁷

На протяжении войны Белград получает поддержку от крепостей, расположенных позади него, вдоль Дуная. Начавшись с Видина, эта поддержка⁸ была осуществлена под руководством «Дунайского капитана», продолжилась через Лом, Никополь, Свиштов, Рушук, Тутракан, Силистру, Хыршову и Мачин, вплоть до Исакчи, расположенной немного за дельтой Дуная⁹. Дунайского капитана, ответственного за эту длинную линию, также называли «Белградским капитаном» ввиду того, что он проживал в Белграде¹⁰.

Среди поселений, расположенных вдоль Дуная, не было крепости, по масштабу превосходивших Белградскую. Все они были либо небольшими крепостями либо «паланками». С другой точки зрения, в этих окрестностях, называемых также «внутренними провинциями», ввиду того что еще не возникла проблема обороны, по-видимому, не существовало практики назначения «мух-физ-паши» (хранителя крепости). По этой причине ответственным самого высшего ранга в данном регионе был кади или наместник, который был «представителем знаний».

В этой ситуации Белград выступал своего рода оборонным щитом для всех расположенных за ним поселений вдоль Дуная. Приказы исполняли следующие региональные должностные лица:

1. Кади.
2. Мутасаллимы.
3. Воеводы.
4. Кетхуды.
5. Сердары янычар.
6. Диздары.
7. Портовые эмины.
8. Другие должности.
9. Наместники вилайетов.
10. Рабочие солдаты.

⁶ D.BKLD. nr. 32266.

⁷ D.BKLD. nr. 32266.

⁸ 19 Ağustos 1697 tarihinde Tuna Kaptanı Mehmet'tir, VSD. nr. 13, s. 54.

⁹ BOA, *Harita* (HRT.) nr. 201.

¹⁰ 1705 Mart'ında Belgrad Kaptanı Mustafa'dır, VSD. nr. 38, s. 28.

Направлявшаяся на фронт армия несла с собой свое вооружение, а провиант обеспечивали заранее организованные «стоянки». А в ходе войны недостатки пополнялись посредством вновь прибывших на фронт людей. Возникающая потребность в оружии покрывалась поставками на фронт либо из окрестных крепостей, либо из столичного Арсенала¹¹.

С этой целью в Белград поставляли вооружение из Исакчи и Рушчука¹², продовольствие из области, расположенной между Силистрой и Кладово¹³, из Никополя поставляли коней, верблюдов и мулов¹⁴. К примеру, 24 октября 1699 года в зернохранилище Белграда было доставлено 2 52 480 кг муки и пшеницы¹⁵.

За сплавление по Дунаю подобного груза отвечал капитан Дунайского флота¹⁶. Речные корабли, использовавшиеся для этих целей, в большей степени были с открытым верхом и «саики»¹⁷. Гребцами и рулевыми таких лодок были юноши-христиане, называемые «джеряхорами»¹⁸.

Ввиду того, что река Дунай не обладала постоянным «свойством потока», на водоворотах Демиркапы и Тахталы назначались ответственные лица, обладавшие соответствующей компетентностью¹⁹. Среди них можно отметить управляющего Демиркапы²⁰, главного башенного смотрителя и местного проводника кораблей²¹.

1 августа 1699 года такая же подготовка была проведена для посла Австрии. Сначала на каждой стоянке всегда ожидали 50 повозок сена, 50 повозок дров и 113 кг сена, стоимость которых оплачивалась местным управляющим. Впоследствии, после оплаты привратником Юсуфом, для посла Австрии ежедневно готовились следующие блюда²²:

¹¹ VSD. nr. 345, s. 11 (2 Haziran 1697).

¹² VSD. nr. 345, s. 11 (2 Haziran 1697).

¹³ VSD. nr. 13, s. 43 (6 Kasım 1698).

¹⁴ VSD. nr. 13, s. 58 (4 Haziran 1699).

¹⁵ VSD. nr. 13, s. 64 (4 Eylül 1699).

¹⁶ VSD. nr. 13, s. 65 (3 Haziran 1699).

¹⁷ VSD. nr. 13, s. 54 (1 Nisan 1699).

¹⁸ VSD. nr. 13, s. 54 (2 Mart 1699); nr. 13, s. 64 (12 Kasım 1699).

¹⁹ VSD. nr. 13, s. 43 (29 Kasım 1698).

²⁰ VSD. nr. 13, s. 64 (24 Eylül 1699).

²¹ VSD. nr. 13, s. 51 (2 Mart 1699).

²² VSD. nr. 13, s. 63.

	Тип	Измерение
1	Мёд	25 кг
2	Рыба	25 кг
3	Икра	6,5 кг
4	Пшеница (высший сорт)	51 кг
5	Телятина	3 штуки
6	Хлеб	700 штук
7	Голуби	40 штук
8	Гусятина	5 штук
9	Баранина	10 штук
10	Индюшатина	5 штук
11	Крахмал	19 кг
12	Утятина	10 штук
13	Сыр	13 кг
14	Овощи	77 кг
15	Уксус	26 кг
16	Лук	77 кг
17	Молоко	38 кг
18	Курица	80 штук
19	Соленья (ассорти)	8 кг
20	Мука (высший сорт)	51 кг
21	Парафиновое масло (большая упаковка)	26 кг
22	Йогурт	26 кг
23	Яйца	200 штук
24	Оливковое масло	6,5 кг

Кроме того, получено известие о прибытии делегации австрийского посла на 46 кораблях. Для того, чтобы отбуксировать эти корабли возникает необходимость в джерахорах — по 10 на каждый корабль, всего 460 джерахоров. О необходимости проведения соответствующей подготовки 12 ноября 1699 года оповещают все пристани от Белграда до Рущука²³.

²³ VSD. nr. 13, s. 64. Rusçuk'tan sonraki kararı için de, elçilik heyeti ile birlikte zahire ve pirincin, 20 öküz arabası ile taşınması kararlaştırılır. VSD. nr. 13, s. 65.

Возвращаясь к Белградской крепости, следует отметить, что после подписания Карловицкого мирного договора она приобретает новое положение и определение. Именовавшийся ранее внутренней крепостью, Белград отныне становится пограничной крепостью. Ввиду того, что ранее самым авторитетным местным руководителем был кади, его называли «последователем законов шариата»²⁴. Теперь же, поскольку он находился в подчинении у «Мухафыз Паши» и наделялся военными характеристиками, его стали называть следующими определениями:

1. Даруль Джихад²⁵
2. Серхади Мансуре²⁶
3. Седди Сугури Исламийе²⁷
4. Седди Седиди Исламийе²⁸

В это время народностям, проживающим в окрестностях Белграда, полагался новый жизненный уклад ввиду их приграничного положения. Данный уклад заключался в том, что на границе, где преобладает более затруднительный образ жизни, жители должны выступать друг для друга «поручителями»²⁹. Кроме этого, в 1706 году в Белградскую крепость направляют четыре пушкаря³⁰.

В Белграде, расположенном на таком важном торговом пути, как река Дунай, существовала таможенная система, в особенности в отношении кораблей и товаров, прибывших с войны. Доходы от Белградской таможни ранее поступали в гарнизон местных янычар. Эти доходы, в сумме достигавшие 30 000 курушей, получались из сборов за таможню, взвешивание, административных сборов и сборов за молотый кофе.

Однако в последнее время в эти вопросы, не имевшие к ним никакого отношения, стали вмешиваться мухафызы (хранители). Это стало причиной сокращения поступаемых янычарам денег. 26 января 1711 года данная проблема решается по-

²⁴ VSD. nr. 13, s. 54.

²⁵ VSD. nr. 38, s. 28.

²⁶ VSD. nr. 38, s. 87.

²⁷ VSD. nr. 38, s. 129; nr. 161a, s. 84.

²⁸ VSD. nr. 161a, s. 90; nr. 305, s. 5.

²⁹ Bu konudaki kayıt, Vidin için yapılan uygulamadır. Belgrad'ı bu konuda örnek gösteren işlemin tarihi, 14 Mayıs 1707'dir. VSD. nr. 38, s. 94.

³⁰ C. AS. nr. 474–19780.

средством направления хранителю Белграда соответствующего приказа³¹.

Ввиду того, что экономическим приоритетом того периода была аграрная экономика, сельскохозяйственная продукция и животноводство имели статус ценного сектора. По этой же причине, как впрочем, и в наше время, поощрялся импорт, а не экспорт данных товаров. Налоговые поступления в Белградскую таможенную по состоянию на 23 февраля 1714 года выглядели следующим образом³²:

	Торговец	Пошлина	Компенсация убытков
Экспорт	Все	60 акче из тыс.	10 акче
Импорт	Мусульмане	30 акче из тыс.	10 акче
Импорт	Неверующие	40 акче из тыс.	10 акче

В это время, несмотря на достаточно близкое расстояние до Тишиоарской крепости, Белградская крепость становится главным центром ответственности империи на Австрийском фронте. Белградский Совет, собиравшийся во дворце, в котором проживал мухавыз Белградской крепости, считался вторым по влиятельности местом принятия решений для региона — после приказов, поступающих из столицы³³.

Принимаемые здесь решения доставлялись в окрестные административные центры посредством «чавушей совета»³⁴. Для решения региональных проблем также легко можно было направить запрос в Белградский Совет³⁵.

26 июля 1707 года для янычар, джебеджи, топчу и возниц повозок с пушками необходима новая и чистая пшеница для снабжения их хлебом на шесть месяцев. По данному вопросу мухавыз Белграда уполномочивает Ибрагима из главы привратников «Великого дворца» (Топкапы). И в своем приказе, направленном в Ви-

³¹ BOA, İE.ML. nr. 125–11.

³² VSD. nr. 161a, s. 60–61.

³³ VSD. nr. 161a, s. 128.

³⁴ VSD. nr. 38, s. 142; nr. 161a, s. 138.

³⁵ VSD. nr. 161a, s. 63.

динскую крепость, он повелевает немедленно направить в Белград на кораблях новый урожай пшеницы³⁶.

Ниже предоставлен список мухадимов крепости того периода, занимавших должность «Белградского Паши»³⁷:

1. Хасан Паша ³⁸	16 мая 1701
2. Ибрагим Паша ³⁹	16 мая 1708
3. Али Паша ⁴⁰	20 февраля 1709
4. Халиль Паша ⁴¹	2 марта 1714
5. Нуман Паша ⁴²	28 февраля 1715
6. Мехмет Паша ⁴³	9 марта 1716
7. Мустафа Паша ⁴⁴	27 февраля 1717

В Белградской крепости, которая приобрела большее значение, чем в предыдущий период, наряду с увеличением численности солдат растут и расходы. По этой причине местные жители, чтобы белградская казна не потерпела убытки, выступают друг для друга в качестве поручителей, в том числе в части налогов⁴⁵. В этих целях Белградский казначей Сейфулла-эфенди в период с 1708 по 1714 год прилагал немалые усилия⁴⁶.

Ввиду того, что на Белградскую крепость наложилась новая и большая ответственность, встает вопрос о возведении большого оружейного склада. Для этого понадобились два важных элемента — гвозди и свинец. 15 февраля 1709 года из Видина запрашивается 11 290 кг железа для производства гвоздей и 38 490 кг свинца для крыши запрашивается из Килии. Необходимые материалы были погружены на корабли и в скором времени были доставлены в Белград, причем по пути в Белград, где бы ни проходили корабли, во всех поселениях им предо-

³⁶ VSD. nr. 38, s. 106.

³⁷ VSD. nr. 38, s. 142.

³⁸ VSD. nr. 14, s. 82.

³⁹ VSD. nr. 38, s. 125.

⁴⁰ VSD. nr. 60, s. 14.

⁴¹ VSD. nr. 161a, s. 63.

⁴² VSD. nr. 161a, s. 148.

⁴³ VSD. nr. 305, s. 12.

⁴⁴ VSD. nr. 305, s. 69.

⁴⁵ VSD. nr. 38, s. 127.

⁴⁶ VSD. nr. 38, s. 129; nr. 161a, s. 84, 128.

ставлялись местные капитаны и гребцы под охраной вооруженных лиц⁴⁷.

Новое положение Белградской крепости распространяется далеко за пределы дельты Дуная, и ее влияние простирается даже до Очаковской крепости. Очаковская крепость, расположенная на западе полуострова Крым, в месте, где одноименная река впадает в Черное море, являлась центром группы крепостей и паланок⁴⁸. Для того, чтобы направлявшемуся в Очаково гонцу было легко до нее добраться, запрашивается стояночная лодка и стояночный носильщик. Данное поручение, адресованное местным властям поселений, расположенных между Белградом и Очаково, было направлено не из столицы, а из Белграда⁴⁹.

В результате установления новых границ, как и Белград, под это влияние попадает крепость Тимишоара. По этой причине в 1705 году в Тимишоаре проводится реставрация⁵⁰. В это время доходы Видина распределяются и на окрестности Тимишоара⁵¹. Однако в 1713 году Видинская крепость присоединится к относящейся к Белграду «группе крепостей и паланок»⁵². В качестве необходимости в результате таких больших перемен в 1714 году в Белградской крепости будет проведена реставрация⁵³.

Годовое жалование Дунайского речного судоходства, выплачиваемого до этого времени Белградом, отныне выплачивал Видин. Таким образом, 23 февраля 1715 года Мустафа Ага принимается на должность с годовым жалованием в 1 250 курушей⁵⁴. 11 марта 1715 года отмечается, что оплата за содержание 5 кораблей с открытым верхом, а также жалований местным капитанам и гребцам, которые должны были находиться на пристани Белградской крепости, была также произведена из Видина⁵⁵.

1 января 1710 года санджаки Никополя и Силистры находятся в зоне Белградской крепости, то есть разделяют ее «доход

⁴⁷ VSD. nr. 161a, s. 129, 142.

⁴⁸ Özi Grubu; Eski Özi, Yeni Özi ve Kılburun kaleleri ile Yeni Hasan Paşa Palankası ve Kaptan Hasan Paşa Palankası'ndan oluşan bir savunma grubudur.

⁴⁹ VSD. nr. 38, s. 44.

⁵⁰ VSD. nr. 38, s. 36.

⁵¹ VSD. nr. 38, s. 48.

⁵² VSD. nr. 161a, s. 75.

⁵³ D. BKL.D. nr. 32358.

⁵⁴ VSD. nr. 161a, s. 148.

⁵⁵ VSD. nr. 161a, s. 138.

с налоговых поступлений».⁵⁶ Годовой доход жителей Белграда по состоянию на 6 ноября 1713 года составлял 7 тюков 38 153 акче⁵⁷.

С тех пор близлежащие окрестности управляются в рамках «*постановлений*», издаваемых Белградским Советом⁵⁸. Здесь можно перечислить следующие вопросы, выходявшие на передний план:

- 1) Поимка бандитов.
- 2) Очистка берегов Дуная.
- 3) Перевозка вооружения через Белград.
- 4) Зимовка кораблей.
- 5) Возведение моста через Дунай.
- 6) Перевозка провианта.
- 7) Перепись местных янычар.

Проблема бандитизма и преступности напрямую связана с потерей империей своей экономической привлекательности. Особенно в первой половине XVIII столетия преступность становится важной проблемой безопасности. По этой причине в Румели ежегодно направлялись приказы, предостерегающие о «безопасности», начинавшиеся со слов: «наступила весна, на деревьях распустились листья, бандитам стало легче прятаться»⁵⁹.

Даже 4 июня 1699 года для носильщика мухафыза Белграда Али Паши в Никополе при перевозке им верблюдов и мулов в Белград было запрошено предоставить ему на каждой стоянке сопровождающего и в опасных местах предоставить сопровождение вооруженными людьми⁶⁰.

Для кораблей, прибывающих в Белград по Дунаю, были актуальны запасные пути. Однако ввиду разлива Дуная некоторые приобретали форму «лесистой местности». Из-за частоты произраставших здесь деревьев торговые корабли, корабли, перевозившие государственное продовольствие и корабли, перевозившие из Исакчи пшеницу для приготовления хлеба для янычар, охранявших Белград, испытывали очень большие трудности.

И именно по этой причине возникает необходимость очистки обоих берегов Дуная, от Видина до Добре. В предписании мухафыза Белграда от 9 июня 1713 года требуется расчистить от де-

⁵⁶ VSD. nr. 38, s. 155.

⁵⁷ VSD. nr. 161a, s. 38.

⁵⁸ VSD. nr. 38, s. 158.

⁵⁹ VSD. nr. 38, s. 142.

⁶⁰ VSD. nr. 13, s. 58.

ревьев территории с привлечением дровосеков из соответствующих областей, а также расчистка запасных путей и реставрация «запасных пешеходных мостов»⁶¹.

Дунай, представлявший собой полноценный бассейн с экономической, культурной и биологической точки зрения, зимой замерзал, а весной разливался. Такие разливы в тот период назывались «каргын» (потоки тающего снега). В этих потоках у берегов образовывались небольшие озера. Ввиду того, что выросшие здесь сами по себе деревья вырубались топорами, такие озера в то время назывались «балтаалык» (вырубленные топором), а в наши дни имеют название «балта» (топор)⁶².

Помимо «водного пути», простиравшегося от Сунны на черноморском побережья до Белграда через Дунай, был и сухопутный маршрут, также выходивший на Белград и называвшийся «улицей». Этот сложный маршрут от Эдирне, Пловдива, Софию, Пирот и Ниш по пути в Белград не обходился без сопровождающего⁶³. Третий путь до Белграда проходил как по воде, так и по суше. Данный маршрут пролегал от Белграда по Дунаю до Рушчука, а оттуда по суше через Разград, Шумен, Превади и до Варны⁶⁴.

Самым мощным оружием того времени была пушка по причине своих разрушительных свойств. Другим названием пушки из-за ее формы была «кругляш». Отливаемый обычно на пушечном дворе в столице этот «железный кругляш», мало где отливался в провинциях. Одним из таких мест был пушечный двор в Бяня-Луке. 11 000 штук кругляшей, отливаемых в Бяня-Луке, сначала сплавляли по Саве в Белград, а затем по Дунаю в Килийскую крепость⁶⁵.

В противоположном от этого направлении пушки отправляли из Бендеры для размещения в некоторых крепостях на границе с Боснией. Крепость Бендеры была важной крепостью, расположенной позади крепости Аккерман, на реке Днестр, впадавшей в Черное море. Корабли, прибывшие в Белград под контролем «надзирателя», назначенного из столичного пушечного двора, 12 июля 1701 года доставляются в Боснию⁶⁶.

⁶¹ VSD. nr. 161a, s. 85.

⁶² VSD. nr. 38, s. 97; nr. 38, s. 158; nr. 161a, s. 84.

⁶³ VSD. nr. 38, s. 94; nr. 305, s. 61; HRT. nr. 201; nr. 260.

⁶⁴ VSD. nr. 13, s. 57.

⁶⁵ VSD. nr. 38, s. 51.

⁶⁶ VSD. nr. 14, s. 84.

Также в июне 1702 года в Боснию направляется вооружение из Аккермана, Бендер и Каменец-Подольской крепости, расположенных вдоль реки Днестр. В различные крепости, и в первую очередь в боснийские Бихке и Градишку перевозится 113 бронзовых и железных пушек, 762 кг серных веревок, 500 ручных метательных орудий и 114 пороховых сумок. В этот перевозимый через Белград груз в Белградской крепости добавили также лопаты, топоры и другой инвентарь⁶⁷.

Река Дунай, какой бы она ни была удобной для перевозки судов, в зимний период замерзала⁶⁸. Ввиду того, что в окрестностях не было места для зимовки судов, наиболее удобным местом были острова в окрестностях Кладово, что между Белградом и Видином⁶⁹. В изданных по данному вопросу приказах в качестве адреса указывалось Кладово, и предписывалось взимание таможенной пошлины с товаров, спускаемых на сушу⁷⁰.

Мост, возводимый над такой широкой рекой, как Дунай, безусловно, имеет особые характеристики. Согласно приказу от 4 апреля 1711 года, мост, возводимый напротив Исакчи, был сооружен по случаю предстоящей Прутской битвы. Ввиду больших размеров моста, для строительства используются 100 больших «понтонных» кораблей, 150 маленьких понтонных кораблей, 150 понтонных повозок 150 плоских лодок «ивранок»⁷¹.

Потребность в обеспечении крепости провиантом была так же важна, как и ее оружие. Поскольку вооружение было очень важным в момент его использования, в то время как пища была важна каждый день. Ежемесячный расход зерна солдатами Белградской крепости — янычарами, джебедами, топчу и другими — по состоянию на 26 июля 1707 года составлял 275 225 кг пшеницы и 129 409 кг очищенного ячменя⁷².

В приказе от 7 августа 1713 года, направленном в пристани, расположенные между Никополем и Белградом, предписывалось относительно перевозимого на кораблях провианта «не останавливать корабли, какая бы поломка с вами ни случилась, и безопасно доставить груз друг другу». Кроме того, для прохождения через водово-

⁶⁷ *D. BKL.D.* nr. 32276.

⁶⁸ *VSD.* nr. 161a, s. 127–128.

⁶⁹ *VSD.* nr. 60, s. 28.

⁷⁰ *VSD.* nr. 38, s. 118.

⁷¹ *VSD.* nr. 38, s. 167.

⁷² *VSD.* nr. 38, s. 107.

роты в Демиркапы и Тахталы требуется назначить отдельного человека и доставить его за один день до прохождения в Белград⁷³.

Потребность в провианте для Белградской крепости еще больше возрастет спустя шесть лет. Если в 1707 году требовалось в общей сложности 404 634 кг, то уже по состоянию на 7 августа 1713 года она достигнет цифры в 449 544 кг⁷⁴. Также 25 февраля 1714 года требуется доставить ячмень из «государственного зернохранилища» Исакичи в Белградскую крепость. Мука и ячмень предназначались для янычар крепости и их лошадей. Для транспортировки данного провианта на кораблях назначаются ответственные на обоих берегах Дуная⁷⁵.

Одним из вопросов повестки дня Белградского Совета были местные янычары. По масштабу речь шла о Видине, Кладово, Берзе, Флордине, Белоградчике и Ашкаре. Поскольку благодаря новому статусу Белградской крепости приобретают важное значение и янычары, служащие и за пределами этого региона.

Однако в течение некоторого времени, на должность каждого умершего местного янычара назначали другого. В действительности же данная процедура была из разряда «имя есть, человека нет». В связи с этим, 25 сентября 1713 года издается всеобъемлющий приказ. Кроме того, из столицы назначается опытный чавуш Мехмет для изучения данного вопроса на месте и направляется в регион между Белградом и Рущуком.

Мухафыз Белградской крепости также в своем письме, направленном Видинскому управляющему Омеру, просит помочь прибывающему надзирателю с транспортом. Впоследствии, после того как была проведена перепись местных янычар на предмет «кто есть, а кого нет», все имена были зафиксированы в отдельные реестры, заверенные подписью и печатью, он также приказывает передать эти документы надзирателю. В конечном итоге Мехмет Чавуш, завершив возложенные на него обязанности, 20 апреля 1714 года отправляется в столицу⁷⁶.

Общей информацией по данному периоду также является извещение взшедшего на престол султана Ахмета III посредством направления приказа о своем «восхождении на трон» кадиям сле-

⁷³ VSD. nr. 161a, s. 27.

⁷⁴ VSD. nr. 161a, s. 27, 85.

⁷⁵ VSD. nr. 161a, s. 90.

⁷⁶ VSD. nr. 161a, s. 75.

дующих областей: Белград, Видин, Ниш, Пазарджик, Скопье, Манастир, Призрен, Дукакин и Берковица. Обозначенный в приказе от 4 февраля 1704 года вопрос был обновленным вариантом ранее изданных поручений, сделанный Юсуфом Чавушем⁷⁷.

БЕЛГРАДСКАЯ КРЕПОСТЬ БЛИЖЕ К ПОЖАРЕВАЦКОМУ МИРУ

Подробным примером сообщения с Белградской крепостью является случай, произошедший в конце ноября 1714 года. Направленные из Стамбула на четырех кораблях типа «боразан» порох и боеприпасы приближались к Белграду. Однако наместник Кладово Мустафа Эфенди сообщает в Белградский Совет, что эти корабли, масса каждого из которых была 95 тонн, не смогут пройти через водоворот Тахталы, поскольку уровень воды на Дунае снизился, и глубина на водовороте Тахталы снизилась до трех дюймов и до сих пор продолжает снижаться.

На совете, созванном у мухафиза Белградской крепости, присутствовали Кади Белграда Мехмет Эфенди, Казначей Белграда Сейфуллах Эфенди, глава Белградских янычар Турнаджибаши Осман Ага, и назначенные из «Великого дворца», то есть столицы, руководители янычар, руководители местных солдат, проживающего в регионе населения, а также опытные капитаны кораблей на Дунае.

По проведенной здесь оценке, для того, чтобы груз в 385 т смог пройти через водоворот Тахталы, необходимо было его поделить на 30 12-тонных небольших кораблей. Однако, если ждать прибытия этих небольших судов, Дунай замерзнет, и перевозка не состоится. Если груженные корабли останутся на местах, куда они добрались, на зимовку до весны, то боеприпасы из-за дождей и снега станут непригодными к использованию. Если этот груз вынести на берег в Кладово и перевезти на повозках, то 200 повозок и 300 джерахов смогут доставить его в Белград за 50–60 дней.

В итоге принимается решение о хранении данных боеприпасов в Видинской крепости на зимний период. С этой целью в Видин направляется глава Белградских джебеджи Али Чорбаджи для того, чтобы проследить за выполнением необходимых дей-

⁷⁷ VSD. nr. 38, s. 22–23.

ствий. Принимается решение о том, что порох из кораблей будет размещен в Видинском государственном арсенале, боеприпасы — в защищенном месте внутри крепости, а разгруженные корабли будут перемещены на зимовку у крепости. Однако для бережного хранения вышеперечисленного все ответственные крепости, в первую очередь Видинский Кади и Видинский Смотритель, были тщательно проинструктированы ввиду отсутствия мухавыза в Видине⁷⁸.

23 декабря 1715 года вновь на повестку дня поднимается вопрос о транспортировке провианта из Белградского зернохранилища для обеспечения едой солдат Белградской крепости. Назначенный в этих целях надзирателем Мустафа знаком с этой областью, поскольку ранее он переправлял вооружение по Саве в Боснию.

Вышеупомянутый провиант закупается в Видине, Свиштове, Джурджу, Валахии и Тимишоаре и собирается на пристанях в Видине, Свиштове и Джурджу. Впоследствии этот провиант на кораблях типа «престойка» перевозится сначала в Белград, а оттуда на пристань в Градишке. В этом случае было важно быстро передвигаться, чтобы завершить транспортировку до того, как Дунай покроется льдом⁷⁹.

Однако еще более важным представлялось подготовить данный провиант к начинавшейся весной 1716 года войне с Австрией и Венецией⁸⁰. Но даже 9 июня 1716 года провиант и боеприпасы перевозятся на кораблях типа «калита», «фирката», «канджабаш» и «саик» в Белград под руководством Дунайского Капитана⁸¹.

10 июля 1716 года подобная транспортировка провианта продолжается достаточно интенсивно⁸². Поскольку на основании изданного в этот же день приказа, «в этом благословенном году предстоит имперский поход в сторону Белграда», то есть речь идет об Австрийской войне. 31 августа 1716 года в окрестностях Белграда проводятся последние приготовления⁸³. А в сентябре

⁷⁸ VSD. nr. 161a, s. 127.

⁷⁹ VSD. nr. 305, s. 5.

⁸⁰ VSD. nr. 305, s. 6.

⁸¹ VSD. nr. 305, s. 20.

⁸² VSD. nr. 305, s. 61–62.

⁸³ VSD. nr. 305, s. 63.

1716 года численность солдат в Белградской крепости возрастает до 18 900 человек⁸⁴.

В данный период для обороны прохождения через Демиркапы назначается анатолийский бейлербей Ипшир Хусейн-паша. В частности, на австрийской границе существовало такое понятие, как «шанс» (фортификация)⁸⁵. В некотором роде, та из сторон, которая успеет первой и перед своими границами сделает окопы из смеси древесины и земли, она и будет в более выгодном положении, с большими шансами.

Для обороны возведенного на острове у Демиркапы «шанса» (форта) назначается Мехмет. 27 мая 1716 года приказывается возведение форта в месте, где Валахия граничит с Дунаем, на острове между проливом Дарданеллы и Дунаем. Стоимость приобретенных для этой цели лопат, мешков, железа, а также двух железных кузниц заранее оплачивает Видин, а стоимость 6 000 гальки, 2 000 напольных досок, гвоздей и 30 000 кровельных дранок — Валахия⁸⁶.

В Видинском зернохранилище имеются большие запасы провианта и муки. Однако ввиду отсутствия флотских кораблей, если их перевозить на Дунайских кораблях в Верхний Белград, то будет сложно пройти перед «новой паланкой». Если ждать, пока выйдет в путь флот, в Белграде возникнет проблема с пропитанием. В этой ситуации 27 февраля 1717 года принимается решение о перевозке на мулах и повозках по суше по удобному маршруту⁸⁷. Более того, за каждые 128 кг перевозимого груза заранее выделяется 160 акче⁸⁸.

Для облегчения доставки помощи из Видина в Белград белградский казначей Сулейман-эфенди назначается видинским смотрителем. Вместе с управляющим стоянок Мустафой Ага на повоз-

⁸⁴ D. BKL.D. nr. 32 364.

⁸⁵ Турецкое слово «şans» происходит от немецкого «*schanz*» (окоп). Его значение близко к значению французского слова «*redoute = redut*» (укрепление). Этим словом обозначается «*маленькая независимая преграда* (укрепление)» или «*şaranpo*» (тур. частокол, деревянный забор).

⁸⁶ VSD. nr. 305, s. 19, 63.

⁸⁷ Комог Bargiri (Комор Баргири) — это порода лошадей, используемая для перевозки грузов. В то время были известны следующие масти: рыжая, рыже-черная, бурая, в яблоках, железно-серая, гнедая, серая, чубарая (с серыми или белыми пятнами), сивая (серая), буланая (темно-желтая с черным хвостом и гривой), черная и вороная. Самой ценной из них считается гнедая масть.

⁸⁸ VSD. nr. 305, s. 69.

ках и лошадях 14 июня 1717 года в Белград доставляется мука и ячмень в следующем количестве⁸⁹:

Тип	Повозка	Лошади	Кг
1 Мука	150	—	67 347
2 Мука	—	200	24 373
3 Мука	56	—	36 598
4 Мука	192	—	117 530
5 Мука	127	—	84 286
6 Мука	57	—	30 967
7 Ячмень	—	1 000	107 755
8 Мука	333	—	224 015
9 Мука	145	—	96 441
10 Мука	—	1 020	135 977
11 Мука	?	?	26 939
Всего			952 228

На протяжении девяти месяцев 1717 года из Видина в Белград и Ниш поставлялись пшеница, ячмень, мука и сухари в следующем количестве⁹⁰:

1. Пшеница	1 784 повозок × 5 007 лошадей
2. Ячмень	503 076 кг
3. Мука	1 213 272 кг
4. Сухари	56 311 кг

Именуемое в документах как «вторжение» в период этой войны⁹¹, окажет сильное влияние не только на Белградскую крепость, но и расположенную за ней Видинскую крепость. Именно по этой

⁸⁹ VSD. nr. 305, s. 79.

⁹⁰ VSD. nr. 305, s. 80.

⁹¹ VSD. nr. 305, s. 66, 98; nr. 67, s. 30; nr. 8, s. 8, 90.

причине 25 сентября 1717 года Реджеп-паша назначается на должность «Видинского сераскера»⁹².

БЕЛГРАДСКАЯ КРЕПОСТЬ ПОСЛЕ ПОЖАРЕВАЦКОГО МИРА

Утрата после подписания в 1718 году Пожаревацкого мира такого символа, как Белградская крепость, произведет на империю эффект холодного душа. Этот эффект, возможно, впервые подчеркнет важность и значимость такого понятия, как «граница». Понесенные ранее потери после Карловицкого мира в 1699 году не оказывали столь большого влияния и воспринимались, словно нежелательная ошибка. В подобное позднее осознание внесла вклад также обманчивая победа в Прутской войне 1711 года.

В то время, как потеря Белграда станет в полном смысле переломной точкой ввиду вынужденной необходимости перехода от завоевания к обороне. Отныне новой пограничной территорией на австрийском фронте становится Видинская крепость. До недавнего времени являвшаяся внутренней провинцией под охраной Белграда, Видинская крепость представляла собой крохотную каморку, если уместна такая метафора.

Даже по состоянию на 17 февраля 1720 года, Видинская крепость все еще описывается как «следующая законам шариата»⁹³. Однако ввиду потери Белграда приобретает значимость Видинское Попечительство⁹⁴. И впоследствии, начиная с 15 июня 1721 года, будет подчеркиваться значимость Видина как «воина священной войны»⁹⁵.

Наряду с этим, в течение пяти лет с 1719 по 1724 г. в Видинской крепости будет проведена реконструкция в качестве самой большой крепости. В приказе подобные изменения объясняют это так: «отныне Видинская крепость имеет такую же значимость, как Белградская и Тимишоарская крепости»⁹⁶.

Эта ситуация распространяется не только на Видин, но и на другие крепости империи, бывшие слабым звеном. Приводить

⁹² VSD. nr. 305, s. 84–85.

⁹³ VSD. nr. 67, s. 58.

⁹⁴ VSD. nr. 67, s. 76 (4 Ocak 1721).

⁹⁵ VSD. nr. 67, s. 84.

⁹⁶ VSD. nr. 67, s. 51.

примеры в данном случае нецелесообразно, поскольку их количество было очень велико. Важным моментом является то, что если ранее крепости возводились из дерева и кирпича, отныне они возводятся каменными.

Однако Белград был не просто крепостью, а фронтом перед таким серьезным и историческим врагом, как Австрия, а впоследствии и защитником Дуная. Кроме того, Белград представлял собой блестящий пример города-крепости, и в отличие от Будина, отражал социальную структуру империи. Поэтому с началом 1718 года Белград становится местом значительных изменений.

Первым из них является переселение людей из Белграда в Видин. В особенности евреи будут пытаться сохранить уклад, созданный ими в Белграде. Большим численным составом они покидают Белград и поселяются в Видине. В качестве примера можно привести еврейского доктора Яффо⁹⁷, таможенника Аврама⁹⁸ и сына Иосифа Арслана, прибывшего вместе со своими домочадцами⁹⁹.

Потеря Белграда окажет наибольшее влияние на Видин в региональном плане. Спустя пять месяцев после подписания Пожаревацкого мира, проведется перепись конных и пеших солдат Видинской крепости и близлежащих поселений. После переписи окажется, что в паланках проживают 492 янычара с ежедневным жалованием в 6 041 акче. Из этих паланок на территории за Флордином у истока пограничной реки Тимок, будут возведены открытые бараки.

Это будет сделано для предоставления гарантий в отношении двух соседних государств и станет местом поселения местных жителей. Для контроля за безопасностью в этих местах 26 октября 1718 года назначается Мурат Бей. До этого он служил мухадзимом поселения Голубац и прославился как «любящий свой народ». В направленном по этому случаю приказу о назначении отмечалось, что конные и пешие солдаты Флордина должны были ему в этом оказывать содействие¹⁰⁰.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что место перешедшего Австрии Белграда в экономическом, военном, политическом и да-

⁹⁷ BOA, C. SH. nr. 6–296

⁹⁸ VSD. nr. 8, s. 18

⁹⁹ VSD. nr. 43, s. 77. Bu konuyu da içeren *Vidin Yahudileri* adlı çalışmamız, yakında yayınlanacaktır.

¹⁰⁰ D. BKL.D. nr. 32403.

же социальном плане займет Видин. В качестве простого примера, Видин возьмет на себя полномочия Белграда по вопросу Дунайской таможни. Отныне Видин, как отмечается в приказе от 18 января 1732 года: «является крепостью в статусе Белграда на границе с Венгрией»¹⁰¹.

Однако такая большая ответственность приведет к тому, что спустя 20 лет, без Белграда, бюджет Видинской крепости станет дефицитным. Вслед за этим, 18 сентября 1739 года, Белград будет вновь возвращен в результате «последней победы» империи в успешной войне. А 31 октября 1739 года будет вновь введена система «пошлин в завоеванной Белградской крепости на основании законов великого государства»¹⁰².

14 февраля 1740 года глава капитанов лодок открытого типа Ахмет направляет просьбу о ремонте и оснащении 80 лодок открытого типа, назначенных для Белградской крепости¹⁰³. В феврале 1741 года губернатору Румели и мухафизу Белграда будет поручена реструктуризация Белграда. Прежний воинский состав крепости насчитывал 3 010 янычар. На этот раз из Видинской и Нишской крепостей в Белград направляют 6 000 местных конных и пеших янычар¹⁰⁴. Однако, несмотря на все эти предпринятые усилия, Белград уже никогда не сможет превзойти Видин.

Реконструкция здания Белградской крепости будет завершена 16 февраля 1749 года. В расположенной на наклонной поверхности крепости с давних времен имеется разделение на верхнюю и нижнюю. Чтобы быть точнее, «Верхнюю Белградскую крепость» и «Нижнюю Белградскую крепость».

Любая крепость — это в первую очередь неприступная стена или «сур» (крепостная стена). Также крепость — это редут, между стен которого расположено тяжелое вооружение. Несмотря на наличие ворот для открытия наружу, поскольку стены были окружены рвом, каждые из ворот открывались мостом. С этой позиции, если не брать в расчет рвы, добавлявшие высоты стенам крепости, основными единицами Белградской крепости, были следующие¹⁰⁵:

¹⁰¹ VSD. nr. 10, s. 100.

¹⁰² VSD. nr. 54, s. 55.

¹⁰³ VSD. nr. 18, s. 16.

¹⁰⁴ C. AS. nr. 551–23115.

¹⁰⁵ D. BŞM.BNED. nr. 15909.

Ворота Белградской крепости

- 1 Боснийские ворота
- 2 Ворота смотрителя замка
- 3 Лестничные ворота
- 4 Стамбульские ворота
- 5 Ворота лучников

Мосты Белградской крепости

- 1 Мост Боснийских ворот
- 2 Мост ворот смотрителя замка
- 3 Мост Стамбульских ворот
- 4 Мост ворот лучников

Редуты Белградской крепости

- 1 Белый редут
 - 2 Старый редут
 - 3 Пушечный редут
 - 4 Лестничный редут
 - 5 Редут лучников
 - 6 Редут Султана Мустафы
 - 7 Редут Султанйие
 - 8 Новый редут
-

По состоянию на 1754 год в арсенале Белградской крепости имелись следующие виды вооружений¹⁰⁶:

	Боеприпас	Измерение
1	Порох	107 033 кг
2	Пуля	1 637 560 кг
3	Железорудное сырье	1 493 268 кг
4	Затвор патрона	29 760 штук

¹⁰⁶ D. BKL.D. nr. 32545.

5	Стрела Стамбульского типа	11 000 штук
6	Лук стамбульского типа	235 штук
7	Стрела татарского типа	5 000 штук
8	Лук татарского типа	1 669 штук

Большая часть тяжелого вооружения, как ядра и хаваны рассчитывалась в зависимости от массы пушки. В том же 1754 году в Белградской крепости имелось следующее тяжелое оружие:

	Тип	Пушка	Число
1	Бронзовая пушка	28 кг	2
2	Бронзовая пушка	14 кг	1
3	Бронзовая пушка	18 кг	2
4	Бронзовая пушка	14 кг	12
5	Бронзовая пушка	12 кг	12
6	Бронзовая пушка	9 кг	2
7	Железная пушка	6 кг	5
8	Железная пушка	4 кг	4
9	Хаван	11 кг	4
10	Хаван	8 кг	11
11	Хаван	4 кг	7
12	Хаван	3 кг	1
13	Хаван	2,5 кг	10
14	Хаван	2,5 кг	2

В более поздний период Белградская крепость приобретет новый вид и в ее составе будут Тюремные Ворота, Ворота Аги, Кожевнические Ворота, Ворота Рыбного рынка; а также Двойной Дунайский редут, Мечеть Султана Махмуда, одноименный хаммам, 26 зимних казарм янычар и 5 казарм оружейников джебеджи¹⁰⁷. И во второй половине XIII века Белградская крепость ста-

¹⁰⁷ D. BŞM.BNE.D. nr. 15 942, nr. 16029.

нет одной из пяти крепостей в одном месте у османских границ, наряду с Видинской, Очаковской, Бендеры и Хотинской крепостями¹⁰⁸.

¹⁰⁸ С. А. S. nr. 320–13 253 (4 Augustos 1787).

А. В. Ганин

«НАША ТУРКЕСТАНСКАЯ
ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ...
ВОШЛА В СОГЛАШЕНИЕ
С АНГЛИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ».

Доклад полковника И. М. Зайцева
Войсковому атаману Оренбургского
казачьего войска генерал-лейтенанту
А. И. Дутову. 1919 г.

Жизненный путь и искания одного из ярких деятелей Белого движения генерал-майора И. М. Зайцева (1877–1934) в целом известны читателям, интересующимся военно-политической историей Гражданской войны в России и Белого движения¹.

Оренбургский казак по происхождению, Зайцев получил высшее военное образование в Императорской Николаевской военной академии. В Первую мировую войну стал георгиевским кавалером, дослужился до чина полковника. Октябрь 1917 г. Зайцев встретил в должности командующего русскими войсками и комиссара Временного правительства в Хивинском ханстве. В Туркестане офицер вступил в борьбу с большевиками первоначально открытую, а позднее — тайную, в рядах Туркестанской военной организации.

¹ Биографический очерк о нем см.: *Ганин А. В.* Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // *Казачество России в Белом движении. Белая гвардия* (Москва). Альманах. 2005. № 8. С. 193–207. Также см.: *Ганин А. В.* «Я дал клятвенное обещание неустанно, неусыпно вести борьбу с палачами и тиранами русского народа ...» Новые материалы о генерале И. М. Зайцеве // *Известия Лаборатории древних технологий* (Иркутск). 2017. Т. 13. № 3. С. 109–121; *Он же.* Шестой побег генерала Зайцева // *Родина*. 2005. № 3. С. 28–32; *Он же.* «Соловки» Ивана Матвеевича Зайцева // *Воспоминания соловецких узников 1923–1939*. Соловки, 2014. Т. 2. 1925–1928. С. 162–171.

В апреле 1919 г. Зайцев пробрался через линию фронта к белым. Осенью того же года занял значимый пост начальника штаба Оренбургской армии при командующем А. И. Дутове. Позднее был командирован Дутовым со специальной военно-дипломатической миссией в Китай. В 1924 г. приехал в СССР для продолжения борьбы с большевиками. Оказался разоблачен и попал на Соловки. В 1928 г. бежал, а на следующий год перешел в Китай. Будучи встречен с подозрением, через несколько лет покончил с собой в Шанхае.

Именно опыт участия в работе белого подполья в Туркестане позволил Зайцеву составить доклад Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанту А. И. Дутову о положении в Туркестане, датированный 27 апреля 1919 г. Доклад стал, пожалуй, основным документом периода Гражданской войны, связанным с именем Зайцева. Ценность доклада отмечали сами белые уже в Гражданскую войну, а позднее косвенно такую ценность признали и советские историки. Тем не менее, этот важный документ до сих пор оставался неопубликованным.

Туркестан являлся периферией Гражданской войны. В силу местной специфики далеко не все значимые события и процессы в этом многонациональном регионе оказались документально зафиксированы. Тем важнее введение в научный оборот новых источников по этой теме.

Доклад Зайцева прилагался к подлиннику составленной атаманом А. И. Дутовым секретной «Записки о Башкирии, Киргизской степи и Оренбургском крае» от 26 мая 1919 г., адресованной министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву². Документ хранится в фонде Департамента общих дел МВД колчаковского правительства.

Доклад затрагивает различные аспекты жизни Туркестана после революции. Среди прочего он раскрывает подробности работы антибольшевистского подполья в регионе и дает представление о движении басмачей.

² ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 22–27. Публикацию записки Дутова по копии из другого дела см.: «Сам народ темен и легко поддается агитации». Записка атамана А. И. Дутова о внутривойсковой ситуации в Башкирии и на северо-западе Казахстана / публ. Д. А. Аманжоловой // Источник (Москва). 2001. № 3. С. 46–51. Публикация ошибочно адресовала эту записку прежнему министру внутренних дел А. Н. Гаттенбергеру, который на момент написания Дутовым документа уже ушел в отставку.

В советское время публиковались два абзаца одной из редакций доклада, якобы датированной октябрём 1918 г., о сотрудничестве белых с англичанами³. Можно сказать, что доклад в определенных рамках приобрел популярность у советских историков. В нем Зайцев упомянул о том, что после свержения большевиков будет создана Туркестанская автономная республика под исключительным влиянием Великобритании⁴. Такое заявление выглядело очевидным доказательством того, что белые являлись агентами Антанты, которая, в свою очередь, поделила Россию на зоны влияния.

Помимо основной редакции доклада нам удалось выявить и более развернутую, но фрагментарную. В РГВА в фонде управления Оренбургского военного округа сохранился подписанный Зайцевым наиболее полный фрагмент развернутого варианта этого документа, фрагмент меньшего объема сохранился и в ГА РФ в фонде Совета министров Российского правительства (адмирала А. В. Колчака)⁵. Однако целиком доклад в этой редакции обнаружить не удалось.

Насколько можно судить, копии доклада Зайцева рассылались в различные органы власти белой Сибири (канцелярия Верховного правителя, управление делами Верховного правителя и Совета министров, МИД, департамент милиции МВД, департамент общих дел МВД), что обусловило распространение документа в соответствующих архивных фондах⁶.

³ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. Сб. док. Алма-Ата, 1947. С. 134; Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. Алма-Ата, 1963. Т. 1. Май 1918 г. — сентябрь 1919 г. С. 91.

⁴ См., напр.: *Покровский С. Н.* Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата, 1967. С. 119–120; *История Казахской ССР.* Алма-Ата, 1977. Т. 4. С. 120; *Иноятов Х. Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М., 1984. С. 20.

⁵ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–21; ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 1–19.

⁶ В ГА РФ имеются идентичные публикуемому докладу незаверенные машинописные копии с указанием на то, что подлинный документ подписан И. М. Зайцевым (ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 451. Л. 1–14; Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 3. Л. 32–45). Кроме того, на основе доклада Зайцев составлял и другие документы. Неполный вариант его доклада «Об общем положении дел в Туркестанском крае», составленный в Омске, датированный 4 июля 1919 г. (под № 48) и адресованный председателю Совета министров Российского правительства П. В. Вологодскому, хранится в: ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 402–403об. На этом эк-

Копии доклада встречаются и в партийных архивах⁷. В качестве примечания к одной из таких копий советский комментатор отметил: «“Доклад” полковника Зайцева изобилует искажениями истины, всевозможными измышлениями и просто беззастенчивым враньем. Воздерживаясь от полемики с автором этого документа и снабжая краткими примечаниями только те места, где фантазия полковника разыгрывается особенно резко, печатаем “Доклад” почти целиком как образец творчества ретивых белогвардейских заправил»⁸. Впрочем, насколько можно судить, в печать документ так и не пропустили.

Публикация доклада была бы наиболее простым решением, однако информативность этого источника существенно возрастает, если провести сравнительный анализ сохранившихся в разных архивах редакций, выявить смысловые разночтения и внести их в комментарии, исправить явные ошибки, а также добавить те комментарии, которые делались к докладу читателями в белой Сибири, равно как и архивистами уже в советское время. Такая работа была проведена публикатором по материалам РГВА, ГА РФ и РГАСПИ. В результате удалось выявить и систематизировать все существенные дополнения к тексту документа (различное написание отдельных слов в комментариях не выносилось), а также комментарии, внести необходимые исправления, устранив дефекты текста.

Представленный материал позволяет лучше понять взгляды автора доклада, разобраться в том, что же пытался донести Зайцев до белого командования на Востоке России, а о чем решил умолчать, проанализировать содержание доклада во всей его полноте, определить характер и мотивы внесенных изменений, а также реакцию читателей.

Авторству Зайцева принадлежат и некоторые другие документы, освещавшие положение в Туркестане. В частности, направленный атаману А. И. Дутову доклад об образовании Амударьинского казачьего войска, датированный 12 августа 1919 г.⁹, а также се-

земляре Вологодским написано: «Доклад представляет несомненный интерес. Необходимо доложить его в Совете у Верхов[ного] правителя. 9/VII [19]19 Вологодский» (Там же. Л. 402).

⁷ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 1–23. Эта советская копия в целом идентична публикуемому документу.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ РГВА. Ф. 39 709. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-5об.

рия статей¹⁰. Впоследствии свою деятельность в Туркестане Зайцев осветил в воспоминаниях¹¹.

Доклад публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Копия

Секретно

ДОКЛАД ПОЛКОВНИКА ЗАЙЦЕВА
БЫВШЕГО КОМАНДУЮЩЕГО
ВОЙСКАМИ И КОМИССАРА
В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ
И АМУ-ДАРЬ[ИНСКОМ] ОТА[ЕЛЕ]
И КОМАНДИРА 4-ГО ИСЕТСКО-
СТАВРОПОЛЬСКОГО ПОЛКА
ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

27 апреля 1919 г.

№ 36

г. Троицк.

Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска.

Во исполнение Вашего личного приказа докладываю кратко о тех событиях в Туркестанском крае, в которых пришлось мне принимать участие, о тех работах по борьбе с большевиками, которые я выполнял во время моих скитаний по Туркестанскому краю,

¹⁰ Зайцев И. В стане баш-курбашей Иргаш-бая и Ишмат-бая (Из истории священной войны Ферганы с большевиками) // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 92. 21.05. С. 1–2; *Он же*. В стане баш-курбашей Иргаш и Ишмат-бая (Из истории священной войны Ферганы с большевиками) // Утро Сибири. 1919. № 112. 31.05. С. 3; *Он же*. Смехотворная Туркестанская красная армия // Оренбургский казачий вестник. 1919. № 94. 24.05. С. 2.

¹¹ И. З. Из недавно пережитого // Соловецкие острова. Ежемесячный журнал — орган управления Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ. 1926. № 4. С. 55–71; № 5–6. С. 30–41.

а также на основании моих личных наблюдений и сведений, добытых тем или иным путем, излагаю общее положение в Туркестанском крае, возможные в недалеком будущем события и как последствие этих событий будущая судьба Туркестана, и какие меры возможно и необходимо принять, чтобы предотвратить нежелательные события¹².

Вследствие разнообразия затрагиваемых мною вопросов, я, чтобы осветить каждый из них отдельно, позволю себе в своем докладе изложить нижеследующие отдельные вопросы:

1) Краткое описание событий, участником которых я был, происшедших после октябрьского (1917) бунта большевиков и до 1 июля 1918 года¹³.

2) Работы Туркестанской военной организации.

3) Настоящее положение Туркестанского края в военном, политическом и экономическом отношениях.

4) Возможные события в недалеком будущем и неопределенная судьба Туркестана.

Все нижеизложенное, касающееся исторической части моего доклада, будет удостоверено впоследствии и документальными данными, а именно:

а) все письменные материалы, касающиеся выхода моего отряда из Хивы, дальнейшего движения от Чарджуя¹⁴ к Самарканду с целью устроить переворот и боя под станцией Ростовцево, находящаяся частью в делах штаба бывшего военного округа, а частью в Туркестанском революционном трибунале. Эти материалы и послужили основанием для обвинения меня и присуждения к смертной казни, и лишь благодаря счастливой случайности, замененной 10-ю годами каторжных работ.

¹² В докладе, адресованном П. В. Вологодскому, отмечено: «Излагаю общее положение дел в Туркестанском крае; какие возможны события в будущем, если предоставить ход и исход их собственному произвольному течению и как последствие этих событий неопределенная судьба Туркестана, и какие меры возможно и необходимо сейчас же принять, чтобы: во-первых, ускорить свержение советской власти в Туркестане, а, во-вторых, предотвратить принудительное отделение или добровольное выделение края, распадение или отпадение некоторых областей и сохранить Туркестан в прежних границах в составе возрождающегося Российского государства» (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 402).

¹³ В докладе П. В. Вологодскому первый пункт опущен. Вместо него была приложена копия первой части доклада, адресованного А. И. Дутову и статьи И. М. Зайцева (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л.402об.).

¹⁴ Ныне — Туркменабад.

б) Относительно вторичного арестования меня и содержания в тюрьме г. Туркестана имеется в Туркестанском революционном трибунале о землемере Н. К. Томилине¹⁵.

В настоящее время некоторые, правда немногие, из уцелевших моих друзей и приятелей, работавших со мной в Туркестанской военной организации по борьбе с большевиками, — томятся частью в крепостях и тюрьмах, а частью укрываются от преследований большевиков — почему, чтобы как-нибудь не повредить им, я буду в своих упоминаниях о некоторых лицах обозначать их фамилии отдельными буквами.

А) Краткое описание событий, участником которых я был, прошедших после октябрьского (1917) бунта большевиков и до 1 июля 1918 года.

Б) Конфликт с советскими властями Туркестанского края и выход моего отряда из Хивинских владений.

Так как Войсковому правительству мало известно о тех событиях, когда я с казачьим отрядом выступил в январе месяце прошлого года из Хивинских владений в Чарджуй, здесь соединившись с эшелонами других казачьих войск, мы отправились на Самарканд и Ташкент, имея цель свергнуть советскую власть и освободить Туркестанский край от преступных разбойничьих банд большевиков.

Кроме того, эти события не могли быть правильно освещены еще и потому, что мало лиц было посвящено в наши истинные цели и намерения и, если впоследствии что и передавалось, то, видимо, в превратном виде (более правдоподобно освещены самаркандские события Советскими властями Туркестана, — доклад комиссара Полторацкого¹⁶ на втором краевом съезде в марте мес [яце] 1918 г); почему считаю необходимым кратко доложить об этих печальных и прискорбных для меня событиях, когда, благодаря измене и предательству нескольких лиц, наши благие цели и намерения были разрушены, и наше выступление, вместо избавления края от большевиков, было причиной невероятных жестокостей и насилий над мирным населением. По на-

¹⁵ Инициалы исправлены по другой редакции (ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 451. Л. 2).

¹⁶ Полторацкий Павел Герасимович (1888-1918) — член РКП (б), председатель Совнархоза Туркестанской республики, член президиума Туркестанского ЦИК, казнен во время антисоветского восстания в Мерве.

шей вине был разграблен и опустошен цветущий, богатый город Коканд.

Сейчас я желаю кратко коснуться этих событий, чтобы показать, а впоследствии документально доказать, как организовано было наше выступление против большевиков, как обеспечен был наш успех и как мы с небольшими усилиями и малыми жертвами могли бы достигнуть своей цели и тогда же уничтожить в корне большевизм в Туркестанском крае.

Я глубоко уверен, что не было бы сейчас советского Туркестана и, вероятно, не было бы настоящего здешнего фронта и тысячных жертв, — но упущенный момент не вернется вовек.

Ход и исход последующих событий воочию убедил тех изменников и предателей, какое великое зло они сотворили, когда вели усиленную агитацию против меня, подстрекали казаков не вступать в борьбу с большевиками, и те, после того, как уж красная гвардия была разбита нами, малодушно и с позором сдали оружие небольшой банде большевиков.

Вот кратко, как в действительности произошли события.

После октябрьского бунта большевиков и после преступного захвата ими власти, я, будучи командующим войсками и комиссаром в Хивинском ханстве, отверг вновь образовавшуюся в крае Советскую власть и послал во все концы телеграммы с заявлением, что я признаю лишь законную власть Временного правительства, а ставшую у власти банду большевиков считаю государственными преступниками.

Совет солдатских и рабочих депутатов в Хивинском ханстве вполне разделяли мои взгляды и следовали моим указаниям. Телеграммы были посланы: а) Окружно через Баку в Петроград Временному правительству с просьбой дать распоряжений относительно действий Хивинского отряда; б) Войсковым правительствам тех казачьих войск, казаки которых были под моей командой (Оренбургского, Уральского и Уссурийского) и в Ташкент — с протестом против преступного захвата власти.

Но мы, окруженные со всех сторон пустынями, а потом областями, захваченными большевиками, были отрезаны от всего мира и ниоткуда никаких известий не получали.

Туркестанские советские власти разных ведомств начали осаждать приказами и распоряжениями, ни одного из них я не исполнил. Казачьим частям я объявил, что все, что будет касаться казачьих частей, особенно их передвижений, я буду вы-

полнять лишь распоряжения их Войсковых правительств по принадлежности.

Вскоре большевики назначили вместо меня своих комиссаров по военной и административной частям, но эти господа доехали лишь до Чарджуя — дальше убоялись.

Дальше они командировали в Хиву 14 человек агитаторов с целью при помощи солдат дружин и батарей, бывших под моей командой, арестовать меня и препроводить в Ташкент. Эти уполномоченные доехали до Петро-Александровска¹⁷, где предупредили их, что хотя в городе Хиве немного казаков, но в защиту полковника Зайцева встанут узбеки и туркмены, и эти мерзавцы уехали ни с чем. Все же началось сильное брожение среди солдат хивинского гарнизона, явно враждебное казакам. Предполагалось нападение на казаков и повторение того, что произошло в Ташкенте. Тогда я начал спешно стягивать в гора Хиву казачьи части с разных сторон Хивинского ханства, и когда они начали подходить, я выгнал с позором товарищей 2-х дружин из Хивинских владений.

Не получая ниоткуда никаких известий, мы командировали делегатов в Оренбург в Войсковой Круг испросить соответствующих распоряжений относительно действий полка. Я дал делегатам указания на тот предмет, что если необходимо и возможно, то выступить полку одновременно с войском для совместных действий против большевиков.

В течение месяца не было никаких известий от наших делегатов. Находясь в полном неведении относительно положения дел внутри России и не зная намерений Войскового Правительства, я наметил следующий план будущих действий полка и Уральской сотни.

1) До наступления теплого времени, т. е. в течение 3-х месяцев оставаться в Хиве. Хивинское правительство обязывалось содержать полк на свой счет, так как советская власть прекратила отпущать всех видов довольствия.

2) Привлечь на свою сторону туркмен, и в этом направлении я вед тайно переговоры с ханом Джунаидом¹⁸, главой всех туркменских племен, который выразил согласие совместно действовать против большевиков и обещал собрать 10 тыс. всадников. Вот

¹⁷ Город Сырдарьинской области.

¹⁸ Джунаид-хан (Курбан Мамед) (1857–1938) — лидер туркмен-йомудов, фактический правитель Хивы (1918–1920), один из руководителей басмачества в Туркмении.

разгадка тех отношений, которые установились между мной и ханом Джунаидом, которые казались тогда многим странными.

3) Сформировать 2 батареи; пушки и снаряды были в моем распоряжении; необходимое число лошадей для этой цели я передал уже в свой полк.

и 4) С наступлением теплого времени, т. е. в начале марта, выступить с этим отрядом на помощь родному войску и следовать, в зависимости от обстановки, или через Казаинск и Уральскую область, или же если сложатся благоприятные условия, через Чарджуй. К этому времени я надеялся установить прочно связь со своим войском.

И вот в духе этого плана мы начали вести подготовку. Конечно, все это приходилось держать в строгой тайне, ибо мы жили вместе с товарищами, но офицеры были отчасти посвящены в мои планы и вполне согласились с моими доводами. Казаки же рвались все время домой, но я надеялся уговорить их.

20-го декабря было получено первое известие от наших делегатов, командированных в Оренбург. Они сообщили условным шифром, что Войсковой Круг вызывает все части в свое войско, а потому необходимо так или иначе перебраться полку в родные края.

После таких известий пришлось отказаться от моего первоначального плана, а следовать сейчас же на призыв Войскового Круга.

После нескольких обсуждений на общих собраниях всех комитетов, когда все казаки и офицеры, как моего полка, так и уральской сотни, выразили мне полное доверие и готовность следовать в полном составе в родные войска и обязательно с оружием в руках, невзирая ни на какие препятствия, — мы начали готовиться к выступлению.

В это время пробрались в Хиву 2 делегата от Временного правительства автономного Туркестана и обратились ко мне с просьбой оказать содействие для свержения советской власти и принять общее руководство выступлением против большевиков. Они сообщили мне, какие силы и средства имеются у вновь образовавшегося Временного правительства, и какие меры приняты для одновременного восстания в больших городах Туркестана.

Принимая во внимание общую обстановку, оценивая силы и средства большевиков, их непрочное тогда положение, я решил, воспользовавшись тем предлогом, что мы якобы имеем единственное желание пройти в наши войска со всем нашим оружием, что, несомненно, приведет к конфликту, вступить в открытую борьбу

с Советской властью с целью произвести переворот в Туркестанском крае.

Имея такую цель, я вошел в связь через моих делегатов и штаб Туркестанской казачьей дивизии с другими казачьими частями, расположенными в Туркестанском крае, а также следующими с фронта. И вот с таким намерением я выступил с полком и Уральской сотней из Хивы в Чарджуй.

Ко времени нашего прихода в Чарджуй здесь собралось несколько эшелонов казаков разных казачьих войск; они поджидали нас, как было условлено. Всего собралось 14 сотен и полубатарей (здесь были: 6 сотен моего 4-го полка, 4 сотни 7-го полка, 2 сотни сибирских казаков, сотня уральцев, сотня семиреченцев).

Сейчас же по приезде в Чарджуй ко мне явились представители Временного правительства автономного Туркестана: министр народной обороны Ходопаев, министр внутренних дел Ч. и другие, которые обратились с просьбой прогнать банду большевиков, захвативших в крае власть, и восстановить в правах законное правительство и просили меня принять общее руководство движением. Здесь же, в Чарджуе, явился ко мне делегат от войска прапорщик Заведеев с предложением Войскового правительства оказать содействие мусульманскому правительству автономного Туркестана.

Явился также ко мне катемухардар¹⁹ туркменских племен Закаспийской области и предложил свои услуги для устройства переворота в Асхабаде²⁰.

После нескольких обсуждений был выработан подробный план для одновременного свержения советской власти во всем крае. Все было тщательно подготовлено, установлена связь с большими центрами и разосланы соответствующие указания, и успех был вполне обеспечен, так как у большевиков были незначительные силы.

Советская власть объявляет железную дорогу на осадном положении, а нас, казаков, вне закона. Я объявляю Чарджуй на военном положении и принимаю боевые меры.

Головная группа наших эшелонов двинулась на Самарканд; в пути обезоружили всюду красную гвардию и отобрали все оружие, заняли Самарканд. Все население встретило казаков с вос-

¹⁹ «Кате» в переводе с урду — решительный, нестигаемый, беспощадный, убийственный (выражаю благодарность за консультацию к.и.н. А. В. Куприянову), «мухардар», «миохирдар» — хранитель печати.

²⁰ Ныне Ашхабад.

торгом, устраивало шумные манифестации, весь Самаркандский гарнизон перешел на нашу сторону²¹.

В Чарджуе я приказал арестовать Совет рабочих и солдатских депутатов и революционный комитет и объявил советскую власть свергнутой и передал управление органам Временного правительства.

Следом за головной группой двинулся я с главными силами пятью поездами. В это время, как было раньше условлено, произошло восстание в Коканде и там большевики были совсем уничтожены²². В пути получил известие, что 6-й Сибирский запасный стр[елковый] п[олк] отказался идти против нас и перешел на нашу сторону. Далее было условлено, когда мы пройдем Самарканд, должно произойти восстание в Асхабаде при поддержке туркмен и 2-го Семиреченского каз[ачьего] п[олка], когда они минуют Тамерлановы ворота у Джизака²³, должно вспыхнуть восстание в Ташкенте.

Выступая из Чарджуя, я послал приказание головной группе эшелонов выступить из Самарканда и двигаться дальше к Тамерлановым воротам, где и ожидалось столкновение с красной гвардией.

И вот головная группа встретила главные силы красной гвардии у ст. Ростовцево, это первая станция от Самарканда; вступила в бой и разбила красную гвардию, которая в беспорядке бежала²⁴.

Вечером в день боя я подошел с главными силами к Самарканду и ночью двинулся под Ростовцево, но путь был сильно испорчен, дальше нельзя было двигаться; на перегоне столпилось 11 поездов; произошло крушение.

²¹ Восторженно встретили казаков только буржуазные круги населения. Самаркандский гарнизон объявил нейтралитет, а не перешел на сторону белоказачков. Нейтралитет продолжался несколько дней и закончился выступлением против белогвардейщины (*примеч. советского комментатора*, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 7).

²² В Коканде действительно произошло в это время выступление национальной и русской буржуазии. Силы партии уничтожены не были, а подверглись осаде в кокандской крепости, каковая осада была снята красными отрядами, прибывшими из-под Самарканда после разгрома белоказачков (*примеч. советского комментатора*, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 8).

²³ Тамерлановы ворота — наиболее узкая часть ущелья реки Санзар в западной части Памиро-Алтая в Узбекистане на пути между Ташкентом и Самаркандом.

²⁴ Не соответствует действительности. Как раз наоборот (*примеч. советского комментатора*, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 8).

Тогда я решил занять Самарканд и крепость, а после исправления пути двигаться и действовать дальше.

Начатое нами дело должно бы было, вне всякого сомнения, закончиться полным успехом; у большевиков не было сил для противодействия, минуты их были сочтены; комиссары собирались уже бежать из Ташкента²⁵. Население Ташкента ликовало и ждало нас; в городе распространялись наши прокламации. Советские власти, потеряв голову, не в состоянии были противодействовать.

Но вот тут произошло печальное и прискорбное явление. Из среды казаков нашлось несколько изменников и предателей, которые начали вести усиленную агитацию против меня, подстрекая казаков не слушать меня, избегать столкновений с товарищами красногвардейцами, беспрекословно сдать оружие и просить большевиков отправить скорее безоружными домой. Большевики, видя колебания среди казаков, нагло предложили сдать оружие и, хотя их было немного, собравшаяся банда из местного гарнизона оцепила на станции поезда 2-й и 4-й сотен. Наши поезда были умышленно оставлены в поле. Узнав о критическом положении 2-й и 4-й сотен, я приказал 6-ой сотне взять оружие и идти со мной на станцию, но 6-ая сотня отказалась. Далее на общих собраниях, где особенно ораторствовали изменники и предатели, сотни вынесли постановление избегать всяких столкновений и неприятных действий против большевиков, а сдать оружие беспрепятственно. Все мои уговоры были безуспешны.

Узнав, что получены телеграммы от комиссара Колесова²⁶ арестовать меня, я скрылся сначала в Самарканде, но зная, что по приказанию Колесова посланы казаки арестовать меня и предать в руки большевиков для расправы со мной. Кажется, распоряжение о розыске меня отдал вновь назначенный комиссар полка подьесаул Лыков²⁷, который усиленно вел агитацию против ме-

²⁵ Комиссары (Полторацкий, Колесов и друг[ие]) не бежали, а руководили боями с войсками Зайцева (*примеч. советского комментатора*, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 9).

²⁶ Колесов Федор Иванович (1891-1940) — один из организаторов борьбы за Советскую власть в Туркестане, председатель СНК Туркестанской АССР.

²⁷ По всей видимости, речь идет о М. В. Лыкове. Лыков Михаил Васильевич (1883-?) — подьесаул, позднее есаул, на службе в 4-м Исетско-Ставропольском полку Оренбургского казачьего войска. Подробнее о нем см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник*. М., 2007. С. 340.

ня. Об этом предупредили меня те же казаки, что были посланы на розыски меня.

Тогда я укрывался ночь в оврагах в окрестностях Самарканда, а на следующий день отправился пешком по направлению к Бухаре, сделав 60 верст, когда открылось железнодорожное движение, то я переодетый железнодорожным сторожем, поехал в Асхабад с целью пробраться домой.

После самаркандских событий был установлен строгий контроль на железных дорогах. В Асхабаде меня узнали, арестовали и заключили в тюрьму. Через два дня прибыл в Асхабад карательный отряд Колесова, который сейчас же составил полевой суд для осуждения меня.

Это странное судилище из пьяных хулиганов красногвардейцев предъявило мне следующие четыре пункта обвинений:

1) В том, что я вошел в соглашение с Войсковым правительством и Войсковым атаманом о совместных действиях против Советской власти.

2) В том, что я вошел в согласие с Временным правительством автономного Туркестана с целью устроить переворот, свергнуть Советскую власть и предполагал сформировать и вооружить мусульманские отряды.

3) В том, что я с той же целью свергнуть Советскую власть вошел в соглашение с другими казачьими частями, следующими через Туркестанский край.

4) В том, что я, будучи главным руководителем, вступил в бой с советскими войсками под ст. Ростовцево.

Суд единогласно постановил предать меня смертной казни через расстреляние.

Казнь была назначена через 2 часа.

Могила была уже готова и все приготовления к расстрелу были сделаны, как вдруг за 15 мин. Врываются в вагон солдаты кушкинской батареи, бывшей в составе карательного отряда, прогнали красногвардейцев, охранявших меня, и вступили в караул. Благодаря счастливой случайности я был спасен.

Оказалось, в кушкинской батарее было много солдат, которые служили в Хиве под моей командой. Узнав о моей горькой участи, они созвали общее собрание артиллеристов, после чего отправили делегатов к комиссарам и в революционный трибунал с требованием, что они знают меня по службе в Хиве, что я относился всегда к ним сердечно, отечески заботился об их семьях, — почему они не позволят

расстрелять меня, а просят взамен казни наложить какое угодно другое наказание, подкрепив свое требование угрозой выйти из отряда.

Тогда революционный трибунал вызывает меня вторично и объявляет, что смертная казнь заменяется мне десятью годами каторжных работ, а пока я буду сидеть в одиночном заключении в крепости.

Красногвардейцы были возмущены вмешательством артиллеристов и требовали, чтобы расстреляли меня сейчас же, но комиссар Колесов успокоил их и обещал, что со мной в крепости все равно покончат.

13-го февраля доставили меня в Ташкент и заточили в одиночное заключение в крепости.

То, что мне пришлось перетерпеть в крепости, трудно передать и невозможно описать. Два раза выводили меня ночью из камеры и намеревались расстрелять самосудом, но Господь Бог спасал меня чудом. Зная мое тяжелое положение в крепости, наши организации, Туркестанская военная и мусульманская, приняли горячее участие и решили так или иначе освободить меня из заточения, — тем более предполагалось выступление против большевиков, и на меня возлагали главное руководство.

Много было разных предположений для моего освобождения, много было затрачено денежных средств, благодаря разным шантажистам, а время все шло. Наконец, в ночь на первое июля я бежал из крепости при содействии членов Туркестанской организации.

На другой день после моего побега ко мне явилась группа офицеров и от имени Туркестанской военной организации обратилась с просьбой принять главное руководство движением в Ташкенте.

Я охотно согласился.

Советские власти принимали всевозможные меры к розыску меня, обещав денежную награду в 10 тысяч рублей за поимку меня²⁸.

Б) Туркестанская военная организация.

а) Цели, преследуемые организацией.

В Туркестанском крае образовалась многочисленная контрбольшевистская партия, так называемая Туркестанская военная организация.

²⁸ Сплошная выдумка (примеч. советского комментатора, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 11).

Ташкентские советские власти имели самые неопределенные сведения об этой организации и лишь по догадкам предполагали, что существует какая-то²⁹ организация. Лишь только в последнее время после осиповского выступления в Ташкенте, большевикам удалось, и то лишь отчасти, раскрыть замыслы и деятельность нашей организации³⁰.

Туркестанская военная организация имеет главной целью свержение советской власти, беспощадное уничтожение большевизма в крае, объединение всех народов Туркестана на началах равенства и братства и образование автономной Туркестанской республики³¹.

б) Состав организации и главные руководители.

В состав Туркестанской военной организации входит³² большинство офицеров, находящихся в Туркестанском крае³³, много лиц разных профессиональных союзов, многочисленная группа рабочих С[редне]а[зиатских] м[астерских]³⁴.

²⁹ В докладе П. В. Вологодскому — довольно сильная (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 402 об.).

³⁰ В докладе П. В. Вологодскому далее: (Разбор дела Агапова и Попова в Туркестанском верховном революционном трибунале) (Там же. Л. 403).

³¹ В докладе П. В. Вологодскому далее: Относительно будущего международного положения этой республики существуют между членами организации два разные, совершенно противоположные предположения и намерения. Как мною будет доложено ниже, главные руководители Туркестанской военной организации, принадлежащие к английской ориентации, вследствие соглашения с представителями английского правительства предполагают, что после свержения Советской власти автономная Туркестанская республика будет состоять под исключительным влиянием Англии, другая группа нашей организации, притом самая многочисленная, не посвященная в намерения главных руководителей, надеется, что освобожденный от большевистского ига Туркестан будет составлять неотъемлемую составную часть возрождающегося Российского государства (Там же. Л. 403).

³² В докладе П. В. Вологодскому — с самого начала ее образования вошло (Там же).

³³ В докладе П. В. Вологодскому далее — впоследствии примкнуло (Там же).

³⁴ В докладе П. В. Вологодскому далее — Туркестанская военная организация приняла весьма деятельное участие в освобождении меня из крепости и благодаря ее содействию, а также Мусульманской организации, мне удалось бежать из Ташкентской крепости.

На другой день после моего побега явилась ко мне группа офицеров и от имени Туркестанской военной организации обратилась с просьбой принять главное руководство движением в Ташкенте.

Я охотно согласился и вступил в организацию (Там же. Л. 403–403 об.).

Главными руководителями были: генерал-лейтенант К.³⁵ ... Командующий Туркестанской народной армией (предназначавшийся³⁶ военным министром), я выполнял обязанности начальника штаба народной армии (предназначался...), П. С. Н.³⁷ ... Казначей организации (будущий министр финансов), генерал Ф.³⁸, полковник Б.³⁹ ... и К.⁴⁰ ..., инженер Ф.⁴¹ ...

в) Отделы организации.

Туркестанская военная организация имеет отделы почти во всех городах Туркестанского края. Самые сильные, прочные и надежные были: в Асхабаде, в Коканде, в Скобелеве⁴² и Андижане: они уже проявили себя блестящим образом⁴³, далее следуют отделы в Аулие-Ата⁴⁴, Верном⁴⁵, Самарканде и Джизаке. Почти нет наших людей в Казалинске, Перовске⁴⁶ и Туркестане. Все отделы поддерживают связь с центральным органом организации⁴⁷, кроме того, организация вошла в соглашение с эмиром Бухарским и ханом Джунаидом, главой хивинских туркмен и заручилась их согласием⁴⁸ оказать возможное содействие вооруженной силой.

³⁵ Зайцев ошибается. А. Л. Кондратович имел чин генерал-майора. Кондратович (Сирокомля) Лука Лукич (1866–?) — генерал-майор, один из руководителей Туркестанской военной организации.

³⁶ В докладе П. В. Вологодскому — после переворота (Там же. Л. 403 об.).

³⁷ Назаров Павел Степанович (1863–1942) — горный инженер, зоолог, казначей Туркестанской военной организации. Подробнее о нем см.: *Назаров П. С.* Бегство из Центральной Азии. Бишкек, 2015.

³⁸ Федоров — генерал-майор.

³⁹ Блаватский Г. В. — полковник, член Туркестанской военной организации, дежурный генерал по организации Народной армии.

⁴⁰ В докладе П. В. Вологодскому — (брат знаменитого генерала Корнилова), во время поездки в Фергану в стане Иргаш-бая и Ишмат-бая выполнял при мне обязанности начальника штаба (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 403об.). Корнилов Петр Георгиевич — полковник, брат генерала Л. Г. Корнилова.

⁴¹ Фридберг — инженер. В докладе П. В. Вологодскому Зайцев упоминает и полковника Руднева (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 403 об.).

⁴² Ныне Фергана.

⁴³ Далее в докладе П. В. Вологодскому — освободившись от большевиков (Там же).

⁴⁴ Ныне Тараз (в советское время Джамбул).

⁴⁵ Ныне Алма-Ата.

⁴⁶ Ныне Кызылорда.

⁴⁷ Далее в докладе П. В. Вологодскому — в Ташкенте. Наша организация при содействии бывшего военного комиссара края Осипова ставила своих верных и надежных людей в разные советские управления и учреждения, в красноармейские части (2 и 4 Советские полки и проч[ие]) и в милицию (Там же).

⁴⁸ В докладе П. В. Вологодскому — в общем выступлении против Советской власти в Туркестане (Там же).

г) Сила и средства организации⁴⁹.

До мая месяца прошлого года наша организация существовала на добровольные пожертвования сочувствующих состоятельных лиц;⁵⁰ вела усиленную агитацию против большевиков среди войск и населения и вербовала новых членов, увеличивая свои кадры. Людей верных и надежных, особенно в Ташкенте, было достаточно⁵¹, чтобы выступить активно против большевиков, но не было оружия, а главное, не было денег, чтобы приобрести оружие тем или иным путем⁵². Между тем советские власти в крае все более закреплялись, увеличивая свои вооруженные банды новыми формированиями. При таких условиях не могло быть и речи об активном выступлении, разве при особо благоприятных условиях⁵³.

д) Соглашение с английскими представителями.

Почему наша организация была вынуждена обратиться за помощью и содействием к Англичанам. Когда прибыл в Ташкент английской службы майор Б.⁵⁴., то организация вошла в переговоры с ними и английским консулом. Посредником между организацией и представителями английского правительства был генерал Джунковский (бывший петроградский градоначальник⁵⁵)⁵⁶. Со-

⁴⁹ В другой редакции — Первоначальные силы и средства организации (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

⁵⁰ В другой редакции — после самаркандских событий (Там же).

⁵¹ В другой редакции доклада Зайцев писал о сотрудничестве организации с военным комиссаром края Осиповым, внедрении своих людей во 2-й и 4-й Советские полки и в милицию (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 64. Л. 403 об.).

⁵² В другой редакции — А возможность к тому представлялась (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

⁵³ В другой редакции — А именно, при сильном нажиме в актюбинском направлении, на что мы рассчитывали, но наши надежды оказались тщетными (Там же).

⁵⁴ Бейли Фредерик Маршман (1882–1967) — подполковник, офицер британской армии, военный разведчик, руководил британской разведывательной миссией в Туркестане. Подробнее о нем см.: *Бейли Ф. М. Миссия в Ташкент*. М., 2013. В другой редакции документа ошибочно — Беге (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

⁵⁵ Зайцев ошибается, путая Е. П. Джунковского с генералом В. Ф. Джунковским, занимавшим пост московского губернатора. Джунковский Евгений Петрович (1867–1953) — ветеринарный врач, действительный статский советник, один из руководителей Туркестанской военной организации.

⁵⁶ Далее в другой редакции — Когда на второй день после моего побега из крепости было устроено первое совещание главных руководителей организации, и председатель собрания генерал-лейтенант Кондратович, ознакомив меня с общим положением дел в организации, сообщил, что организация вошла в соглашение с представителями английского правительства (Там же. Л. 1–1 об.).

глашение было достигнуто и было условлено: 1) что английское правительство обещает оказывать помощь в борьбе с большевиками деньгами, оружием и техническими средствами борьбы, а в тяжелых условиях и поддержку вооруженной силой; 2) после свержения Советской власти будет образована Туркестанская автономная республика, которая будет находиться под исключительным влиянием Англии.

Когда после моего побега из крепости было устроено первое совещание и председатель собрания К. ... ознакомил меня с общим положением дел в организации и с соглашением, заключенным с английским правительством, то я запротестовал и заявил, что все казаки твердо стоят за целостность и неделимость России, на что мне ответили, что обещание одно, а исполнение другое⁵⁷. Так ли оно будет в будущем — не знаю. Одно только известно — что английское правительство включило в число мирных условий требование протектората над Туркестаном в течение 55 лет. После соглашения с английским правительством сейчас же были командированы в Мыхет⁵⁸ лица за получением обещанной суммы денег. Предполагалось с получением денег приобрести в одном месте⁵⁹ советские винтовки⁶⁰ и выступить против большевиков одновременно с Асхабадом. Я составил подробный план устройства переворота в Ташкенте; был составлен точный расчет для нападения на крепость и другие советские учреждения, было точно указано место сборов и пути следования всех отрядов. Каждый исполнитель должен был изучить свою роль и лично ознакомиться с местностью, где предстояло действовать. Этот план впоследствии лишь видоизменялся в зависимости от изменения обстановки, а главным образом, от изменения сил. К сожалению, ничего не было выполнено во время последнего осиповского выступления в Ташкенте⁶¹,

⁵⁷ Далее в другой редакции — И что генерал Джунковский был уполномочен для заключения такого соглашения Комитетом Учредительного собрания. Не знаю, насколько это достоверно (Там же. Л. I об.).

⁵⁸ Вероятно, Мешхед. В другой редакции — в Асхабад и далее в Мешхед (Там же).

⁵⁹ В другой редакции — у рабочих Среднеазиатских мастерских и в кадре областной милиции (Там же).

⁶⁰ В другой редакции — привлечь за вознаграждение рабочих Среднеазиатских мастерских (Там же).

⁶¹ Речь идет о неудачном антисоветском восстании в Ташкенте в январе 1919 г. под руководством народного комиссара по военным делам Туркестанской советской республики К. П. Осипова.

а произошел хаотический беспорядок, почему и кончилось так трагически. В ожидании прибытия денег и открытого выступления я отправился в аулы по реке Сырдарье с целью вербовать добровольцев из киргиз для составления партизанского отряда. К сожалению, наши предположения не осуществились. Асхабадцы получили необходимую сумму, а наши посланцы не вернулись. В Асхабаде произошло восстание и там советская власть была свергнута, а мы вынуждены были быть зрителями и ждать прибытия необходимых средств⁶².

е) Предполагавшееся выступление осенью. Обращение к Войсковому атаману А. И. Дутову⁶³.

После асхабадских событий мы начали вести новую подготовку, чтобы при поддержке со стороны Оренбурга, Асхабада⁶⁴ и Семиречья произвести восстание в Ташкенте, Самарканде и городах Ферганской области. С этой целью вошли в связь и соглашение с Асхабадом и начальником английских войск, с Ферганой и Семиречьем.

Я поручил поручику Папенгут⁶⁵ пробраться в Оренбург с письмом к Войсковому атаману А. И. Дутову. В этом письме я просил сделать нажим на Актюбинск⁶⁶ с целью вызвать переполох среди большевиков. Было предположено, что начало общего выступления положит Оренбургский фронт движением на Актюбинск, сейчас же перейдет в наступление наш Асхабадский отряд, подержанный англичанами, и следом начнется движение из⁶⁷ Семиречья; когда большевики разбросают свои силы по внешним фронтам, выступить одновременно в Ташкенте и других городах. Посланный мною поручик Папенгут, как оказалось, исполнил мое поручение, но назад почему-то не вернулся. Войсковой атаман А. И. Дутов внял нашей просьбе и приказал произвести сильное давление на актюбинском направлении, но мы не могли продолжить начатое дело в Туркестане, ибо у нас в Ташкенте произошли

⁶² В другой редакции — благоприятного момента (Там же. Л. 2).

⁶³ Дутов Александр Ильич (1879–1921) — генерал-лейтенант, Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

⁶⁴ В другой редакции далее — Ферганы (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 2).

⁶⁵ Папенгут Павел Петрович (1894–1933) — поручик (впоследствии — полковник), член Туркестанской военной организации. Подробнее о нем см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 426.

⁶⁶ В другой редакции — и далее (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 2).

⁶⁷ В другой редакции — Ферганы и (Там же).

неприятные для нас явления. Благодаря ли предателям, работающим на две стороны, или особой болтливости офицерской молодежи⁶⁸, наши замыслы относительно приобретения оружия у некоторых организаций и добычи в других местах были обнаружены большевиками, и отряд Колузаева обезоружил рабочих Средне-аз [иатских] мастерских⁶⁹ и резервную милицию⁷⁰ и вывез оружие из других мест, — почему мы, не имея оружия, должны были отложить задуманное предприятие. Кроме того, были проведены многие аресты и обыски⁷¹, но все-таки большевикам не удалось раскрыть нашу организацию⁷².

ж) Соглашение с баш-курбаши Иргаш-баем и Ишмат-баем^{73, 74}

⁶⁸ В другой редакции — что неоднократно происходило (Там же. Л. 2 об.).

⁶⁹ Зайцев говорит, видимо, правду. В январе 1919 года в Среднеазиатских жел[езно]дор[ожных] мастерских была обнаружена контрреволюционная организация Агапова — Цветкова. У нее было оружие (примеч. советского комментатора, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 15).

⁷⁰ В другой редакции — кадр резервной милиции (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 2 об.).

⁷¹ В другой редакции — наших единомышленников (Там же).

⁷² В другой редакции далее — Кроме того, недостаток денежных средств не позволял приобрести оружие по высокой цене и привлечь на нашу сторону сочувствующих нам рабочих. Вместо обещанной крупной денежной суммы асхабадская организация прислала всего лишь 100 тысяч рублей, в счет которых были произведены уже расходы на освобождение из заточения меня и некоторых других членов нашей организации.

Таким образом, вторично вследствие недостатка денежных средств был упущен благоприятный момент для выступления, и чем дальше откладывалось наше выступление, тем оно становилось более затруднительным, особенно в Ташкенте, где советские власти принимали самые суровые меры — почему необходимо было перенести временно нашу деятельность в другое место (Там же).

⁷³ Иргаш-бай и Ишмат-бай (Ишмат Байбачи) — курбаши, лидеры басмачей Кокандского уезда Ферганской области.

⁷⁴ В другой редакции далее — В это время в Фергане началось сильное движение против большевиков.

Руководившие мусульманами во время кокандских событий вожди партизанских отрядов (бывшие главари разбойничьих шаек) Иргаш-бай и Ишмат-бай раскинули свои становища недалеко от Коканда и заняли грозное положение по отношению большевиков, но не вступали пока с ними в открытую борьбу, а собирали силы и средства для новой схватки.

Добровольцы со всего края начали стекаться в стан Иргаш-бая и Ишмат-бая.

Наша организация решила использовать это движение, дать ему правильное направление и целесообразно применить, а не так, как то было во время кокандских событий, и чем предотвратить могущие быть печальные последствия (Приложение № 3, газетная статья «Священная война мусульман Ферганы против большевиков»). (Там же. Л. 3).

В начале сентября наша организация в полном согласии с представителями английского правительства вступила в переговоры с Иргаш-баем и Ишмат-баем, с главарями партизанских отрядов против большевистской шайки, действующих в Фергане. Имелось⁷⁵ в виду воспользоваться этими отрядами как готовыми кадрами для новых формирований и, пользуясь популярностью Иргаш-бая и Ишмат-бая, привлечь в качестве партизанов мусульманскую молодежь Ферганы и соседних областей для борьбы с большевиками, поставив главной целью борьбы защиту веры в единого истинного Бога от глумлений и издевательств богоотступников-большевиков. Переговоры вели ташкентские бай и особо уважаемые муллы и ишаны⁷⁶.

Соглашение было заключено на следующих условиях: 1) Иргаш-бай и Ишмат-бай вступают со всеми своими курбаши на службу к нашей организации. Распоряжения своим курбаши они отдают от себя лично⁷⁷, но действуют по указанию организации и под руководством назначенных лиц, для чего будет командирован особый штаб и офицеры в качестве инструкторов. 2) Организация берет на себя обязанность снабжать отряды всеми видами довольствия⁷⁸. 3) Представители английского правительства обязались снабжать организацию деньгами, оружием и боевыми припасами. На первых порах было условлено: 100 мил. рублей⁷⁹, 16 горных орудий, 40 пулеметов и количество винтовок, необходимое для вооружения добровольцев.

з) Работы в стане Иргаша и Ишмата.

После окончания переговоров я отправился со своим штабом в Фергану в стан Иргаша и Ишмата⁸⁰. Здесь мы были встречены

⁷⁵ В другой редакции — первоначально имелось (Там же).

⁷⁶ В другой редакции — Для ведения переговоров были командированы два посольства из особо уважаемых баев и высоко чтимых духовных лиц (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 3; Также см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 1).

⁷⁷ В другой редакции — Все распоряжения своим джигитам они отдают лично через своих курбаши (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–3 об.).

⁷⁸ В другой редакции — снабжать отряды оружием и боевыми припасами и содержать их на свой счет (Там же. Л. 3 об.).

⁷⁹ В другой редакции — кредит до 100 миллионов рублей (место получения — Кашгар), доставить через индийскую границу, а далее нашими средствами в г. Ош (Там же).

⁸⁰ В другой редакции далее — (бывшие притоны разбойничьих шаяк). Наша группа состояла из пяти человек. Обязанности начальника штаба при мне выполнял полковник П. Г. Корнилов (брат знаменитого генерала Корнилова). (Там же).

весьма радушно⁸¹: следом за нами через пять дней должны были отправиться другие, командированные в качестве инструкторов, и наш казначей.

Сейчас же мы приступили к организационным работам: составили расчеты отрядам курбаши, дали наставления для несения сторожевой и разведывательной службы и прочее. Образовано 22 курбашества⁸², — район, равный по пространству волости, во главе каждого стоит курбаши, который ведает своими кишлаками по всем частям и во всех отношениях⁸³, творит суд и расправу. При каждом курбаши состоит отряд джигитов, число которых зависит от состоятельности самого курбаши и местных жителей. Чем богаче курбаши и местные жители, тем большее число джигитов они могут содержать на свой счет⁸⁴. Все джигиты конные, вооружены винтовками различных систем и шашками; многие имеют револьверы и кинжалы. Число джигитов у разных курбаши колеблется от 80 до 800 (сам Иргаш и ошский курбаши⁸⁵). Ко времени нашего приезда в Фергану число вооруженных джигитов было до 4 тыс. человек: это число сильно преувеличивается самими курбаши и особенно большевиками⁸⁶. Все джигиты примерной храб-

⁸¹ В другой редакции далее — и вскоре установились хорошие доверчивые отношения (Приложение № 4 (Так в документе. Ранее та же статья указана как приложение № 3. — А. Г.), статья в «Вестнике Оренбургского казачьего войска» «В стане баш-курбашей Иргаш-бая и Ишмат-бая»). (Там же). Правильно — в «Оренбургском казачьем вестнике». Речь идет о статье И. М. Зайцева «В стане баш-курбашей Иргаш-бая и Ишмат-бая (Из истории священной войны Ферганы с большевиками)» (Оренбургский казачий вестник. 1919. № 92.21.05. С. 1–2).

⁸² В документе ошибочно — 2. Исправлено по другим экземплярам доклада.

⁸³ В другой редакции далее — при нем состоит суд из особо уважаемых мусульман (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об.).

⁸⁴ В другой редакции — Местному населению гораздо выгоднее содержать надежную охрану от большевиков, чем подвергаться разорению от них вследствие разнообразных реквизиций и национализаций, не говоря уже о глумлениях и издевательствах над личностью (Там же. Л. 4).

⁸⁵ В другой редакции — (сильные шайки у самого Иргаша, Ишмат-бая и ошского курбаши Халходжи и Андижана Макходжи) (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 2).

⁸⁶ В другой редакции — которые предполагали численность всех отрядов до 8–10 тысяч человек. Действительно, охотников вступить в партизанские отряды для борьбы с большевиками было очень много.

Предполагалось сформировать в течение двух-трех месяцев два конных отряда, каждый силою около 2000 человек и при каждом конно-горная батарея в 4 орудия, два пеших отряда по образцу пехотных полков и такого же штатного состава

рости, для них нет препятствий, и никакие опасности им не страшны, все относится с полным пренебрежением к смерти. С такими молодцами можно творить чудеса. Советские власти в Ферганской области ютились лишь в городе Коканде и Скобелеве⁸⁷, укрываясь в крепостях, и не смели появляться в мусульманской части города. Мы терпели их потому, что не были сорганизованы отряды и не было пушек⁸⁸. На всем остальном пространстве Ферганской области сидят наши курбаши. Всюду полный порядок и везде спокойно; за простую кражу полагается одно наказание — расстрел; той же участи подвергаются и джигиты, замеченные в краже или разбое⁸⁹. С целью очистить от большевиков район, куда предположено доставлять оружие из Индии, было произведено нападение на Ош и Андижан⁹⁰ и оттуда большевики были выгнаны⁹¹.

Из Ферганы нами был командирован поручик Бобчинский в Кашгар за получением денег по доверенности английского консула⁹².

Следом за нами прибыл в Фергану есаул Юдин⁹³, командированный Войсковым атаманом в Туркестанский край. Он привез про-

ва и две горных батареи в 4 орудия; общей численностью около 12 тысяч человек (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 4).

⁸⁷ В другой редакции далее — Намангане и Андижане (Там же).

⁸⁸ В другой редакции далее — ибо в случае столкновения с «товарищами» продолжать борьбу без артиллерии и пулеметов с недостаточным запасом патронов было бы весьма трудно и пришлось бы отойти в горы (Там же. Л. 4 об.).

⁸⁹ В другой редакции далее — Приложение № 3, статья в «Оренб[ургском] каз[ачьем] вестн[ике]» «В стане баш-курбашей Иргаш-бая и Ишмат-бая» (Там же. Л. 4 об.).

⁹⁰ В другой редакции — Наманган (Там же).

⁹¹ В другой редакции далее — Я доложил уже, что наша организация исключительно английской ориентации.

На первых же порах по прибытии нас в Фергану в стан Ишмат-бая мы убедились, что видные представители мусульман и сами Иргаш-бай и Ишмат-бай не проявляют никакого тяготения к англичанам и совершенно не склонны согласиться признать в будущем исключительно влияние Англии в Туркестане.

Почему были вынуждены умалчивать о нашем соглашении с представителями английского правительства, а на расспросы о том, на какие средства мы предполагаем содержать отряды и приобретать оружие, пришлось говорить, что первоначально обещают снабдить состоятельные русские и сартовские баи, а впоследствии ожидаем прибытия денежных сумм из Оренбурга через Тургай. Как раз, кстати, прибыл следом за нами в Фергану войсковой гонец Оренбургского казачьего войска есаул Юдин (Там же. Л. 4 об. — 5).

⁹² В другой редакции далее — следом за ним и с таким же поручением должен был поехать полковник Иванов (Там же. Л. 5 об.).

⁹³ Юдин Николай Михайлович (1890–?) — есаул, член Туркестанской военной организации, эмиссар атамана А. И. Дутова. Подробнее о нем см.: Ганин А. В.,

ект союзного договора для образования восточного союза⁹⁴. Мы ознакомили с содержанием договора баш-курбаши Ишмата, особенно уважаемых ишанов и влиятельных курбаши, и они выразили полную готовность подписать договор от имени мусульманского населения Ферганы и Сырдарьинской области и вступить в союз с Оренбургским казачьим войском на тех началах, которые изложены в проекте договора, доставленного есаулом Юдиным. Позднее был отправлен джигит к Эмиру Бухарскому с этим же договором и с письмом с просьбой оказать содействие в борьбе с большевиками⁹⁵.

Работы по организации существующих отрядов шли успешно. Предполагалось сформировать в течение двух, трех месяцев два конных отряда, каждый силой около двух тысяч человек и при них 8 конно-горных орудий, два пехотных полка и две горных батареи в 4 орудия; общей численностью около двух тысяч человек. Но работы пришлось прервать вследствие получения из Ташкента тревожных сведений.

Другая партия нашей организации и с ней казначей должна была выехать через 4–5 дней после нас, но проходит около месяца, никто не является и никаких известий нет. Посланные нами джигиты в Ташкент также ничего не сообщают. Мы начали беспокоиться. Вскоре узнаем, что много членов нашей организации арестовано и расстреляно. Тогда мы решили отправиться в Ташкент узнать, в чем дело. Поехали: я, полковник Корнилов, брат знаменитого генерала Корнилова, и есаул Юдин.

Дорогой оказалось, что все перевалы и пути в Ферганскую область заняты большевиками. Кое-как пробрались. Недалеко от Ташкента мы расстались. Я поехал в те кишлаки, где укрывал-

Семенов В. Г. Указ. соч. С. 639.

⁹⁴ Далее в другой редакции — Этот договор был рассмотрен и одобрен 2-м очередным Войсковым Кругом Оренбургского казачьего войска. Главная сущность этого договора следующая: на основании «права национальностей на самоопределение» казачьи войска: Оренбургское, Уральское, Сибирское и Семиреченское, области: Башкурдистан (губерния Уфимская, часть Оренбургской и Пермской), Козакостан (Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и часть Уральской [областей]) и Туркестан — пользуются во внутренних своих делах полной самостоятельностью, а для защиты общих интересов и для оказания помощи и содействия все эти области составляют Восточный российский союз. Проект договора страдает многими дефектами (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 5).

⁹⁵ В другой редакции далее — Конечно, в настоящее время вопрос об образовании какого-то восточного союза совершенно отпадает (Там же. Л. 5 об.).

ся раньше. Приезжаю в один кишлак, оказывается, хозяина арестовали и расстреляли, в другой — то же самое. Провожавший меня джигит бросил меня, и я остался один. Трое суток укрывался в окрестностях Ташкента и два раза пробирался в город, но никого⁹⁶ не мог разыскать⁹⁷. Положение создалось для меня весьма опасное. Тогда я отправился один верхом на Чимкент и Туркестан с целью пробраться домой⁹⁸. В г. Туркестане нанял проводника, и мы направились верхами на Тургай⁹⁹, но в 50 верстах настигла нас погоня и меня арестовали, как подозрительного русского, одетого сартом¹⁰⁰, подозревая во мне шпиона. Меня посадили в тюрьму в г. Туркестане. К счастью, все обошлось для меня благополучно, меня не опознали и я сидел под видом и по документам землемера Николая Константиновича Томилина. Однако обещали продержат до полного успокоения и предполагали отправить меня в Ташкентскую тюрьму, что было для меня гибелью. Кое-как удалось сообщить в Ташкент о постигшей меня беде. Оттуда приехал один¹⁰¹ человек, который дал взятку двум членам следственной комиссии, и меня выпустили из тюрьмы под строгий надзор милиции и под условием никуда не выезжать из г. Туркестана впредь до успокоения. Я просидел в тюрьме с 17 ноября по 24 декабря. Проживая в городе, я рисковал обнаружить себя, почему тайно уехал и укрывался на свинцовом руднике в горах Каратау¹⁰². Получив известие через военного комиссара г. Туркестана Кручинина (человека нашей же организации), что в Ташкенте предполагается выступление против большевиков, я поехал в Ташкент. Но от ст. Арысь было прекращено железнодорожное сообщение, так как в Ташкенте уже вспыхнуло восстание¹⁰³. 25 февраля начал пробираться домой¹⁰⁴.

⁹⁶ В другой редакции далее — из наших (Там же).

⁹⁷ В другой редакции далее — все уцелевшие сами скрывались (Там же).

⁹⁸ В другой редакции вместо «домой» — в Оренбургское войско (Там же).

⁹⁹ В другой редакции далее — и далее на Кустанай (Там же).

¹⁰⁰ Т. е. узбеком.

¹⁰¹ В другой редакции вместо «один» — наш (Там же. Л. 6).

¹⁰² В другой редакции вместо «на свинцовом руднике в горах Каратау» — в аулах в горах Каратау (Там же). Каратау — горный хребет на юге Казахстана.

¹⁰³ В другой редакции — бунт (Там же).

¹⁰⁴ В другой редакции — Я возвратился обратно в горы и 25 февраля начал пробираться в родные края.

Во время Ташкентского выступления 19, 20 и 21-го января к великому прискорбию не было выполнено то, что было намечено нами раньше, а произошел хаос.

По последним сведениям, оставшиеся в живых члены Туркестанской военной организации перенесли свою деятельность в Фергану, куда пробрался и Осипов¹⁰⁵ с отрядом¹⁰⁶, и где Иргашбай и Ишмат-бай объявили священную войну большевикам, и теперь почти вся Ферганская область очищена от большевиков¹⁰⁷.

Г)¹⁰⁸ Положение Туркестана в настоящее время в политическом, экономическом и военном отношении.

1) Положение края в политическом отношении.

1) Внутренние политические дела в крае: Настроение народных масс¹⁰⁹.

Все население края буквально стонет под ненавистным игом большевиков. Никогда Туркестан не переживал столь тяжелого времени как сейчас; даже в старое давно минувшее время, во время правления своих деспотов-тиранов, мусульманскому населению жилось гораздо легче и свободнее, чем теперь, при господстве бандитов. Особенно тяжелы условия жизни мусульманского населения в городах и пригородах, где советские власти окончательно разорили все население; все, что можно — национализировано и социализировано, прощ, предано разграблению и уни-

тический беспорядок, почему это выступление кончилось так печально; кроме того и благодаря предательству разных лиц, например, Агапова, лидера рабочих Среднеазиатских мастерских и других (Там же).

¹⁰⁵ Осипов Константин Павлович (1896–1919) — народный комиссар по военным делам Туркестанской советской республики, возглавивший антисоветское выступление в Ташкенте в январе 1919 г.

¹⁰⁶ Далее в другой редакции — в 480 чел. (Там же).

¹⁰⁷ Далее в другой редакции — Мы намечали раньше придать этой борьбе с большевиками характер священной войны; в этом духе и были выпущены воззвания. Целями этой войны были поставлены: 1) святое дело защиты веры в единого истинного Бога; 2) борьба за разумную свободу, безусловное равенство, искреннее и сердечное братство и 3) восстановление полного порядка и спокойствия в крае.

По сведениям в середине марта почти вся Ферганская область очищена от большевиков; в каком положении дела в настоящее время, неизвестно, но, надо полагать, что иргаш-баевские отряды занимают перевалы через Туркестанский хребет далее от южного отрога этого хребта до р. Сырдарья, так называемую Мурза-рабатскую позицию, которая намечалась нами раньше.

Выступить против Ташкента они не в силах без помощи на каком-нибудь другом направлении, и эту помощь, я думаю, они ждут с нетерпением. (Там же).

¹⁰⁸ Так в документе.

¹⁰⁹ Далее в другой редакции — Приложение № 2. «Большевистское иго в Туркестане» (Там же. Л. 6–6 об.).

чтожению; другое реквизировано, или, правильнее, расхищено вооруженными мародерами, ибо все их национализации, социализации и реквизиции при тех порядках, как они производятся, есть открытый вооруженный грабеж. Менее испытывает притеснений со стороны разбойничьих банд большевиков население дальних аулов и кишлаков; но там население уже давно обнищало вследствие недородов последних лет и упадка скотоводства¹¹⁰. В областях, населенных киргизами, массовый голод.

Многочисленные большевистские власти не принимают никаких мер¹¹¹ спасти от вымирания от голода целые уезды и волости. Как и везде, одни только разговоры без конца и громкие слова о благах коммунальной жизни; на самом деле эти крикуны забываются о себе и своих карманах¹¹². Еще при старом режиме среди мелких служащих Туркестанского края установился взгляд, что можно и даже должно обирать беззащитное сартовское и киргизское население, то теперь эти поборы достигли крайних пределов.

Нет возможности перечислить всего, что творят обезумевшие и озверевшие товарищи¹¹³. Едва ли есть на пространстве бывшего государства Российского область, где большевизм проявил себя таким блестящим образом, как в Туркестанском крае.

Лишь хорошо и привольно живет банде, стоящей у власти и состоящей главным образом из железнодорожных рабочих. Как в России, так особенно в Туркестане железнодорожные рабочие оказались самыми яркими большевиками, особенно в отрицательном смысле. Они явились готовыми кадрами для формирования советских властей¹¹⁴ и на должности разных комиссаров. Это язва истории русской революции, и необходимо расправиться с ними самым беспощадным образом.

Что особенно отшатнуло [от] большевиков и непримиримо восстановило против них все мусульманское население Туркестанского края, — это их глумление и издевательство над верой,

¹¹⁰ Далее в другой редакции — Массовые реквизиции скота в последнее время окончательно подорвали скотоводство (Там же. Л. 6 об.).

¹¹¹ В другой редакции — должных мер (Там же).

¹¹² Далее в другой редакции — При всех больших заготовках и крупных общественных работах всегда обнаруживаются колоссальные злоупотребления (Там же).

¹¹³ Далее в другой редакции — Лишь в Фергане население не видело этих ужасов и менее испытало всякие притеснения, благодаря надежной охране иргашбаевских джигитов (Там же. Л. 7).

¹¹⁴ В другой редакции вместо «советских властей» — совдепов (Там же).

поношение единого истинного Бога. Мусульмане-фанатики все перенесут, но глумления и издевательства над Кораном и шариатом не потерпят. Наша организация решила использовать и использует в будущем это настроение мусульман¹¹⁵. Как известно, мусульмане Ферганской области под предводительством Иргаш-бая, под влиянием мулл и ишанов, объявили священную войну большевикам и сейчас почти вся Ферганская область очищена от них. Мусульмане других областей, обиженные и оскорбленные, голодные и нагие, стонут под игом большевиков, но, беспомощные, терроризованные, они не в силах сами выступить, да, кроме того, у них нет смелых и отважных вождей.

Они возлагают все свои надежды и упования на помощь извне, главным образом, на оренбургских казаков¹¹⁶. В настоящее время наблюдается среди сарт и киргиз сильное тяготенье к казакам¹¹⁷.

¹¹⁵ Далее в другой редакции — и через посредство духовных лиц веда агитацию в этом духе, чтобы восстановить мусульман против большевиков (Там же).

¹¹⁶ В другой редакции вместо слов «помощь извне, главным образом, на оренбургских казаков» — содействие извне и до последнего времени ждали помощи со стороны Оренбурга от оренбургских казаков. Я командировал два раза с письмом к Войсковому атаману Дутову и просил оказать давление на актюбинском направлении (Там же).

¹¹⁷ Далее в другой редакции — Как мною будет доложено ниже, в настоящее время в Туркестане существует несколько политических течений: одни ведут агитацию за отделение края или выделение некоторых областей в самостоятельные политические единицы, другие работают в том духе, чтобы пристроить Туркестан под исключительное влияние соседней державы.

Во время моих скитаний по Туркестанскому краю в разных направлениях я лично наблюдал и могу удостоверить панисламистская и пантуранская агитации никакого успеха не имеют, все сартовское и киргизское население искренно тяготеет к русским и с нетерпением ждет возрождения великой и могущественной России. Это настроение необходимо сейчас же использовать; к сожалению, в этом отношении ничего не предпринимается.

Должен отметить и особенно обратить внимание, что в Туркестане, отдаленном и разобщенном от остальных областей России, население, как русское, так, особенно, мусульманское, враждебно настроенное против большевиков, мало осведомлено об общем положении дел в других областях России. Случайно пробравшиеся лица сообщают все в преувеличенном или в превратном виде.

Даже интересующаяся публика мало осведомлена о составе центрального все-русского правительства, возглавляемого адмиралом Колчак[ом], какая политическая программа этого правительства, какие цели преследуются в настоящем и какие намерения в будущем после свержения Советской власти.

Я полагаю, что необходимо сейчас же командировать особоуполномоченного Верховного правителя в Туркестанском крае, как мною будет изложено ниже, который, работая в контакте с представителями английского правительства, должен выполнить следующие задачи:

Мусульмане Туркестана восхищаются мужеством и стойкостью оренбургских казаков, а об их отважном атамане А. И. Дутове распространяются среди населения всевозможные легенды. Как я уже доложил, что представители сартовского и киргизского населения Ферганской и Сырдарьинской области выразили полную готовность вступить в союз с оренбургскими казаками¹¹⁸.

Я полагаю, что необходимо сейчас же использовать это благоприятное для нас настроение мусульман Туркестана и привлечь их на нашу сторону. С этой целью командировать делегатов от Войскового Круга и Войскового атамана в Фергану, Семиреченскую область, в кочевья киргиз по Сырдарье, в Бухару и Хиву. Эти делегаты будут готовить пока почву, а после свержения советской власти, что не за горами, открыто предложат представителям этих народов вступить в соглашение с Оренбургским казачьим войском, а через него и с центром России. Этим мы можем предотвратить отпадение Туркестана и распадение его на враждебные между собой области и избавиться от внешнего влияния и вмешательства во внутренние дела края.

2) Положение партии большевиков и коммунистов.

В виду того враждебного настроения большинства мусульманского населения и отчасти русского, положение господствующей партии большевиков коммунистов весьма непрочное. Они опираются пока лишь на грубую вооруженную силу, страшно терро-

1) Широко оповестить население Туркестана о вступлении в управление страной всероссийского правительства, возглавляемого адмиралом Колчак[ом], признанного всеми правительствами окраинных областей, очищенных от большевиков и признаваемого иностранными державами. Программа, цели и намерения всероссийского правительства.

2) Войти и установить связь со всеми фронтами и со всеми очагами борьбы против большевиков;

3) Известить Бухарское и Хивинское правительства о будущих взаимоотношениях между возрождающейся Россией и этими автономными государствами;

4) Подготовить и организовать одновременное и повсеместное выступление против большевиков.

Выполнение этих заданий не представит особых затруднений.

Одно появление особоуполномоченного произведет большое впечатление.

Мне уже известно из опытов, как трудно поддерживать связь и согласовать действия без объединяющего и направляющего органа, особенно в Туркестане, вследствие громадных расстояний и отсутствия путей сообщения (Там же. Л. 7об. — 8).

¹¹⁸ На полях одной из редакций документа комментарий: Не изменилось ли положение под влиянием правит[ельства?] [слово неразборчиво]? (ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 451. Л. 9об.).

ризируя все население. Во всем крае свирепствует невероятный красный террор. Многие лучшие работники вышли из партии большевиков. Хотя их лидеры успокаивают своих товарищей в печати и на митингах, что число их увеличивается, но это увеличение призрачное. Много поступает в партию по принуждению, даже под угрозой оружием; например, так происходила вербовка в партию в Сырдарьинской области; другие, разные прохвосты и авантюристы, политическое воззрение которых «куда ветер дует», поступают в партию лишь для того, чтобы получить какую-нибудь должность¹¹⁹.

Сами лидеры их партий признают, что дело их проиграно и им приходит конец.

Достаточно сильного толчка извне, крупного поражения на одном из¹²⁰ фронтов, что отразится внутри и вызовет возмущение среди тех же красноармейцев, которые сейчас угрожают расправиться с комиссарами, — и вся советская власть рухнет.

3) Борьба между партиями большевиков и левых эсеров.

В последнее время шла усиленная борьба за преобладание между большевиками-коммунистами и левыми эсерами¹²¹. На последних февральских съездах левые эсеры были представлены в большинстве. Тогда господствующая партия большевиков предложила левым эсерам слиться в одну [партию] коммунистов, угрожая в противном случае разными репрессиями. Левые эсеры, желая избежать столкновений, условно выразили согласие слиться с большевиками.

Это слияние условное и вынужденное, и это потому, во-первых, что хотя программа левых эсеров мало отличается по главным во-

¹¹⁹ Далее в другой редакции — и безнаказанно пограбить (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 8).

¹²⁰ Далее в другой редакции — Туркестанских (Там же. Л. 8 об.).

¹²¹ Далее в другой редакции — В некоторых местах, как, например, в Семиреченской области, дело доходило до вооруженного столкновения. Партия левых эсеров быстро увеличивается в своем составе и это потому, что все лица, не принадлежащие к господствующим партиям большевиков-коммунистов и левых эсеров, объявлены бесправными — не принимаются на службу и даже не могут быть членами кооперативов, что при отсутствии продуктов продовольствия ставит беспартийных в трагическое положение, почему многие записываются в партию левых эсеров, куда входит много лиц разных политических воззрений, вплоть до монархистов. После осповского выступления в Ташкенте все были уволены условно со службы и было приказано произвести чистку партий, но этим цели не достигли (Там же. Л. 8 об.).

просам от программы большевиков, но левые эсеры внесли изменения в свою программу под давлением обстоятельств, во-вторых, в состав партии левых эсеров входит много лиц разных политических воззрений, вплоть, вероятно, до монархистов, и это потому, что все лица, не принадлежащие к партии большевиков и левых эсеров, объявлены бесправными.

Надо полагать, что на июньских съездах партия левых эсеров будет представлена в громадном большинстве и попытается захватить в свои руки власть, что поведет к осложнениям, а это ускорит свержение советской власти вообще.

4) Вахханалия злоупотреблений в совдепах и комиссариатах.

Советская власть в Туркестанском крае выказала полную несостоятельность по всем частям и во всех отношениях. Всюду и везде небывалый развал и разруха. Во многолюдных совдепах и многочисленных комиссариатах происходят массовые злоупотребления — взяточничество и расхищение народных денег. Чрезвычайные следственные комиссии в полном составе предавались суду революционного трибунала за взяточничество и вымогательство¹²².

Среди мусульман царит сильное озлобление против русских независимо от того, большевики или нет, — это может повести в будущем к печальным последствиям.

Словом, Советская власть в Туркестане отживает свое время. При угрозе извне все недовольные, обиженные и оскорбленные, восстанут, и на это время следует принять нужные меры, чтобы избежать печальных последствий¹²³.

Внешние политические дела Туркестана.

1) Разные влияния и течения.

Богатый и цветущий Туркестан, как лакомый кусок, сильно возбуждает аппетиты соседних народов.

В настоящее время в Туркестанском крае идет усиленная борьба между представителями разных народов. Одни из них¹²⁴ стре-

¹²² Далее в другой редакции — (так было в г. Туркестане, причем одна из них освободила меня из тюрьмы также за взятку) (Там же. Л. 9).

¹²³ Далее в другой редакции — т. к. наблюдается в некоторых районах озлобление мусульман против русских железнодорожных служащих, независимо большевики или нет, например, в Бухаре, на Ферганской и Семиреченской железных дорогах (Там же). На полях одной из редакций документа вопрос: Так ли это? (ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 451. Л.10 об.)

¹²⁴ Далее в другой редакции — пользуясь настоящей разрухой (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 9).

мятся завоевать исключительно преобладающее влияние в крае; словом, прибрать Туркестан в свои руки, другие желают выделения и отделения целых областей и образовать из них самостоятельные государственные единицы¹²⁵.

Сейчас существуют в крае следующие политические группы:

а) многочисленная группа, во главе с самой сильной нашей Туркестанской военной организацией, принадлежит к английской ориентации,

б) группа германской ориентации, состоящая главным образом из военнопленных и поддерживаемая большевиками и в) мусульманская организация¹²⁶, состоящая из духовных лиц, старейшин разных племен и потомков бывших ханов и султанов.

Я уже докладывал выше, что наша Туркестанская военная организация, в которой я работал, вошла в соглашение с английским правительством¹²⁷ о совместных действиях против большевиков.

Английское правительство выразило согласие оказывать нашей организации помощь деньгами, оружием, боевыми припасами и разными техническими средствами борьбы, а в случае необходимости — поддержку вооруженной силой. И свое обещание английское правительство точно выполняет¹²⁸. Так, в Закаспийской области наши войска снабжены в достаточном количестве оружием, боевыми припасами и техническими средствами (аэропланами и броневиками) и там находится отряд английских войск, индийские сипаи¹²⁹ действуют на фронте¹³⁰. Часть оружия доставлена также отрядами Иргаш-бая и Ишмат-бая, большая часть обещана, когда будет возможно сообщение через перевалы¹³¹.

¹²⁵ В другой редакции — другие стараются воспрепятствовать этому намерению и, наконец, третьи желают отделения мусульманских областей и образования самостоятельного мусульманского государства (Там же. Л. 9 об.).

¹²⁶ В другой редакции — группа (Там же).

¹²⁷ В другой редакции — с представителями английского правительства (Там же).

¹²⁸ Далее в другой редакции — Так, асхабадский переворот был произведен при их содействии; нашу организацию также ссужали денежными средствами (Там же).

¹²⁹ Сипаи — британские колониальные войска в Индии, комплектовавшиеся местным населением.

¹³⁰ В другой редакции — действовали в январе и феврале против большевиков. Крепость Кушка занята английским отрядом и руководители большевиков арестованы (Там же).

¹³¹ Далее в другой редакции — В чем выразилась помощь и содействие англичан в последнее время — мне неизвестно; вероятно, английская миссия осведомлена об этом (Там же. Л. 10).

Но за все это наша организация обещала выполнить следующие тяжелые условия: после свержения советской власти будет образована автономная Туркестанская республика с выборным президентом, кабинетом министров, с однопалатным парламентом (народным советом). Эта республика будет находиться под исключительным влиянием Англии и будет пользоваться такой же самостоятельностью, как африканские колонии Англии — Трансвааль и Оранжевая республика. В настоящее время в Закаспийской области уже установлен английский контроль и вводится английская валюта¹³².

Не знаю, велись ли переговоры между английским правительством и центральным российским относительно будущей судьбы Туркестана и как относится к этому вопросу наше правительство.

После моего побега из крепости на первом же совещании главных руководителей нашей организации, заключивших подобное соглашение, я запротестовал против этого. Но меня успокоили на счет будущего.

Я, мирясь с мыслью, что цель оправдывает средства, начал работать в нашей организации. Однако находясь в Фергане в стане Ишмат-бая и Иргаш-бая, я¹³³ вступил в переговоры с ними и видными представителями мусульманского духовенства о соглашении с Оренбургским казачьим войском и образовании Восточного союза. Восхищаясь мужеством оренбургских казаков и питая глубокое доверие к Войсковому атаману А. И. Дутову, представители мусульман Ферганской и Сырдарьинской областей выразили полную готовность заключить союз с Оренбургским казачьим войском¹³⁴. Это необходимо в будущем использовать в целях окончательного сближения.

Группа германской ориентации, во главе с германским консулом, преследовала раньше, до разгрома Германии и Австрии, ту цель, чтобы укрепить в Туркестане влияние Турции, а через нее, следовательно, и Германии¹³⁵, но после разгрома центральных дер-

¹³² На полях напротив этого и следующего абзаца вписан вопросительный знак.

¹³³ Далее в другой редакции — зная отрицательное отношение мусульман к английскому влиянию (Там же. Л. 10).

¹³⁴ Далее в другой редакции — Вопрос этот сейчас, конечно, отпадает, но он характеризует настроение мусульман, которое необходимо целесообразно использовать (Там же).

¹³⁵ Далее в другой редакции — и тем приблизиться к заветной Индии (Там же. Л. 10 об.).

жав и Турции вопрос этот сам собою отпал. В настоящее время эта группа старается противодействовать всеми мерами английскому влиянию, почему, с одной стороны, они поддерживают большевиков в борьбе с нами, — сейчас во всех военных штабах, управлениях и заведениях Туркестанского края работают¹³⁶ германские офицеры¹³⁷, — с другой стороны, они поддерживают и мусульманскую партию, разжигая национальные страсти¹³⁸.

Мусульманская группа¹³⁹ возрождения действовала в том духе, что пришло время вернуть былую славу народов Туркестана и восстановить Кокандское ханство. Как известно, мусульмане Ферганской области, во главе с Иргаш-баем и Ишмат-баем, объявили священную войну, и это известие было радостно встречено сартами и киргизами всего Туркестана. Это движение мусульманская группа может использовать в своих целях, превратив его в национальное¹⁴⁰.

Фанатики этой группы, главным образом муллы и ишаны, идут в своих мечтах дальше — они проповедуют: объединиться всем мусульманам Средней Азии, объявить священную войну всем христианам и образовать Среднеазиатский халифат в составе Персии, Афганистана, Белуджистана¹⁴¹, Бухары, Хивы и всех народов Тур-

¹³⁶ Далее в другой редакции — военнопленные (Там же).

¹³⁷ Возможно, речь идет об интернационалистах.

¹³⁸ На полях напротив абзаца вписан вопросительный знак. Далее в другой редакции — В этой группе неоднократно обсуждался вопрос сформировать принудительно из всех военнопленных особые части для защиты Советской власти. В настоящее время ввиду тяжелого положения Советского Туркестана, а также возможного отказа Германии и Австрии подписать мирный договор, вследствие чего возможно соглашение с нашими большевиками, то вероятно военнопленные в Туркестане будут поставлены под ружье (Там же).

¹³⁹ Далее в другой редакции — которую некоторые называют группой возрождения (Там же).

¹⁴⁰ В другой редакции — Многие опасаются, как бы мусульманская группа не использовала этого движения в своих целях, превратив его в национальное, но эти опасения напрасны, т. к. в Фергане много наших людей, главные руководители и инструкторы также все наши.

Я считаю крайне необходимым командировать в Фергану несколько лиц 5–6 человек с извещением от центрального всероссийского правительства и с инструкциями особоуполномоченного. Эти лица останутся там для связи (Там же. Л. 10 об. — 11).

¹⁴¹ Белуджистан — историческая область на северном побережье Индийского океана на стыке Ближнего Востока и Индостана. Ныне на территории Ирана, Афганистана и Пакистана.

кестана¹⁴². Вследствие вековой вражды между Афганистаном, Бухарой и Хивой¹⁴³, их мечты неосуществимы и это смехотворный бред.

б) Отношение Бухары и Хивы¹⁴⁴.

Бухара и Хива явно враждебно настроены против Советской власти в Туркестане.

Будучи в Фергане, я посылал джигита к эмиру Бухарскому¹⁴⁵ с письмом от имени нашей организации и от представителей мусульманского населения Ферганы с просьбой оказать содействие в борьбе с большевиками.

Бухарское правительство выразило готовность вступить в борьбу с большевиками и отомстить за разорение и опустошение, которое произвели большевики в марте 1918 года, но с оговоркой, что Бухара выступит открыто тогда, когда будет гарантирована от отдельного разгрома со стороны большевиков, как то было в прошлом году¹⁴⁶.

Я поддерживал также связь с ханом Джунаидом, главой хивинских туркмен¹⁴⁷.

Я просил его оказать помощь асхабадцам, и он мою просьбу удовлетворил. В органе большевиков «Наша газета»¹⁴⁸ разбирается моя деятельность в Хиве и указывается, что в асхабадских собы-

¹⁴² Далее в другой редакции — Начало этой агитации было положено немцами во время войны. Особенно агитация усилилась в 1917 году, осенью появилось в Хиве несколько духовных лиц из Мекки с подобной проповедью. Я, будучи начальником хивинского отряда, доносил об этом командующему войсками Туркестанского военного округа.

В настоящее время, после раздела Турции, я полагаю, подобная агитация усилится (Там же. Л. 11).

¹⁴³ Далее в другой редакции — объединение невозможно (Там же).

¹⁴⁴ Далее в другой редакции — к Советскому Туркестану.

Бухара, разоренная и опустошенная в марте месяце 1918 года, затаив злобу, злое еще выжидает (Там же).

¹⁴⁵ В другой редакции — к бухарскому правительству (Там же).

¹⁴⁶ Далее в другой редакции — По последним отрывочным сведениям, будто бы Бухара выступила вместе с Ферганой против большевиков.

Хива также явно враждебна против Советской власти в Туркестанском крае (Там же).

¹⁴⁷ Далее в другой редакции — Это тот хан Джунаид, против которого я вел борьбу в сентябре мес [яце] 1917 г., который смирился, изъявил покорность, согласился исполнять все требования и перешел на мою сторону. После октябрьского переворота я вел борьбу его же шайками против приаральских туркмен. Впоследствии он выполнял мои указания (Там же. Л. 11 об.).

¹⁴⁸ Далее в другой редакции — 1918 г. № 194 (Там же).

тиях участвовали и хивинские туркмены. Далее я предложил хану Джунаиду¹⁴⁹, что в случае надобности и в условленное время действовать против Петро-Александровска и в направлении на Чарджуй, но ответа никакого не получил¹⁵⁰.

Таким образом, и условия внешней политики весьма неприятны для большевиков.

Все подготовлено для одновременного выступления против них со всех сторон; лишь только необходимо дать тон, произвести толчок, а дать тон может Оренбургский фронт движением на Актюбинск и далее¹⁵¹.

¹⁴⁹ В другой редакции — Будучи в Фергане, я послал к хану Джунаиду джигита с предложением (Там же).

¹⁵⁰ Далее в другой редакции — так как вскоре вынужден был порвать связь (Там же).

¹⁵¹ Далее в другой редакции — Отношение Афганистана к туркестанским большевикам.

Отношение афганского правительства и настроение афганцев благоприятное для большевиков Туркестана. Среди населения Афганистана многие проявления большевизма в Туркестане встретили сочувствие. По газетным сообщениям товарищей известно: 1) что во время выступления Бухары в марте 1918 года бежавшие большевики в Афганистан были встречены там весьма радушно и предупредительно; 2) После асхабадских событий, когда большевикам стало известно содействие англичан, то они, боясь движения через Афганистан в обход Чарджуя, обратились по этому поводу к афганскому правительству, которое заверило, что всегда будет соблюдать благожелательный нейтралитет; 3) в большевистских газетах появлялись неоднократно заметки о сочувствии большевизму населения Афганистана и мусульман Белуджистана и Индии и «товарищи» все время нагло угрожали Англии социальной революцией и 4) в советских войсках есть добровольцы из афганцев.

По сведениям нашей организации, что действительно Афганистан будет соблюдать нейтралитет без какого-либо сочувствия той или другой стороне. Вследствие сильного брожения среди населения Афганистана афганское правительство, чувствуя неопределенность положения, вынуждено ласково приветствовать как представителей большевистского правительства, так и империалистического.

Таким образом, и условия внешней политики весьма неблагоприятны для большевиков.

Все подготовлено для одновременного выступления со всех сторон; лишь только необходимо: во-первых, установить прочную связь между всеми очагами борьбы против большевиков и согласовать их действия для совместного выступления, ибо ни один фронт не решается выступить первым, боясь подвергнуться участи Коканда, Бухары и Ташкента, а, во-вторых, нужно дать тон, произвести толчок, а дать тон может или южный фронт движением на Актюбинск и далее, или же смелым и быстрым движением в Семиречье и далее, ибо здесь особенно благоприятна обстановка для поспешного и решительного наступления.

2) Положение края в экономическом отношении.

а) Общее положение.

Экономическое положение края по всем частям и во всех отношениях самое плачевное. Всюду развал, везде разруха¹⁵². Все образцовые хозяйства, сады, хлопковые плантации социализированы¹⁵³, другими словами, разграблены и уничтожены. Обрабатывающая промышленность в полном застое.

Все¹⁵⁴ предприятия, организованные товарищами на коммунальных началах, приносят лишь одни громадные убытки¹⁵⁵.

Служащие в советских учреждениях и заведениях, рабочие в разных предприятиях лишь исправно получают громадное содержание и никто ничего не желает делать.

Народное хозяйство пришло в полный упадок. Много лет потребует, чтобы привести в порядок наследие коммуны. Это послужит в назидание последующим поколениям, как насаждалась и процветала коммуна.

б) Продовольственное дело.

Везде и особенно в больших центрах ощущается большой недостаток в продуктах продовольствия. Причины тому: недостаточный сбор прошлого лета, отсутствие подвоза, имеющиеся запасы спрятаны из боязни реквизиции. Цены на все продукты страшно высокие. Так, напр[имер], в Ташкенте: мука 300 руб. пуд, мясо 13 руб.¹⁵⁶ фунт¹⁵⁷, яйца 5 руб. штука и чай 350 руб. фунт¹⁵⁸.

Если нет каких-либо особых соображений и притом большой важности, то приходится удивляться вялым и нерешительным действиям отряда атамана Анненкова (Там же. Л. 11 об. — 12).

¹⁵² Далее в другой редакции — Хлебопашество везде сокращается; в 1918 году посевная площадь была значительно сокращена; в нынешнем году за недостатком семян еще сократилась, надо полагать, наполовину. Хлопковые плантации заброшены, вместо хлопка засевают джугару или рис. Скотоводство за войну и за время господства большевиков пришло в полный упадок. В начале банды большевиков реквизировали весь скот у крупных скотоводов и поделали между собой и быстро пожрали, а теперь ощущается недостаток мяса (Там же. Л. 12–12 об.).

¹⁵³ В другой редакции — национализированы (Там же. Л. 12 об.).

¹⁵⁴ Далее в другой редакции — фабричные и заводские (Там же).

¹⁵⁵ Далее в другой редакции — Во многих предприятиях машины испорчены, инвентарь расхищен (Там же).

¹⁵⁶ В другой редакции — 15 руб. (Там же).

¹⁵⁷ Далее в другой редакции — масло 50 руб. фунт (Там же).

¹⁵⁸ В другой редакции — 250 р[ублей] фунт (Там же).

Во многих местах, населенных киргизами (Перовский, Туркестанский и Черняевский уезды) наступил¹⁵⁹ голод. Бедное население¹⁶⁰ массами умирает с голоду. Киргизы вымирают целыми волостями.

в) Предметы первой необходимости.

Почти полное отсутствие на рынках мануфактурных и бакалейных¹⁶¹ товаров, железных изделий и посуды. Торговля везде прекратилась¹⁶². Товарищи успокаивали в печати и на собраниях¹⁶³ и обещали, что со взятием Оренбурга все будет в изобилии, но¹⁶⁴ ошиблись в расчетах.

г) Финансы края.

В обращении одни ташкентские деньги, николаевские припрятаны. Для торговли с Бухарой и Хивой, которые не принимают ташкентских денег, купцам приходится тайно покупать николаевские деньги по курсу 100 руб. за 200 руб. ташкентских. Во время последнего выступления в Ташкенте осиповский отряд захватил из Народного банка всю наличность, всего 21 мил[лион] рублей¹⁶⁵ и увез станки для печатания денег. 5-го марта Кобозев привез в Ташкент 40 мил[лионов] рублей¹⁶⁶.

д) Железные дороги.

Железнодорожное сообщение в крае почти прекращено за неимением топлива. Нефти и каменного угля совершенно нет. Каменноугольные копи и нефтяные промыслы «Санто» в Фергане еще осенью разрушены¹⁶⁷ нашими джигитами. Паровозы отапливаются саксаулом¹⁶⁸; для чего приспособлено несколько старых паровозов, которые и обслуживают¹⁶⁹ фронты. Поезда двигаются черепашьям ходом. Много паровозов и вагонов больших, но починка не произ-

¹⁵⁹ В другой редакции — наступает (Там же).

¹⁶⁰ Далее в другой редакции — не получая ниоткуда помощи (Там же).

¹⁶¹ В другой редакции вместо «галантерейных» — бакалейных (Там же).

¹⁶² Далее в другой редакции — за исключением Ферганской области (Там же).

¹⁶³ Далее в другой редакции — просили ждать (Там же. Л. 13).

¹⁶⁴ Далее в другой редакции — жестоко (Там же).

¹⁶⁵ Далее в другой редакции — из которых 7 миллионов золотом (Там же).

¹⁶⁶ Далее в другой редакции — Как обстоит денежный вопрос в крае в настоящее время — неизвестно. Предположено было печатать деньги нового образца, так как старого много поддельных. Да и в Фергане, надо полагать, используют привезенные станки и выпускают советские деньги (Там же).

¹⁶⁷ Далее в другой редакции — и заняты (Там же).

¹⁶⁸ Далее в другой редакции — большим заготовительным пунктом которого является ст. Чийли (Там же).

¹⁶⁹ Далее в другой редакции — лишь (Там же).

водится за неимением материалов. Кроме того, железнодорожные и рабочие весьма небрежно относятся к своим обязанностям. Словом, на железных дорогах также хаотический беспорядок.

3) Положение Туркестана в военном отношении.

а) Способ комплектования Красной армии¹⁷⁰.

Красная армия в Туркестане по-прежнему комплектуется вербовкой добровольцев. Туркестанские советские власти два раза объявляли мобилизацию¹⁷¹ нескольких возрастных сроков, но оба раза встретили такой отпор со стороны туземного населения и особенно их же товарищей рабочих, что¹⁷² сейчас же отменили отданное распоряжение о мобилизации¹⁷³.

В последнее время вербовка идет малоуспешно¹⁷⁴ и это, по словам самих же красноармейцев, по следующим причинам: 1) вследствие¹⁷⁵ угрозы отовсюду служба в Красной армии становится опасной, прошло то время, когда можно было только есть, спать и безнаказанно грабить и мародерствовать¹⁷⁶; 2) хулиганы, уголовные преступники и разные отбросы человеческого общества частью нажились и пресытились грабежами, а другие не идут потому, что нечего уже грабить.

Добровольцы в армию поступают главным образом из среды голодающего киргизского населения, но этот элемент весьма ненадежный для большевиков, особенно при объявлении священной войны мусульманами. Добровольцы поступают с целью получить пособие, обмундирование и снаряжение, а потом под предлогом болезни или саморанения убраться домой, чаще всего просто убе-

¹⁷⁰ Далее в другой редакции — (приложение № 5. Моя статья в «Вестнике Оренбургск[ого] казач[ьего] войска» «Туркестанская Красная армия») (Там же). Правильно — в «Оренбургском казачьем вестнике». Речь идет о статье Зайцева «Смехотворная Туркестанская красная армия» (Оренбургский казачий вестник. 1919. № 94. 24.05. С. 2).

¹⁷¹ В другой редакции — делали два раза подготовительные распоряжения о мобилизации (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 13 об.).

¹⁷² Далее в другой редакции — убоявшись (Там же).

¹⁷³ Далее в другой редакции — Особенно горячо восстали против мобилизации рабочие мастерских Ташкент[ской] ж[елезной] д[ороги], «краса и гордость» «красного Туркестана», они заявили, что готовы лечь костями для защиты Ташкента (?!), но на фронты не пойдут (Там же).

¹⁷⁴ Далее в другой редакции — Щедрые обещания комиссаров и благодушное житье в Красной армии мало привлекают добровольцев (Там же).

¹⁷⁵ Далее в другой редакции — боевой (Там же).

¹⁷⁶ Далее в другой редакции — теперь приходится расплачиваться за содеянное (Там же).

гают, унося с собой оружие, которое и продают по высокой цене; от них наша организация много приобрела оружия.

б) Запасы оружия и боевых припасов.

Винтовок для новых формирований нет; красноармейцы вновь сформированных частей ходят безоружными. Запасы артиллерийских снарядов и¹⁷⁷ патронов были весьма незначительны, по их расчетам хватило бы лишь на один серьезный бой, что очень удручало советские власти, и они с нетерпением ждали открытия железнодорожного сообщения на Самару и горячо зывали к московским большевикам, умоляли спасти Советский Туркестан и пробить оренбургскую пробку, как они выражались. Московские советские власти исполнили их просьбу, но не знаю, насколько они успели снабдить Туркестан оружием, боевыми припасами, предметами обмундирования и снаряжения, нефтью и прочее¹⁷⁸.

в) Дисциплина в частях Красной армии.

Что касается дисциплины в красноармейских частях и несения боевой службы товарищами, то я не буду распространяться об этом, так как это общеизвестно. Все попытки установить железную революционную дисциплину ни к чему не привели. Как было, так и есть хаотический беспорядок везде, отсутствие подчиненности. Все опасные поручения выполняются неохотно, по жребию.

Прежде чем исполнить боевой приказ, происходит обсуждение его на общем собрании. Та, например, на Асхабадском фронте дважды было приказано перейти в наступление и каждый раз товарищи, обсудив приказ на митинге, заявляли, что не желают¹⁷⁹.

Разведывательная и сторожевая служба отправляются крайне небрежно¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Далее в другой редакции — ружейных (Там же. Л. 14).

¹⁷⁸ Далее в другой редакции — в) Запасы обмундирования и снаряжения. Обмундирования и снаряжения для Красной армии совершенно нет. Всевозможные реквизиции не достигали цели. Для последних формирований самим комиссарам пришлось прибегнуть к содействию спекулянтов и тайно за бешеные деньги приобретать материалы для обмундирования. Таким путем производил заготовку в Чимкенте, Туркестане и Перовске помощник военного комиссара края Самодуров (Там же).

¹⁷⁹ Далее в другой редакции — и свой отказ мотивировали, и вполне резонно, тем, что они поступили защищать Советскую власть, а не устанавливать ее силою оружия в тех областях, где население вовсе не желает принимать ее (Там же. Л. 14 об.).

¹⁸⁰ Далее в другой редакции — часто на важных и ответственных постах товарищи мирно почивают (Там же).

При квартирном расположении полный беспорядок; каждый занимает квартиру, где ему вздумается, почему происходит перемешивание не только рот, но и отдельных частей. Никакой боевой готовности нет, даже вблизи неприятеля товарищи располагаются на квартирах, как при мирной обстановке. Такие условия дают широкий простор для нечаянных ночных нападений, которые¹⁸¹ всегда увенчаются успехом. Вообще части Красной армии, как боеспособные¹⁸², самого невысокого качества. При смелых и решительных действиях эта банда рассыплется и разбежится в разные стороны¹⁸³.

д) Приблизительная численность туркестанской Красной армии¹⁸⁴.

Вот приблизительная численность и распределение красной армии на фронтах и в гарнизонах:

1) Отряд красных на Асхабадском фронте: пехоты до 8 тыс. чел., кавалерии 300–400 чел.¹⁸⁵, 8–12 полевых 3-х дюйм[овых] орудий и 4 шестидюймовых, два аэроплана.

2) После занятия Оренбурга в Актюбинске был отряд: пехота до 8 тыс.¹⁸⁶ чел., кавалерии 300 чел., 8 трехдюйм[овых] орудий и 4 шестидюймовых (были расположены на позиции на базарной площади).

3) В Ташкенте — 4 тыс. чел. пехоты, 150 чел. кавалерии¹⁸⁷.

4) В Чарджуе — около 2 тыс. чел. пехоты, 4 орудия, 4 орудия 3-х дюйм[овых] и 2 ор[удия] 6-ти дюймовых, находятся у позиции у Чарджуйского моста.

5) В Петро-Александровске — 300–400 чел. пехоты, 200 чел. кавалерии и 4 орудия 3-х дюймовых клиновых¹⁸⁸.

¹⁸¹ Далее в другой редакции — несомненно (Там же).

¹⁸² В другой редакции — как боевые единицы (Там же).

¹⁸³ Далее в другой редакции — Во время скитаний по фронту с целью пробраться в родные края мне пришлось с болью в сердце наблюдать вялые и нерешительные действия с нашей стороны, особенно при отступлении красных на оренбургском и стерлитамакском направлениях (Там же).

¹⁸⁴ Далее в другой редакции — в марте месяце [1919 г.] (Там же). Сплошная выдумка (примеч. советского комментатора, РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1609. Л. 21).

¹⁸⁵ В другой редакции — 400 (РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 14 об.).

¹⁸⁶ В другой редакции — до 6 тыс. человек (Там же).

¹⁸⁷ Далее в другой редакции — и 8 орудий, кроме того, артиллерийское вооружение крепости (Там же).

¹⁸⁸ В другой редакции — поршневого (Там же).

6) В Самарканде — 2 тыс. чел. пехоты и 8 орудий.
7) Для охраны Сыр-Дарьинского моста¹⁸⁹ поставлены 4 орудия 3-х дюймовых и рота пехоты.

8) В Казалинске — около 1 тыс. чел. пехоты¹⁹⁰.

9) В Перовске — 500 чел. пехоты.

10) В Туркестане и Чимкенте по 150–200 чел. пехоты в каждом.

В первых числах марта было приступлено к формированию новых четырех пехотных полков, по одному: в Казалинск[е], Перовск[е], Туркестан[е] и Чимкент[е]. Эти полки предназначаются для охраны границы с Тургайской и Акмолинской областями.

11) Кроме того, для охраны железнодорожного пути на участке Казалинск — Актюбинск имеются на станциях небольшие отряды, численностью 26–100 чел.¹⁹¹, более значительные, около 200 чел., имеются на станции Эмба и Челкар.

Неизвестно, какой численности и из каких гарнизонов отправлен отряд в Фергану против Иргаш-бая.

Из первых трех отрядов, отправленных в Коканд против Иргаш-бая, ни один солдат не вернулся¹⁹².

¹⁸⁹ Далее в другой редакции — у Чиназа (Там же).

¹⁹⁰ Далее в другой редакции — и 4 орудия (Там же).

¹⁹¹ В другой редакции — от 25 до 100 человек (Там же).

¹⁹² На этом документ в другой редакции заканчивается (Там же. Л. 15). Далее в экземплярах другой редакции содержится подписанный Зайцевым отдельный раздел о мерах для скорейшего свержения Советской власти в Туркестане: III. Желательные и возможные мероприятия для ускорения свержения Советской власти в Туркестане и для водворения полного порядка и спокойствия в крае.

Как я доложил уже выше, что мусульмане Туркестанского края, разоренные, оскорбленные и униженные, голодные и нагие, буквально стонут и изнемогают под ненавистным игом большевиков; но беспомощные и терроризированные они не в силах сами выступить.

Они возлагают все свои надежды и упования на помощь извне.

От имени Туркестанской военной организации, в которой я работал, от имени представителей мусульман Сырдарьинской и Самаркандской областей я взываю к верховному командованию и передаю их мольбу — оказать помощь и содействие для свержения ига большевиков и для установления порядка и спокойствия в крае.

Принимая во внимание изложенное мною общее положение дел в Туркестане, те меры, которые приняты для борьбы с большевиками, те средства, какие имеются для этой цели, можно уверенно сказать, что Советская власть отживает последние дни и минуты ее сочтены, лишь необходимо дать толчок отсюда извне, так как имеющиеся там очаги борьбы с большевиками, не надеясь достигнуть верного успеха своими средствами и силами, не решаются выступить первыми, опасаясь подвергнуться отдельному разгрому, как то имело место в Коканде, Бухаре и Ташкенте, — почему необходимо установить прочную

Принимая во внимание общее положение дел в Туркестане, те ме-

связь со всеми очагами борьбы, объединить и согласовать их деятельность и организовать совместное выступление против большевиков в связи с сильным нажимом извне.

Я полагаю, что для ускорения свержения советской власти в Туркестане и для водворения после этого порядка и спокойствия в крае необходимо сейчас же принять нижеследующие меры.

а) Мероприятия военного характера.

а) Направления для действий против советского Туркестана.

Для оказания помощи отсюда и для действия против советских войск Туркестана возможны лишь три следующие направления: Асхабадское, Актюбинское и Семиреченское.

Доложу кратко значение каждого из этих направлений, насколько возможны и осуществимы боевые предприятия и какие могут быть достигнуты результаты.

б) Асхабадское направление.

Направление Асхабад — Мерв — Чарджуй и далее является в сравнении с другими кратчайшим.

Наш Закаспийский отряд имеет прочную базу и связь с армией генерала Деникина.

Но на своем пути Закаспийский отряд встретит такую серьезную преграду, как р. Амударья (вероятно, «товарищи» взорвут Чарджуйский желез[но]дор[ожный] мост, длиною 725 сажен. Во время самаркандских событий председатель Совнаркома Колесов приказал в случае надобности взорвать этот мост).

Для облегчения Закаспийскому отряду форсировать переправу через р. Амударью можно двинуть из Хивы особый летучий партизанский отряд туркмен хана Джунаида. Этот отряд будет действовать по правому берегу Амударьи, угрожая тылу красных. С подходом Закаспийского отряда к Чарджию бухарские войска производят нападение на железную дорогу и отрезают путь отступления красных, действующих у Чарджуя. Одновременно с сим ферганские партизанские отряды производят одной частью налет и захват Сырдарьинского моста у Чиназа, а главные силы двигаются на Ташкент.

Такой план действий был намечен еще осенью прошлого года. Осуществление этого плана возможно лишь при следующих условиях: 1) Принимая во внимание силы и средства большевиков и их настроение, наш Закаспийский отряд мог успешно форсировать переправу через р. Амударью лишь тогда, когда Бухара откроет враждебные действия в тылу у красных и когда начнется движение из Ферганы; 2) Бухарское правительство выразило согласие выступить открыто лишь в том случае, когда Бухара будет гарантирована от отдельного разгрома, как то было в марте 1918 года, а для этого необходимо отвлечь главные силы большевиков каким-либо предприятием; 3) чтобы отвлечь главные силы туркестанской Красной армии, необходим сильный нажим на Актюбинском или Семиреченском направлении, где должна быть проявлена ошутительная угроза большевикам решительным переходом в наступление.

Я обращаюсь дважды с просьбой к бывшему командующему Оренбургской армией и Войсковому атаману генерал-лейтенанту Дутову произвести сильное давление на Актюбинском направлении.

Но, как я уже доложил, что мы, вследствие некоторых причин, не могли проявить себя, да кроме того, мы и не ощущали этого нажима.

Должен добавить, что и Закаспийский отряд в течение 10 месяцев мало проявил активных действий.

Таким образом, Асхабадское направление, являясь кратчайшим и имея прочную базу и вполне обеспеченные фланги и тыл, встречает на своем пути серьезную преграду р. Амударью, форсировать которую будет весьма затруднительно.

Так как настоящая обстановка мало отличается от прошлогодней, то выполнение этой операции возможно при прежних же условиях, т. е. когда будет произведен сильный нажим со стороны Актюбинска или начнется сильное и решительное движение из Семиреченской и Ферганской областей.

б) Актюбинское направление.

До очищения нами Оренбурга население Туркестанского края устремляло свои взоры в сторону Актюбинска, ожидая с этой стороны прибытия помощи. Но в то время Туркестанский край был оставлен в полном пренебрежении и были упущены весьма благоприятные моменты, да и в настоящее время мало уделяется внимания Туркестану.

Хотя направление через Актюбинск по линии Ташкентской железной дороги и имеет громадное расстояние, от Оренбурга до Ташкента 1720 верст, но я уверен, что при смелых и решительных действиях, принимая во внимание паническое настроение в туркестанской Красной армии, наше продвижение в Туркестане шло бы довольно успешно. Красные старались бы замедлить наше продвижение, производя порчу железнодорожного пути. Относительно порчи пути, как мне известно, у них отданы подробные инструкции.

Для движения через Актюбинск вглубь Туркестана я полагаю, что этот Туркестанский экспедиционный отряд мог бы быть следующей численности 6–8 батальонов пехоты при 8–12 легких орудиях, 12 каз[ачьих] сотен при 4–8 конных орудиях и достаточное число технических войск.

Для облегчения продвижения этому отряду можно было бы направить небольшой партизанский отряд из Уральской области на Казалинск. Занятие нами Казалинска вызовет выступления против большевиков во многих городах. Но движение на Актюбинск и далее возможно лишь после занятия нами Оренбурга и достаточного продвижения к Волге, до этого времени предприятие в этом направлении невозможно.

Следовательно, помощь Туркестану со стороны Оренбурга через Актюбинск оттягивается пока на неопределенное время.

в) Семиреченское направление

В настоящее время единственным верным и безопасным направлением, в каком можно было бы отсюда подать помощь Туркестанскому краю в борьбе с большевиками, это является направление Семиреченское, в направлении Семипалатинск — Сергиополь — Копал — Верный — Пишпек — Аулие-Ата. Это направление имеет тот же недостаток, как и все туркестанские, — громадность расстояния; но его преимущества: пролегает по местности сравнительно населенной, имеет сносные коммуникационные пути и пути связи; не имеет серьезных преград, на этом направлении туркестанские большевики не могут оказать серьезного сопротивления. Угроза ташкентских товарищей, переданная по радио, произвести мобилизацию в Туркестане едва ли

осуществится, это излюбленный прием большевиков угрозой о мобилизации привлечь больше добровольцев, так как добровольцы пользуются никоторыми преимуществами. Хотя бы им и удалось провести частную мобилизацию, но для новых формирований нет оружия, обмундирования и снаряжения. Отряд, действующий в этом направлении, имеющий при себе запас оружия, боевых припасов и снаряжения, по мере продвижения вглубь края будет увеличиваться в своем составе новыми формированиями, так как всюду встретит сочувствующее население. Возлагавшиеся большие надежды и упования на Партизанский отряд атамана Анненкова, видимо не осуществятся.

Не зная истинных заданий этому отряду, все же приходится удивляться вялым и нерешительным действиям, особенно вначале и, видимо, без причин.

Таким образом, семиреченское направление имеет первостепенное значение и единственное, откуда можно подать помощь Туркестану в борьбе с большевиками.

Принимая во внимание, что, возможно, борьба примет затяжной характер, я полагаю необходимым сейчас же отправить партизанский отряд в Семиреченскую область и далее.

Численный состав этого отряда будет достаточный: пехоты 6–8 батальонов, 12 сотен казаков; артиллерии 8–12 легких орудий и 8 орудий конных; кроме того отряд должен быть снабжен в избытке техническими средствами связи и борьбы и иметь при себе запас оружия и снаряжения для вооружения мобилизуемых местных жителей, главным образом семиреченских казаков.

2) Мероприятия в отношении Хивы, Ферганы и Бухары.

а) Посылка военных инструкторов и для связи.

В Хиве мною были оставлены офицеры Фастиков и Какунбаев для формирования милиции по охране общественного порядка и спокойствия.

Позднее тут же пробрался подъесаул Леонтьев с поручениями от Войскового правительства Оренбургского казачьего войска.

Я полагаю необходимым командировать в Хиву 3–5 чел. офицеров и 5–8 урядников для формирования и обучения особо хивинского партизанского отряда для действий против большевиков Амударьинского отдела и в направлении на Чарджуй или осенью на Казалинск,

Кроме того, эта военная миссия будет служить связью между хивинским правительством и особо уполномоченным представителем, если таковой будет назначен, и руководить политикой хивинского правительства по указанию уполномоченного.

Следовало бы послать 2–3 офицера для связи и с бухарским правительством с теми извещениями, о которых мною будет доложено ниже.

Считаю крайне необходимым командировать теперь же 5–8 человек охотников-офицеров в Фергану с письмом к Иргаш-баю и Ишмат-баю с призывом на борьбу с большевиками и с извещением от имени Российского правительства главных руководителей движения в Фергане, чтобы рассеять всякие сомнения и разные недоумения насчет будущего.

Все эти три партии могут пробраться через Уральскую область до Гурьева, далее морем на Петровск и Красноводск и далее на Асхабад и оттуда или на Хиву, Бухару и Фергану или же через Афганистан две последние на Бухару и Фергану (в случае невозможности этим путем, то через Зайсан, Кульджу, Кашгар в Фергану, далее по своим местам. — *примеч. И. М. Зайцева*).

Для установления прочной связи между очагами борьбы против большевиков, для согласования их действий эти военные миссии должны быть снабжены подробными инструкциями уполномоченного представителя, так же, как и все агитационные партии.

3) Меры по снабжению оружием и боевыми припасами партизанских отрядов Ферганы и Хивы.

Не знаю, в каком положении в настоящее время вопрос относительно снабжения оружием, боевыми припасами и деньгами наших партизанских отрядов, действующих на Ферганском фронте.

Я докладывал уже, что наша Туркестанская военная организация входила по этому поводу в соглашение с представителями английского правительства на изложенных выше условиях.

Для успешного действия партизанских отрядов Ферганы и для дальнейшего их усиления я считаю крайне необходимым, чтобы органы центрального правительства обратились с просьбой к представителям английского правительства оказать помощь в снабжении оружием, боевыми припасами и денежными средствами отрядов Ферганы. Следовало бы по этому поводу заключить соглашение и этим устранялись бы самочинные соглашения разных организаций, которые этим вносят лишь сомнения среди населения и вызывают нежелательные толки. Количество потребного оружия и боевых припасов будет заявлено особо уполномоченным, на основании добытых с мест сведений. Пути снабжения или через индийскую границу в направлении на Ош, или в другом наиболее удобном направлении. Отпуск денежных средств через английского консула в Кашгаре, из Кашгарского английского банка, как то было условлено осенью прошлого года. Все подробности снабжения должны быть заранее обусловлены.

Точно также необходимо просить представителей английского правительства об отпуске необходимого количества оружия для вооружения Хивинского партизанского отряда по заявлению об этом особо уполномоченного и это лишь после того, как военная миссия удостоверит, что в хивинских владениях должный порядок, и заверит о доброжелательном и надежном отношении туркменского и узбекского населения ханства. Путь снабжения — караванная дорога из Асхабада в Хиву.

б) Меры административного характера:

1) Необходимость назначения уполномоченного представителя в край для общего руководства движением против большевиков.

Я упоминал уже неоднократно в своем докладе, что население Туркестана совершенно не осведомлено о том, что происходит вне пределов края. Не только члены стоящей у власти партии коммунистов, но даже их лидеры не знают, что в действительности творится во внутренних областях России и в Сибири, и это потому, что московские коммунисты передают по радио своим «товарищам» лишь только то, что им выгодно и желательно. Ташкентские «товарищи» в свою очередь распускают самые нелепые слухи, особенно о своих противниках, и невежественное мусульманское население им часто верит.

Я считаю неотложно необходимым сейчас же принять меры для широкой информации населения Туркестана о[бо] всем происходящем за пределами края, а главное — о деятельности центрального российского правительства, о его целях в настоящем и о намерениях в будущем. С этой целью образовать

особые агитационные партии, людей можно найти на месте, — люди нашей организации везде есть.

Несмотря на то, как, казалось бы, что силы и средства очагов борьбы против большевиков были достаточны, однако вследствие разъединенности и несогласованности наше выступление заканчивалось или частичным успехом, или же довольно плачевно, как, например, в Ташкенте.

С целью объединения и согласования деятельности разных очагов борьбы против большевиков в крае, было бы весьма желательно, если бы центральное российское правительство приняло на себя руководство их действиями.

Как наблюдалось, каждая организация и даже отдельные лица стараются занять первостепенное значение и этим приносят лишь один вред и, что прискорбно, бывают напрасные жертвы.

Чтобы избежать этого в будущем, было бы весьма целесообразно назначить особого уполномоченного представителя в Туркестанском крае, на которого и возложить общее руководство движением в крае против большевиков; притом преследуя исключительно русские интересы.

Местопребывание представителя центрального русского правительства или в Асхабаде, или лучше в Фергане, где центр мусульманского движения и где не будет иностранного влияния.

Из обоих этих пунктов возможно поддерживать связь со всеми областями края и с центральным правительством.

2) Образование Амударьинского казачьего полка.

Возможно, что по примеру прежних лет, 1916, 1917 и 1918 г., в июле месяце во время сбора урожая в хивинских владениях начнутся разбои и грабежи, другими словами наступит анархия.

При таких условиях вопрос о формировании какого-либо партизанского отряда само собой отпадает.

Я полагаю бы, если будет назначен особый уполномоченный или командирована военная миссия в Хиву, уполномочить того или другую объявить в этом случае от имени центрального русского правительства об образовании Амударьинского казачьего войска.

Дело в следующем:

По побережью Аральского моря и по правому берегу реки Амударьи вплоть до Чарджуя поселились уральские казаки-староверы, выселившиеся после уральского бунта. Число которых в настоящее время простирается до 12–15 тысяч человек, — это ярые контрбольшевики.

Во время пребывания моего в Хиве, в должности начальника Хивинского отряда, уральцы обращались многократно ко мне с просьбой о выдаче оружия для защиты от разбойников, а после Октябрьского бунта — то и от большевиков. Из них были сформированы конные команды. Позднее по просьбе петро-александровских, кипчакских и нукусских уральцев решено было явочным порядком образовать Амударьинское каз[ачье] войско.

Мною было вышущено воззвание.

Не только все уральцы и другие русские поселенцы, но и киргизы Амударьинского отдела и каракалпаки выразили желание зачислиться в Амударьинское казачье войско.

Узнав об этом, узбеки Хивинского ханства подали на мое имя прошение с просьбой принять их в русское подданство и зачислить в казачье сословие,

ры, которые приняты для борьбы с большевиками, и те средства, какие имеются для этой цели, можно уверенно сказать, что большевикам приходит конец, что советская власть отживает последние дни и минуты ее сочтены, лишь необходимо дать толчок отсюда извне.

Для ускорения свержения Советской власти в Туркестане, для водворения после этого порядка и спокойствия в крае и для пред-

были поданы прошения от жителей следующих бекств: Кунградского, Хаджейлинского, Мангитского, Ташаузского и Ургенченского.

Такое движение сильно встревожило хана, ибо это означало конец ханства. К сожалению, настойчивый вызов из Хивы в войско Войскового атамана А. И. Дутова помешал осуществить это намерение. Зная истинное положение дел в Хивинском ханстве, я полагаю, что такое мероприятие будет наиболее правильным для разрешения Хивинского вопроса.

в) Меры дипломатического характера:

Чтобы разяснить всякие сомнения и недоумения и рассеять возможные тревожные опасения, я полагаю, следовало бы известить через уполномоченного представителя в особом обращении Министерства иностранных дел к правительствам автономных государств Бухары и Хивы о том:

1) Что управление возрождающейся Великой неделимой России вверено законному Всероссийскому правительству, признанному всеми правительствами областей, очищенных от большевиков и признаваемому иностранными державами (с кратким, изложением правительственной программы).

2) Что ханства Бухара и Хива, находясь в верховном обладании российской державы, пользуются во внутренних своих делах полной самостоятельностью и сохраняют все права и привилегии согласно договоров, заключенных до 1-го марта 1917 года.

3) Что по установлении законного порядка в крае российское правительство ставит своими ближайшими задачами: способствовать всеми мирами улучшению народного хозяйства в ханстве, развитию торговли и промышленности и содействовать распространению народного образования.

В частности, в отношении Хивы:

а) После свержения советской власти в крае российское правительство примет меры к скорейшей доставке продовольствия для голодающего населения Хивы.

б) Российское правительство окажет содействие для мирного разрешения споров между туркменскими и узбекскими племенами, и для водворения порядка и спокойствия в ханстве с образованием собственной охраны;

в) Российское правительство окажет содействие хивинскому правительству по оказанию помощи населению, пострадавшему от беспорядков в 1916 и 1917 гг.

Вот краткий перечень тех мероприятий, которые желательно было бы осуществить для ускорения свержения советской власти в Туркестанском крае и для водворения законности и порядка.

Эти меры есть пожелания нашей Туркестанской военной организации.

Доложив вышеизложенное, я нравственно удовлетворен, что выполнил долг перед нашей организацией, которой я обязан дважды спасением моей жизни.

Полковник Зайцев (Там же. Л. 16–21).

отвращения нежелательных явлений в будущем, необходимо сейчас же по указанию Ставки Верховного главнокомандующего и центрального правительства выработать план для одновременного выступления и для совместных действий против большевиков. с уничтожением большевизма в Туркестанском крае, на что не потребуются больших усилий, значительно облегчается наша работа на главном направлении, в направлении на Москву мы освобождаемся от угрозы с тыла, войдем в связь с англичанами, находящимися в Персии, и оттуда можно получать помощь оружие и боевыми припасами, кроме того, силы и средства Туркестана можем использовать для борьбы с большевиками центральных губерний.

Я полагаю, что для оказания помощи отсюда необходимо выработать план для движения отдельного отряда от Актюбинска на Казалинск, конечно, при благоприятной обстановке на Восточном фронте, а для облегчения этого движения направить партизанский отряд из Уральской области на Казалинск; снабдить запасом оружия отряд, направленный в Семиречье для вооружения семиреченцев, так как той силы отряда, что пошел туда, никакой роли сыграть не может, а оружия там нет.

Далее необходимо через командированных надежных лиц установить связь с командующими русскими и английскими войсками на Асхабадском фронте, с Иргаш-баем и Ишмат-баем, Бухарским правительством, ханом Джунаидом и с нашей организацией, и войти со всеми ими в соглашение об одновременных и совместных действиях, как то было предположено осенью прошлого года.

Подписал: полковник Зайцев.

С подлинным верно: делопроизводитель Филиппович

ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 28–40 об.
Заверенная машинописная копия

Николай Кабанов

ПЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ЛАТВИЮ (1987–1991).

Избранные интервью. Часть 2¹

7. Эдвинс Инкенс, журналист, бывший народный депутат СССР
8. Александрс Кирштейнс, экс-заместитель председателя комиссии Верховного Совета Латвии по иностранным делам (1990–1993)
9. Виктор Авотиньш, публицист, писатель, политик
10. Иварс Годманис, председатель Совета министров Латвии (май 1990 года — июль 1993 года).
11. Дайнис Иванс, первый председатель Народного фронта Латвии.
12. Андрей Крастиньш, экс-заместитель председателя Верховного Совета Латвии.

7. ЭДВИНС ИНКЕНС, ЖУРНАЛИСТ, БЫВШИЙ НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР

Инкенс Эдвинс (1958) — закончил Латвийский государственный университет (журналистика), в 1981–1986 редактор иновещания Гостелерадио Латвийской ССР, в 1986–1990 редактор телевидения, соведущий популярной еженедельной программы *Labvakar!*, впер-

¹ Первая публикация: *Николай Кабанов*. Цена независимости. Рига, 2006. Вышла в свет в январе 2006 года.

вые выходившей в прямом эфире. Состоял в КПСС. В 1989–1991 — народный депутат СССР от Латвии, избран по списку Народного Фронта, советник премьера И. Годманиса. В 1993–1994 — министр без портфеля в правительстве В. Биркавса. В 1993–2002 — депутат Сейма от партии «Латвийский путь». Впоследствии занимался продюсерским бизнесом в области ТВ. Фигурант значительного числа скандалов и списка миллионеров Латвии.

— *Вспомним, если не возражаете, о «Лабвакаре». Как появилась идея такой телепередачи?*

— Она появилась в поезде. Я перешел работать с радио на телевидение, но когда еще работал на прежнем месте, меня заявили делегатом на всесоюзный съезд «молодых-талантливых». А от телевидения туда послали Ояrsa Рубениса. Вот мы и очутились в одном купе — и начали говорить.

Мы, конечно, знали друг друга, но не очень близко. Приехали в Москву, пошли в гостиницу «Орленок», нас спросили: «Вы сразу поедете назад или останетесь?» Мы сразу не поняли, в чем дело. Оказывается, Черненко умер. И никакой съезда, конечно, не состоялся. Однако мы с Оярсом остались там еще на пару дней. Начиналась горбачевская эра, и у нас было время выговориться. Все в конце концов свелось к тому, что на телевидении надо что-то всерьез менять. Вот так и появилась идея «Лабвакара»

— *Когда стартовала передача?*

— В последний день января 1988 года — как раз 31-го.

— *А кто визировал создание программы — местные товарищи или московские?*

— Московских товарищей мы как-то у нас не видели, так что кто визировал — не могу сказать. Просто мы пошли к прямому руководству нашей редакции, руководство пошло к председателю профильного комитета... Никто же понятия не имел, что за передача готовится — знали только мы. Формат был известен, оставался лишь вопрос: Шипкевиц будет вместе с нами сидеть или раздельно. Это был нормальный журнал с несколькими ведущими, каждый из которых отвечает за свою область. В отношении формата там ничего особенного, эксклюзивного не было. В мире — сколько угодно подобного. А содержание — другое дело. Это проявлялись по ходу дела, по возможности.

— Когда предоставилась первая возможность?

— Уже во второй передаче. Но первые наши настоящие проблемы начались после 25 марта. Мы снимали, как у памятника Свободы читали стихи, что говорили, какие были мнения о том, что произошло. Тогда нас в первый раз стали ругать, а руководителя телевидения пригласили в ЦК.

— До этого Вы как-то общались с партийными руководителями? Может, они намеревались обсудить с Вами этот контент?

— По-моему, они вообще не знали об этой передаче. Да — контроль был, конечно, но не стоит его преувеличивать. Какие передачи мы создавали на телевидении — это было прежде всего дело самого телевидения. Не знаю, быть может, в ЦК и следил за этим какой-нибудь мелкий клерк...

— Завсектором.

— Мельче — инструктор! Наверняка такой был, и его оповестили. Да, конечно, они не хотели видеть того, что увидели, но я на телевидении был на хорошем счету как журналист. Тем не менее наше руководство в советское время мне вредило, чем и как только могло. Например, Янис Лея — с которым мы потом сидели в Сейме. Он был в то время моим начальником, и у меня с ним случались стычки...

Я явно, всегда стремился быть международником, потому что внутренняя политика — это такое дерьмо: стоит заняться, как сразу надо начинать врать. А в международной политике — даже в советское время — ты мог и не врать: ты мог просто умалчивать о чем-то, не говорить, скажем, о том же Афганистане. А обо всем остальном — пожалуйста, сколько угодно. При этом мог избегать словечек вроде «головорезы, стервятники» и прочее такое из тасовского лексикона. Как-то обходиться, давать достаточно корректный контент. Что, собственно, мы и делали на радио. Я — человек из последних известий, из новостей...

Вся дискуссия о пакте Молотова—Риббентропа началась уже в 1987 году — то есть, в год уже достаточно показательный, яркий. Проблемой руководства ЦК Компартии Латвии стало то, что, мол, не годится, чтобы в Москве об этом пакте все можно было говорить, а тут — ничего. Хотя и с опозданием на два года, но и тут что-то подвинулось. Ведь всем было ясно: вот-вот поднимутся эти

вопросы, от них уже невозможно уйти, и затормозить все это тоже невозможно.

Мы с Мавриком Вульфсоном начали копать. Он тоже все это заново изучал, поскольку не так уж много всего и знал, — из Германии ему привозились разные материалы, документы, копии. И так, продвигаясь к 23-му августа, мы с Мавриком сделали достаточно откровенную (не до конца, конечно) передачу «Глобус», где обговорили ситуацию в контексте соглашения Молотова-Риббентропа, непризнание пакта американцами и прочее.

А 23-го августа 1987 года была демонстрация у памятника Свободы — первая по-настоящему массовая. Меня, как человека достаточно свободного в редакции, послали туда делать репортаж. Конечно, верхушка понимала, что за нами нужен глаз да глаз. Поэтому на телевидение потом приехали Зукус, Соболев и Кезберс (он в то время уже работал на телевидении). То есть — весь цвет, выше не бывает. И мы их обманули: мы им показали черновой материал, а сами в другом месте монтировали настоящий. Перед исполнением в кадре у памятника гимна Латвии поставили аудиозапись — это в 1987-то году!

Когда я по окончании этого репортажа вышел с телевидения, то увидел, что внизу стоят эти ребята и подзывают меня: «Ну, ты молодец!» Я и подумал: все, я схожу с ума. Ибо это невозможно, чтобы господин Зукус сказал: «Вот журналист, который все делает правильно». А видел-то он черновой материал, и у меня там было несколько циркулярных вопросов: «Что вы знаете о пакте Риббетропа-Молотова?» и так далее. Ну, большинство из опрашиваемых ничего, конечно, толком не знали. И это Зукулсу понравилось. А ведь он и понятия не имел о том, что на самом деле пошло в эфир.

На следующий день «Панорама» запустила, что вот, мол, кто-то неверно сказал, будто там было лишь несколько десятков человек, а в действительности... Да, мы показали, что могли. После этого меня вообще сняли с эфира. И — все.

Дело в том, что в горбачевское время уже не могли сказать, что я соврал. Так что если хорошо не чувствовать той ситуации и воспринимать то время как нечто однородное — серое, черное, без нюансов, — то получится совершенно неправильная картина. Вообще непонятно, как так — однозначно — можно воспринимать то время. Зная, видя, что это уже третий год Горбачева, и никого не вешают, не сажают, даже с работы не выгоняют за то, что ска-

зал правду, — можно все-таки судить о том времени более-менее объективно.

— Если вспомнить пленум творческих союзов Латвии в 1988 году — кто был мотором этого процесса?

— Абсолютно ясно, что им был Янис Петерс. Там не было других людей. То есть, были, конечно, другие и поддерживали его, но мотором был он.

— Но почему же в таком случае он не стал председателем Народного фронта?

— Он сам не захотел. Хотя его многие уговаривали. В том числе и мы с Ояром — специально ходили к нему уговаривать.

— Как же все-таки возник Иванс в качестве председателя Народного фронта? У него был ведь достаточно равный с Вами, если не меньший даже, уровень публичности.

— Да, это так. Но он отличился как борец за экологию, агитировал против строительства Даугавпилсской ГЭС. Он хорошо говорил — вполне литературным языком, был достаточно искусным оратором. К тому же он и сам не возражал против своего назначения.

— А Вы в какие организационные структуры Народного фронта входили?

— Во все. В Правление, возглавлял комитет по иностранным делам...

— Выходит, Вы планировались в качестве одного из кандидатов в министры иностранных дел?

— Да.

— Почему же министром стал Юрканс?

— Язык. Он знал английский.

— Понятно. А когда Вы шли в народные депутаты СССР, кто был Вашим соперником?

— Бресис, в то время премьер-министр Латвийской ССР. Сильный противник — как сейчас говорят, с административным ресурсом. Но против Народного фронта никто в то время не мог выстоять.

— Он как будто не был против Народного фронта?

— Да, он не был против. И тем не менее, он как бы представлял советскую власть.

— Интересно, а какие-то ходы вашей тогдашней предвыборной тактики применимы в теперешних условиях?

— Я думаю, практически сейчас ничего из того арсенала невозможно применить. Потому что тогда предвыборные собрания — это были мощные митинги. Мы же забывали клубы, люди протискивались, чтобы пройти ближе к нам: они хотели знать нашу позицию, наши прогнозы — все хотели знать! Мы с Бресисом сидели и рассказывали, что происходит в Латвии, — мы с ним никогда не пикировались...

Да, тогда люди были политически крайне взвинчены, они ждали больших перемен, их никто не сгонял на эти митинги. А сейчас, если вы выедете на село и там объявите предвыборный митинг, то если и придет полтора-два десятка человек, то это уже можно считать успехом.

— Я в Прейли приезжал — пришло 100 человек. Но я был с Татьяной Жданок.

— Хорошо! Тем не менее, в принципе, тогда было абсолютное другое время. Единодушие, решительность — не хотим ничего, кроме независимости! Правда, в то время говорили «самостоятельности».

— Почему после 31 мая 1988 года произошел такой разворот на 180 градусов?

— В сущности, сменились только слова, но не содержание. Когда мы говорили о «самостоятельности», то всегда имели в виду, что это значит — и экономическая, и языковая, и бюджетная самостоятельность. А, в принципе, что это, если не независимость?.. Так что разворот, как Вы говорите, был не на 180 градусов, а очень небольшой, хотя и яркий в новом словесном облачении.

— А вот ДННЛ считало, что именно они радикализировали Народный фронт.

— Они абсолютно правы — да, они подгоняли Народный фронт, торопили, чтобы быстрее двигался вперед. Ведь наш Фронт состоял из очень разных людей. Там было два зримо различающих-

ся потока: во-первых, — интеллектуалы, начиная с Боярса-старшего. Во-вторых, — прагматики, считавшие, что самое главное — добиться стабильных практических результатов, а не каких-то временных изменений. Все это, естественно, должно было раньше или позже поменять риторику.

— *То есть, лозунги можно было использовать и в чисто технологических целях.*

— Я думаю, в то время — да. Уже были зародыши политтехнологий. Мы — руководство Народного фронта (очень коллективное, кстати) — расчетливо, шаг за шагом продвигались вперед. Как только политическое пространство позволяло — мы двигались дальше. А ДННЛ напирало: «Что так медленно, уже можно было пять шагов сделать!» То есть это был такой симбиоз — мы и они. Они же тоже все были в Народном фронте. Но когда они говорят, что без них бы ничего не произошло, — тут явное искажение реальности. Это в то время казалось, что месяц туда-сюда — весьма значительный отрезок времени.

— *К тому времени, как Вы поехали в Москву на Съезд народных депутатов, у вас было распределение ролей среди вашей фракции?*

— Да, конечно. У нас прошли заседания фракций, были установлены связи с литовцами, эстонцами, потом мы подтянули и грузин.

— *И кто у вас был главный?*

— Хороший вопрос... Но — не было главного. Опять-таки, Народный фронт тем и был хорош, что являл собой крепкую коллективность. Дайнис Иванс был символом, но не руководителем. Конечно, Петерс оставался очень весомым, но он не мог быть чрезмерно активным.

— *Интересно появление такого человека, как Вилен Толпежников. Подумать только — народный депутат СССР от ДННЛ!*

— Мы с ним в Баку были вместе — там как раз шаа эта резня. Вилен — отважный человек, радикальный, человек-максималист.

— *Что мотивировало русского бороться за достаточно радикальный вариант латышской независимости?*

— Не знаю. Мы его принимали, какой он есть.

— В Москве Вы как-то контактировали с вашими конкурентами из Латвии — с теми, кто стоял на другой политической платформе?

— Помню, после путча ко мне подошел командующий Прибалтийским военным округом Кузьмин и сказал: «Вы помните, что я дал приказ не занимать Совет Министров?» Это был очень интересный момент: все смотрели по CNN, что происходит в Москве, — а там же все на часы шло. Здесь трижды выезжали спецгруппы, чтобы захватить здание Совета министров Латвии, но ... окончательного приказа так и не было отдано. Главный местный военачальник очень следил за происходившим в Москве ...

— Кузьмин Вам это как депутат депутату сказал?

— Да. И он был прав: приказа не последовало. Ведь я всю ночь был в здании Совета Министров и знаю, какие велись переговоры и между кем. Было требование сдать оружие — мы сдали только часть его. Вся оборона была на втором этаже, и никто из проверивших туда не поднялся. Правда, на первом этаже в плане обороны было неважно — слишком много окон. Зато на втором, где было четыре лестницы, можно было бы обороняться. Оружия было достаточно.

— Вернемся к 1989 году. Какие у Вас были первые впечатления от Кремля?

— Одним из самых поразительных было такое: в Кремлевском дворце размещалось большое панно с флагами всех союзных республик (кто хочет видеть — да имеет глаз!). Так вот, все эти красные флаги были размещены так, что будто нарочно шло: красный-пробел-красный. Это было прямо передо мной. Мы это потом по нашему телевидению показали.

Что меня удивило — так это абсолютная бессмысленность — на девяносто процентов — всего и вся, эта машинерия... Хотя очень умело всем этим руководили.

— На самом деле не было того демократического перформанса, который все смотрели и слушали по телевидению?

— Какая демократия... Там были эти старые цековские администраторы, которые всем привычно распоряжались. Да и сама эта публика... она вроде бы была избрана, но никто из них не думал — как им подсказывали, так они и поступали. Мы, скажем,

с Ригой созванивались, консультировались, хотя, в конце концов, решения принимали самостоятельно ...

У меня был случай: заканчивалась дискуссия по Риббентропу-Молотову, и было решение, что вроде бы пакт настоящий. Даже как-будто где-то нашли ту пишущую машинку. Было объявлено, что окончательное решение о том, что пакт настоящий, будет принято в последнюю ночь. После чего Лукьянов, председательствовавший, сказал: «Сейчас можно вопросы». У нас у всех было задание: постараться попасть на трибуну. Мне, как самому молодому и пробивному, это удалось. Я понимал, что до того, как мне выключат микрофон, я все же успею сказать пару предложений. И я сказал, что надо продолжать работу комиссии по пакту, потому что для нас война еще не закончилась, мы — оккупированная страна. В этот момент — такое у меня в жизни был только один этот раз! — я почувствовал от всего этого зала такой черный удар по себе ... Это была волна непонимания, возмущения, ненависти — я реально увидел эту черную волну, которая на меня катится. У меня пересохло в горле, я не мог больше произнести ни слова ... Слава богу, придумал, в конце концов, какой-то вопрос. Уже неважно какой — главное я сказал.

Основная часть делегатов была хорошо манипулируемым сообществом — таких людей, которые вроде бы представляли реальный Советский Союз, но на самом деле ... Я помню, как нас встречала Средняя Азия, которая сейчас очень гордится своей независимостью, но которая — ведь просто *упала* на них. Они объяснялись с нами просто: «Слушай, мы все деньги получаем из Москвы. Все социальные деньги! Вы что, хотите это разрушить? А мы как жить будем?...»

— *Понятно ... А Сахаров?*

— Он совсем *не подходил* к этой компании. Я думаю, ему было очень трудно. Да, его уважали. Но ... опять-таки — кто уважал? Горстка людей — новые демократы и Прибалтика.

— *Горбачев часто появлялся вне зала?*

— Появлялся. Было несколько маленьких, летучих собраний. Но я с ним не говорил. Без сомнения, он очень сильная личность. Но над ним нависало, конечно, то, что он был — как бы на весах. С одной стороны — необходимость угробить то, что для многих миллионов было так жизненно важно и привычно,

и — с другой, одновременно понимать, что не угробить тоже нельзя. От этого получалось, что у него как бы два лица. И выходило прямо по Ленину: «Шаг вперед, два шага назад...» Но, повторяю, сильная личность. Я думаю, что его, к сожалению, не оценили. Потому что очень многим казалось, что разгром Советского Союза — не такое уж хорошее дело. И в России так думают наверняка еще многие. Но... посмотрим, что будет лет этак через десять...

— *После 4 мая 1990 года — каков был формат участия в Верховном Совете СССР латвийских депутатов?*

— Там остались те, кто и раньше там был. Мы несколько раз приезжали в Москву — чтобы, в общем-то, попрощаться с людьми. Зарплата, «вертушка», буфет... все это было уже абсолютно неважно.

— *Вы стали советником премьера Годманиса по внешнеполитическим вопросам. Получалось, стало быть, что Вы — параллельный человек министру иностранных дел, Юркансу?*

— Да.

— *А почему нужен был такой человек?*

— Я не выдвигал себя в Верховный Совет Латвии — потому, что еще был в Москве, и потому, что помнил: кто-то должен идти работать в правительство. Вначале планировалось, что я стану заместителем Юрканса. Он, однако, передумал. И тогда Годманис взял меня к себе — чтобы я присматривал за его международными делами. Потом это переросло в то, что я занимался не только такими обязанностями.

— *Чем еще приходилось заниматься?*

— Всем. Я был политическим советником. То, что приходилось делать, бывало очень сложным. Отпуск цен, приватизация... Никто, например, никогда не оценит, что приватизацию магазинов намеревались сделать в интересах только одной небольшой группы, а Годманис это пресек. Я был в экономике правым человеком, считал, что чем быстрее все будет делаться, тем лучше. Но делалось в действительности все даже медленнее, чем у эстонцев. Потому что Годманис — более социальный, осмотнительный человек.

— До августа 1991-го в Латвии существовали какие-то экономические группировки, которые пытались оказывать влияние на Годманиса?

— Да, и они существуют до сих пор. Но к Ивару Годманису нельзя было так просто подобраться. Расскажу одну историю: начались кражи цветного металла. Истерика была в СМИ, в МВД — «ничего не можем сделать!» В итоге Ивар запретил вывоз цветного металла из государства. И вот приезжают люди, которых никто не знал, которые представляли украинский транзит, — у них зависли целые эшелоны, миллионы и миллионы долларов. Тогда мне впервые предложили взятку — 150 тысяч долларов. Говорят: «Вы — телевизионный человек, купите себе новую камеру». Я понял, что у людей и впрямь проблема, притом ненормальная — мы же транзитное государство! Я пошел к Ивару, говорю: «Если мне предложили такие деньги, значит, это действительно для них важно». Через день Годманис все это решил — было установлено, с каким транзитом можно проезжать через Латвию.

К Ивару в то время деньги не могли *подойти* — он их порогу не подпускал. А со временем мы поняли, что были министры, к которым деньги как раз удачно *подходили*, которые имели блага от распределения западного кредита G-24 и так далее.

— У молодой республики ведь еще были проблемы с топливом?

— Были. «Латвияс Нафта» — огромное государственное предприятие, которое этим занималось. В тот момент, когда нам перекрыли горючее, Россия продолжала экспортировать нефть через Вентспилс. И мы установили свою пошлину, чтобы не замерзнуть. Второе, что не дало нам замерзнуть первой зимой, — помощь Тайваня.

— Что стало ключевым при решении вопроса гражданства в 1991 году?

— Я считаю, что основное произошло раньше. Тут самым существенным стало решение: идти на продолжение и развитие Первой республики, а не создавать Вторую. Все остальное — исключительно юридические последствия.

— Возможно, не хотели видеть русских игроками в приватизационном процессе?

— Вы и в самом деле думаете, что гражданство имело хоть какое-то влияние на приватизационный процесс или ведение бизнеса?

— По-моему, гражданство имело ключевое значение в занятии должностей при переходной экономике.

— Имело в политике, но не в экономике. В экономике как раз было наоборот — тут никто не спрашивал ни национальности, ни гражданства у тех людей, которые имели значительный экономический вес. А значит, и политический.

— Почему Годманис, который был самым длительным премьером Латвии (май 1990 г. — июль 1993 г.), потерпел фиаско на первых выборах в Сейм?

— Когда мы после 1991 года делали партию «Латвияс Цельш», мы предложили обоим — и Горбунову, и Годманису — вступить в нее. Они переговорили и делегировали только одного Горбунова. Ивар сказал тогда: «Я не могу бросить корабль». А Народный фронт к тому времени распался — по существу, а не по форме. К тому же в Народный фронт в то время пришел своего рода третий эшелон — с такими людьми они не могли победить на выборах. Народный фронт распался на разные фракции, поскольку началось закономерное образование политических партий. Фронт ведь был очень разношерстным по составу, там не было единого восприятия ситуации. Но он, разумеется, был ответственным за самое сложное время. А «Латвияс Цельш» проводил реформы, опираясь, естественно, на пройденное. Такова политическая логика — не всегда это этично, но это было.

Плюс Ивару «Лабрит» закатила крупный скандал — по-моему, в истории латвийской журналистики то была самая большая ошибка. Не со стороны редактора, а со стороны журналиста этой газеты: там появился материал, что у Годманиса в швейцарских банках — 260 миллионов депозита. Это сейчас напиши — миллиард, десять миллиардов, — и всем будет все равно, а в то время...

— Как Вы считаете, почему в августе 1991 года Интерфронт был столь вялым?

— Как сказать... Ну, бежали там какие-то ребята со списками, Шипкевиц даже пострадал... В принципе, с начала путча ГКЧП мы все готовились уйти в подполье. Я с Ояром Рубенисом был

как раз в Норвегии. И вот часов в 5 утра ко мне постучался работник норвежского МИДа и сказал, что МИД Латвии хочет, чтобы я остался в Норвегии как представитель Латвии. На что я ответил: «Ни в коем случае! Улетаю первым самолетом!» И улел...

Интерфронт, как всегда, ждал управления из Москвы, а такового не было. По-видимому, если бы путч продолжался еще дня четыре, то поступили бы и соответствующие указания из Москвы, и все вообще пошло бы по-другому...

— *А почему арестовали одного только Рубикса?*

— Не одного. Арестован был еще и Оярс Потреки.

— *Ясно... Сейчас — в связи со вступлением нашей страны в ЕС и НАТО — уровень политического суверенитета у нас стал больше или меньше?*

— Несомненно, часть законодательских функций перешла в Брюссель. Однако, с другой стороны, ни одно решение Брюсселя не войдет в силу, если мы с ним не согласимся. В этом смысле разные процедуры стали длиться дольше, и все-таки возможности нашего влияния еще достаточно большие, чтобы нам плакать. Разве что по поводу тех директив, которые были приняты до нашего вступления в ЕС и НАТО. Но главное — есть другое: мы сейчас обладаем гораздо большим влиянием в мировой политике. Я не оболщаюсь! Латвия, разумеется, не стала великой державой — да нам этого и не надо. Но кое на что мы все же в состоянии повлиять.

Первый российский посол, Александр Ранних (очень, кстати, прекрасный человек!) — был на комиссии по международным делам. После подписания договора по социальным делам я ему сказал, что одним из наших преимуществ в будущем станет то, что мы с Москвой будем разговаривать через Брюссель. Он тогда посмеялся. А недавно мы встретились, он и говорит: «Да, Вы были правы...» То есть, мы, конечно, никогда не сможем сделать единой политику ЕС в отношении России — это невозможно. Но нас уже нельзя будет бить ногами.

— *А Латвия кого-то хочет бить ногами?*

— Думаю, что нет. Во всяком случае, я — точно не хочу. Я считаю это дурным тоном.

8. АЛЕКСАНДРС КИРШТЕЙНС,
ЭКС-ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЛАТВИИ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ (1990–1993)

Кирштейнс Александрс (1948) — закончил Рижский политехнический институт (архитектура), стажировался в Московском архитектурном институте. В 1972–1990 — архитектор, главный архитектор института городского проектирования Риги. В 1990–1993 — депутат Верховного Совета. В 1993–2010 и в 2014–2018 — депутат Сейма. Многократно выступал с антироссийскими и русофобскими заявлениями и инициативами.

— *Думаю, уместно было бы начать нашу беседу с такого вопроса: чем Вы занимались на момент создания Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ), и кто Вас познакомил с ним?*

— Пожалуйста: я был главным архитектором «Горпроект», работал в архитектурном кооперативе. Политикой никогда до этого не занимался. О ДННЛ мне рассказали коллеги.

— *Справедливо ли утверждение, что ДННЛ создано раньше Народного фронта?*

— Однозначно раньше. Если откровенно, то первая инициативная группа данного направления сложилась уже весной 1988 года — в марте. К слову, собрались в квартире журналиста Виктора Авотиньша. Поскольку к тому времени в Эстонии пленум творческих союзов уже состоялся, то и обсуждалось — почему в Латвии не собирается такой пленум? Рассматривался вариант, возможно ли создание массовой организации с таким названием — «Народный фронт». Кто-то, однако, заметил, что это ассоциируется с французским Народным фронтом, в котором были коммунисты.

— *Значит, у вас изначально была антикоммунистическая направленность?*

— Я бы сказал — антисоветская, это точнее.

— *Но ведь Авотиньш был и остается довольно левым.*

— Авотиньш в ДННЛ и не состоял. Он представлял так называемых «светлых коммунистов», которые хотели каких-то пере-

мен, демократизации и, по всей вероятности, поддерживали Горбачева... Массовой же организацией ДННЛ стало летом 1988 года. А Народный фронт был организован только осенью.

— *Вы, как известно, собирались в парке «Аркадия». Сколько людей приходило на эти акции?*

— Трудно сказать... На глаз — тысяч пять-восемь, как когда. Я бы не сказал, что эти акции были явно антикоммунистическими. Берклавс, например, — выдающийся деятель, — он тогда еще оставался членом партии. В принципе, если вспомнить те речи в парке, то основное их содержание составляли протесты против гегемонии Москвы, требование национальной независимости.

— *А как насчет полного отделения от Союза?*

— Это второй вопрос. Нельзя ведь сказать, что за пять минут создалась организация с окончательной, ясной программой, с четким представлением о направлении будущей деятельности. К примеру, 10 июля в «Аркадии» было первое открытое собрание, и вот выписка из протокола: «Нас очень волнует положение латышского народа — он становится национальным меньшинством. Часть народа уничтожили сталинские массовые репрессии. Массовое перемещение в Латвию из других республик — 700 тысяч. Уничтожение народной культуры, упадок нравов и трудоспособности. Деформирована промышленность, которая выпускает неконкурентоспособные товары. Средний уровень жизни ниже, чем в других государствах Европы». Дальше: «Требование латышского народа о суверенном государстве — свято». Затем: «ДННЛ предлагает вступить в его ряды в Латвии и вне Латвии всех, поддерживающих свободолюбивые стремления латышского народа». Вступить предлагалось независимо от национальности, религиозной и партийной принадлежности, с единственной целью: восстановить Латвию в качестве суверенной республики.

— *Кто конкретно давал разрешение на проведение митингов в парке?*

— Если мне не изменяет память, я сам давал какие-то разрешения в 1988 году... Не скажу, что там какой-то особый порядок был. Просто надо было заявить, что намечается митинг — и все. Хотя прокуратура и констатировала, что вот, мол, «в последнее время в Риге происходили митинги без разрешения районных ис-

полнительных комитетов, что является нарушением». Тогда за подобные митинги полагалась административная ответственность. Потому что если пришло пять-шесть и больше тысяч людей, то никакая милиция уже не хотела вмешиваться. Вот, например, Репше, Паулс-Павулс, Кипелс, а также пенсионер Берклавс понесли эту административную ответственность: им было вынесено предупреждение за нарушение общественного порядка.

— *Как в то время Эйнарс Репше позиционировался?*

— Это же были активисты! Не было в эти первые митинги никакой организационной структуры. Среди активистов были также Берклавс, Добелис, другие... Первый съезд ДННЛ состоялся в феврале 1989 года в Огре; я участвовал в подготовке документов. Тогда были избраны Совет и Правление, в котором было 12 человек. Но не было еще председателя, а я был избран руководителем бюро — единственным, кто сидел на месте и занимался текущими делами ДННЛ.

— *Надо понимать, офисной работой? Сколько тогда было членов вашего движения?*

— Начали в конце 1988 года — при подготовке съезда — с двух-трех тысяч человек, а закончили — это была кульминация — где-то, кажется, двенадцатью тысячами.

— *Вас, помнится, отказались тогда зарегистрировать. Неприятности какие-то были?*

— Скажем так: в то время еще не было массовых организаций, и никто не знал, как конкретно регистрировать. Но уже осенью 1988-го появился Народный фронт, и ДННЛ стало как бы правым флангом этого объединения. Тогда-то многие и были избраны — в Народном фронте и в ДННЛ — в Думу и Правление этих организаций. Добелис, Байба Петерсоне, Берклавс... А я — не был. Но поскольку бюро ДННЛ располагалось в помещениях Рижского отделения Народного фронта, то мы как бы сотрудничали. Хотя официально членских взносов не платили.

— *И в ДННЛ были взносы?*

— Да. Главным образом из-за расходов на видеокамеры — тогда они были дефицитом и достаточно дорогими, их в основном брали в аренду. Нужно также было покупать копировальные ма-

шины — это по несколько тысяч рублей. И на другие нужды собирали средства.

— *Ваша организация не была зарегистрирована — вам досаждали какими-то проверками?*

— Я не могу сказать, что так уж досаждали. Но, тем не менее, в некоторых наших небольших районных офисах обыски производились. Кстати, все районные отделы были довольно автономными — особенно до съезда. Случалось так, что эти взносы даже оставались на месте, то есть — в этих офисах непосредственно. Но я не знаю случая, чтобы кого-то посадили в результате этих обысков. Конечно, нет смысла замалчивать о том, что были конфликты с той властью, которую на местах все еще представляли просоветские администраторы, как раз и поручавшие милиции что-то проверять. И все-таки никаких серьезных последствий это не вызывало.

— *Вам было известно, кто в ЦК компартии был настроен против ДННЛ, а кто довольно либерально относится к вашей организации?*

— Да, мы это знали. Уже потому хотя бы, что в ЦК, насколько я в курсе, не раз вызывались некоторые члены Правления и Думы Народного Фронта. И у них в ЦК несколько раз состоялись переговоры. Было несколько довольно-таки агрессивных цековцев, которые не принимали никаких фронтов и движений — например, второй секретарь Соболев. Но были и люди умеренных взглядов. У меня есть даже фильм о Первом пленуме творческих союзов — на него были приглашены Пуго, Соболев, другие из ЦК. Так вот, по этому фильму хорошо видно, у кого из них какая была реакция.

Я сам участвовал в переговорах в Верховном Совете весной 1989 года. Там уже Горбунов был. По всей вероятности, то был политический ход Горбачева: провести в Верховный Совет людей из ЦК. Словом, мы участвовали в переговорах о том, чтобы молодые люди, которых призывают в армию, служили именно на территории Латвии. Это была первая такая политическая кампания, которую начало ДННЛ. Нас принимал Горбунов — он, кстати, был ни за, ни против. Но все эти переговоры окончились ничем. Уже в 1989–1990 гг. началось бойкотирование призывов в армию. Военные комиссары продолжали (хотя и не очень уверенно) приходить по адресам — запугивать и агитировать на службу молодых

людей. Те в большинстве своем отказывались. Короче, это был такой нулевой вариант, когда — не понять: то ли Советская власть продолжает существовать, то ли ее уже и нет вовсе. Горбунов нам пообещал, что будет на этот предмет вести переговоры с командующим Прибалтийского военного округа. «Но, понимаете, — говорил он, — раз нет закона, то вряд ли получится...» То есть, он тогда лавировал.

— *А вот — Петерс. Каким было Ваше отношение к нему?*

— Тут следует понять: когда мы занимались разработкой различных материалов, то приготовили несколько резолюций для предстоящего форума творческих союзов. Наши документы были более радикальными, чем можно было позволить себе даже в период Горбачева (это было еще до образования ДННЛ). Все, кому надо было, знали, что мы конкретно готовим. Тогда нам начал звонить секретарь парторганизации Союза писателей Валуев, и разговор был примерно такой: «Пишите, что хотите, но останавливайтесь на рубеже про армейскую службу латышской молодежи». Мы, повторяю, не настаивали на отказе от воинской обязанности, но лишь требовали восстановить латвийский территориальный корпус, который существовал и после войны в Адажи, и был расформирован уже в 1950-е годы. Словом, предлагали лишь восстановить его — и не как латышский, а именно как латвийский. Чтобы все, кто призывались из Латвии, служили, скажем, в Адажи и Алуksне. Тогда мы почувствовали, что товарищ Петерс стал проявлять беспокойство — звонить через Валуева: дескать, не следовало бы на этом настаивать!

Параллельно создавалась вторая группа, которая стала готовить документы для объединенного съезда творческих Союзов. Там роль сыграла Калниете — она была секретарем Объединения творческой интеллигенции. Ими были подготовлены документы, в которых об армейской службе вообще ничего не говорилось. Уже на I съезде Народного фронта, когда были распространены эти документы, составленные с разрешения Петерса, мы увидели, что наших требований в них нет. Тогда некоторые наши активисты — такие, как Рукшанс, Авотиньш и я, — потребовали все же записать дополнительно про необходимость воссоздания армейского территориального корпуса... Почему я об этом так говорю? Потому что кроме записи о территориальном корпусе, в том нашем дополнении ничего другого не было.

На съезде очень интересно было видеть, как президиум, состоявший из руководства творческих союзов — Джеммы Скулме, Гунара Асариса, Яниса Петерса, — так и не решился проголосовать за эти предложения. А зал — подавляющим большинством голосов — проголосовал. Правда, через несколько дней эти документы были отредактированы, и мы прочитали такую редакцию: «Разрешить в воинских частях призывникам из Латвии развивать свои культурные устремления». Нам было смешно! Мы говорили: это значит, что если ты служишь, скажем, в Узбекистане, то можешь свободно распевать себе «Зилайс лакатиньш» ...

— *Итак, ДННА зарегистрировано, и начали создаваться Гражданские комитеты. Кто автор этой концепции?*

— Мне трудно сказать, потому что я ведь довольно скептически относился к параллельным движениям — к тем же Гражданским комитетам, например. Хотя был избран в Конгресс. Знаю, что активистами там были многие из тех, кто сейчас не имеет права участвовать в выборах.

— *Вы считаете, что при составлении списков граждан исходные данные проверялись недостаточно тщательно?*

— Нет. Но там были люди, которые начали проповедовать, что не следует, мол, готовиться к выборам Верховного Совета, потому что он будет вне закона, а надо сидеть и ждать час X. Но чего мы могли бы ждать?.. В большинстве там были, конечно, честные люди, которые считали, что если не получится с Верховным Советом, или его разгонят, то необходимо создать такой Конгресс граждан, который как бы стал у руля ненасильственного сопротивления. Это и я так понимал, и многие умеренные, которые потом были в «Латвияс Цельш» — Индулис Берзиньш, например. Понимали это именно как резервный вариант: если не получается с Верховным Советом — проголосовать за Конгресс, который бы издал какие-то параллельные декреты о ненасильственном сопротивлении. Скажем, ты в армию не идешь, и соответствующий декрет Конгресса (как общественной организации) тебя защищает. Однако появились люди, которые были очень активны и доказывали, что только Конгресс граждан восстановит независимость, и больше ничего не надо делать — не надо избирать никакой новый Верховный Совет. То есть они становились очень радикальной помехой.

— *Кто это был?*

— Фамилии сейчас называть? Ну, была такая газета «Пилсонис» («Гражданин»). Были даже некоторые, кто и сейчас у нас в президиуме сидит, а тогда отказывался участвовать в выборах Верховного Совета. Не было еще «Тевземей ун Бривибай» («Отечеству и Свободе»), были другие организации — «Союз 18 ноября» ...

Как бы там ни было, а Верховный Совет был успешно избран, и там получилась небольшая конфронтация. Скажем, Андрейс Крастиньш, который был заместителем председателя президиума Верховного Совета, а с другой стороны — членом правления Конгресса граждан, должен был теперь выбирать — какое из этих двух объединений лучше? Естественно, вся власть была в руках Верховного Совета, самые активные были избраны туда же. Таким образом, Конгресс потерял свое значение, стал заниматься неизвестно чем... Они были, например, за то, чтобы не получать новые паспорта — их-де выдает Верховный Совет, потому они недействительны, а будем, мол, издавать свои свидетельства и так далее... А если вас не будут выпускать за границу с такими свидетельствами?

— *Как у Вас проходили выборы в Верховный Совет?*

— Наш округ был в центре Риги — где-то, начиная от Воздушного моста, улицы Кришьяна Барона и Бривибас и далее. В округе у нас было три кандидата: руководитель юридической части бывшего Верховного Совета (Мацулевич такой), один офицер и я. Военного, само собой, поддерживали только в воинских частях. В принципе, борьба шла между мной и Мацулевичем — его поддерживал райком партии Кировского района.

— *Такой, выходит, демократический коммунист?*

— Выходит. Он выступал за суверенитет в границах Советского Союза. А я выступал за независимость.

— *С каким перевесом Вы выиграли?*

— Ну, не в несколько раз, конечно! Но где-то процентов на 15–20 опередил соперников. Была немалая часть избирателей, процентов 35–40, которые были против моей программы. Но мы тогда упустили из виду и самое главное: когда Народный фронт рассматривал эти списки, то принималось решение, кого из канди-

датов поддерживать, а кого — нет. Поскольку мы сотрудничали, я автоматически оказался среди тех кандидатов, которых следовало поддерживать, поэтому был утвержден. Но были и курьезы — на некоторых участках оказывалось по два кандидата из Народного фронта. Правление предложило одного, а народ взял да и выставил другого, который собрал 500 подписей и выиграл эти выборы.

— *Дайнис Иванс в роли председателя Народного фронта был сильным деятелем? Или, на ваш взгляд, там мог быть кто-то другой?*

— Естественно, никто не понял, почему Петерс отказался. Ведь, как я уже говорил, когда создалось движение ДННЛ, то идеи о Народном фронте ещё не существовало — она появилась позже, и Народный фронт был создан только осенью 1988-го. Всякие нужные знакомства Петерс заводил непосредственно в здании Союза писателей — это было привлекательное место, хороший дом, там все эти творческие Союзы были сосредоточены и помогли Петерсу. Но — он всё же отказался возглавить Народный фронт и предложил Дайниса Иванса. И эту кандидатуру поддержали — в первую очередь благодаря его статьям против строительства Даугавпилсской ГЭС, в защиту среды. Но когда надо было избрать председателя Верховного Совета, то Иванс тоже испугался и категорически отказался. Нам в ДННЛ было ясно, что он и не может быть этим человеком. Да и не было у него настоящего представления о том, чем занимается или должен заниматься Народный фронт. И это подтвердил тот факт, что он так и не понял, почему Народному фронту следовало поддерживать полную независимость Латвии.

— *То есть, заявление 31 мая было не его инициативой?*

— Ни в коем случае. Его тогда даже не было в Риге. Тем более, он был очень возмущен, что это заявление было принято без него.

— *А кто придумал это заявление?*

— Как Народный фронт пришел к этому, как вообще возникла эта идея — все написано в книжке Фрейманиса. Часть их руководства была тогда в Москве, на заседании народных депутатов, а оставшиеся здесь, в Риге, — взяли и приняли. Но почему приняли? Да потому, что, если мы помним, в феврале был съезд ДННЛ,

который этот документ принял сразу, без промедления. А Народный фронт тем временем все еще бормотал про суверенитет Латвии в составе Советского Союза.

В конце 1989 года я гостил в Соединенных Штатах у своих родственников, и группы поддержки Народного фронта (были там такие) пригласили меня как члена правления ДННЛ на встречу. В Нью-Йорке был организован очень большой митинг — пришло несколько сот человек; люди собирали деньги для помощи нам. Там же присутствовал Улдис Грава — фактический руководитель местного латышского общества, член правления этого общества. Когда я ему начал говорить, что наш Народный фронт, к сожалению, не поддерживает полной независимости республики, у него прямо-таки лицо от удивления вытянулось. «Посмотрите только, тут объявился некий очень правый, экстремистский человек, который хочет все испортить!» То есть, по его мнению, если мы сейчас будем требовать полной независимости, то Горбачев просто подавит нас военной силой, и в итоге мы не получим абсолютно ничего. Вот такая примерно была философия у Народного фронта и тех, кто его поддерживал на Западе.

— *Но ведь в 1990 году было принято решение блокировать военные базы в Латвии, не поставлять туда продукты, началась что-то вроде обоюдной конфронтации. К тому же, из подчинения военных вышел даже ОМОН. Каким образом в это время распределялись роли в Верховном Совете — то есть, кто были тогда «голуби», а кто «ястребы»?*

— Верховный Совет никогда не принимал никаких официальных решений по блокированию военных баз или чему-то подобному, хотя и организовывал такие провокации. Позиция Верховного Совета была такая: участвовать в переговорах. Анатолий Горбунов поддерживал прямые контакты с командующим округом, а Дайнис Иванс, например, и некоторые другие, как Диневич, имели возможность звонить напрямую в Москву — ведь у тех, кто оставался народными депутатами СССР, были личные телефоны, и могли в любое время свободно обращаться в Москву, и их там немедленно с кем надо соединяли. Да, были даже и такие «переговоры». В Москве же в то время, как правило, говорили: «Мы ничего не знаем, что там у вас творится».

Почему я об этом хорошо знаю? Потому что уже была сформирована «Земессардзе» («Ополчение»), а перед тем — действова-

ли «Картибас сарги» («Защитники порядка»), у которых, кстати, не было оружия.

— *Ими руководил Бесхлебников.*

— Да-да! Естественно, они могли что-то сделать, у них была информация. И я помню, что когда был этот переходный период — от «Картибас саргов» к «Земессардазе» (тогда еще пытались какие-то таможи устроить), то однажды (этот случай был в Лиепае) «Картибас сарги» остановили военный конвой. И попросили конвоиров предъявить на груз документы — хотели, то есть, проверить, нет ли там контрабанды. В связи с этим был большой переполох — потому что на такие проверки не было никакого решения Верховного Совета, и то была исключительно местная инициатива. В Верховном Совете некоторые изрядно перепугались — посчитали, что такая инициатива может повлечь за собой серьезные конфликты.

— *Какую позицию, на Ваш взгляд, тогда занимал КГБ?*

— КГБ занимал, можно сказать, выжидательную позицию. Почему? Потому что, как я недавно вычитал в книжке воспоминаний Шкапарса, так оно на самом деле и было. Шкапарс в своих воспоминаниях цитирует статью Трубиньша, заместителя председателя КГБ Йохансона, и там как раз говорится о двойственной позиции Комитета госбезопасности, поскольку у него в реальности и было двойное подчинение: республиканское и служебное. Служебное — естественно, прямо из Москвы, а республиканское — местным руководителям. Но нигде не было сказано, что Комитет должен был подчиняться Коммунистической партии. Горбунов был вначале председателем Верховного Совета Латвийской ССР, а потом, когда стал председателем Верховного Совета Латвийской Республики, то они, КГБ, так и продолжали ему подчиняться.

Например, когда в Риге впервые прогремели взрывы, то с КГБ властям пришлось прямо сотрудничать. Формально КГБ же контролировал тогда и пограничников — ведь в конце 1989 — начале 1990 года, до решения Верховного Совета 4 мая, за пределы республики многим требовалось выезжать: была уйма всякого рода приглашений. Помню, в марте, например, надо было выехать в Великобританию. В делегации были я, Годманис, Юркманс. Для получения заграничных паспортов оставался старый распорядок, который предусматривал обязательную какую-то справку от КГБ. На-

родный фронт тогда на все касающиеся этого вопросы отвечал, что у комитетчиков, мол, организация большая, секретарши и так далее, так что обращайтесь, мол, туда. Они так и поступали: звонили в КГБ, относили или посылали по факсу письмо — так и так, товарищ Берклавс, мол, едет в Швецию, нужна справка. И формально, я помню, Комитет какую-то шпаргалку действительно посылал в этот визовый отдел, куда надо было пойти, чтобы получать иностранный паспорт с надписью «СССР». Я не помню случая, чтобы они — в 1989 году! — кому-то отказали. То есть, такое сотрудничество установилось в ожидании объявления независимости. А до 1988 года я не мог никуда выехать. Впервые в 1987-м съездил в Чехословакию. Зато в 1988-м — уже без проблем отправился к родственникам в Америку.

— *То решение, которое было принято о полном выходе Латвии из СССР в августе 89-го, состоялось в непростой момент — все ведь тогда колебалось. Кто тогда решил вопрос именно так — о прекращении переходного периода?*

— О прекращении? Так это произошло очень просто. В принципе, когда писали Декларацию о выходе, я был в этой рабочей группе, и потом выехал в Швецию. Здесь, в Риге, оставались Апситис, Рикардс, Андрейс Крастиньш, Левитс. Первая часть Декларации была уже мной подготовлена. Но тогда еще продолжались споры: восстановить только четыре статьи из старой Конституции или — все? Были варианты, предусматривавшие восстановление сразу всех статей. Потому что в Литве, например, обошлись без какого-либо переходного периода. Но был и другой литовский опыт — ведь там Горбачев ввел что-то вроде экономической блокады. Можно, конечно, принять решение, написать его на бумаге... Но контроля-то за выполнением этого решения реального нет — ни пограничников, ни таможенников. Так вот, в силу новых отношений между Центром и республикой таковые как раз и появились.

А августовские события — с этим ГКЧП — больше оперетту напоминали. Эти потерянные лица, дрожащие руки и так далее... Конечно, была тогда напряженность, телефоны работали не переставая: постоянно звонили в Москву, узнавали, что там и как. В принципе, было понятно: все это продлится не более трех-четырех дней. Большинство людей тогда считало, — в правлении Народного фронта, не говоря уже о ДННЛ, — что не надо больше

возиться с этими четырьмя статьями: надо восстанавливать все! И уже никто не боялся. Почему? Да потому что невозможно было оставлять старый контроль. Иначе говоря, Союз, если бы даже его восстановили, не мог бы перенять порядок бывшего контроля...

Были также тщательно разработаны все эти схемы ненасильственного сопротивления — начиная от отключения телефонной связи и заканчивая остановкой трамваев. Ну, не может армия заставить, чтобы все это функционировало. Тем не менее было принято решение не идти на крайние меры, потому что во всем этом уже действительно, наверно, не было смысла...

Сразу были установлены хорошие связи с демократическими государствами. Могу сказать: в Швеции каждый понедельник проводились митинги — и их не шведское правительство организовывало, а правая партия модератов (умеренных) совместно с партией центра. Люди в обеденный перерыв выходили в центральный сквер Стокгольма, и 30 минут шли речи, выступления, суть которых в общем сводилась к тому, что необходимо восстановить полную независимость балтийских государств. Все это как раз и продолжалось до отмены переходного периода. Помню, когда я участвовал в митинге с Прунскене (она тогда уже была премьер-министром правительства Литвы), мимо как раз проходил Андерсон, министр иностранных дел от правящей социал-демократической партии Швеции. Так в этот момент его узнали митингующие, поднялся свист — что это, мол, за позорная политика правительства такая: не признает новой Балтии, не решается признать!

Да, шведы долго не могли решить, что делать — по крайней мере, до августа. Но при такой поддержке народа у нас была уверенность, что нет смысла и дальше притворяться с каким-то переходным периодом.

— Как, по-вашему, почему Народный фронт начал терять популярность после августа 1991 года? Или, может, это связано с какими-нибудь конкретными личностями?

— Народный фронт, если уж откровенно, утратил свою популярность, как организации, сразу после выборов в новый Верховный Совет. Почему? Потому что реальная власть в Латвии — скажем, вся хозяйственная власть — сразу перешла в руки Верховного Совета. Он стал управлять законодательством, мог подготавливать новые законопроекты. Из-за этого большинство людей — не скажу, знаменитых, но, по крайней мере, выдвину-

тых Народным фронтом, — перешло в Верховный Совет. И там были созданы специализированные комиссии, которые готовили законопроекты. По этой причине тот, кто раньше сидел в комиссии по народному хозяйству, экономике и так далее или готовил, скажем, денежную реформу в Латвии, — тому уже было неинтересно в Народном фронте, нечего там стало делать, создавать там такую же группу и прочее. Так Народный фронт постепенно стал как бы вторым эшелонем — там остались люди, которые никуда не были избраны. В результате Фронт утратил свое значение. Оставшиеся уже начали какие-то споры между собой... Формально Народный фронт еще, конечно, оставался, да и Конгресс граждан что-то мутит (мол, «все происходящее незаконно!»), но это мало что значило.

Тогда началось самое главное. До 1991 года нашей первоочередной целью было восстановление независимости, и наше Движение еще не было партией. Но большинство людей в ДНЛЛ придерживалось левых хозяйственных взглядов. Например, тот же Берклавс считал, что не следует разрешать частные банки, как и разрешать продажу земли, колхозы также недопустимо разрушать — их, мол, просто надо демократизировать. Тогда-то и начались споры между «восстановителями» (если была оккупация, то, следовательно, необходимо было восстановить то, что было до оккупации) и теми, кто говорил, что надо создать второе — новое — государство. Как это произошло в Казахстане, например.

Это раскололо Народный фронт. Иванс отказался от председательства — ушел со своей должности (он поддерживал установление новой республики). Боярс и Плотниекс (они даже создали рабочие группы) написали полностью новую конституцию, разработали новый закон о гражданстве. Короче говоря, шел горячий спор между, так сказать, «восстановителями» и «создателями».

— Вы были «восстановителем», конечно?

— Да, я поддерживал восстановление. Потому что у нас за рубежом оставался довольно сильный дипломатический корпус. Потому что в Америке продолжало функционировать полноценное, в сущности, посольство — с солидным бюджетом, с валютными резервами: они могли свободно распоряжаться этими финансами, даже давать в долг — как, например, литовцам. То же было и в Англии. Работали консулы по всему миру. Даже в странах, где была этакая мягкая политика, когда и не признавалась оккупация, но и не портились

отношения с Советским Союзом, — даже и там работали наши консулы. Финансировались они из принадлежавшего Латвии золота, которое хранилось в Соединенных Штатах. Зарплаты консулам выплачивались очень строго. Вот какая позиция была тогда у Анатола Динберга, нашего представителя (он не был послом, а прежний посол умер), и о ней говорилось на разных совещаниях, доказывалось: гораздо легче, без особых проблем юридически восстановить прежнюю республику, нежели создать новое государство.

— *Кому они это доказали?*

— Большинству Верховного Совета, которое представляли там как ДННЛ, так и Думу Народного фронта. Правда, вначале большинство считало — и Диневич, и Иванс в том числе, — что Верховный Совет должен прежде всего принять закон о гражданстве. Даже была создана фракция недовольных — они вышли из Народного фронта и объединились во фракцию под названием «Сатверсме» («Конституция»). Но и в «Сатверсме» были за восстановление той Латвийской Республики, которая была до 16 июня 1940 года. Именно поэтому, когда рассматривался вопрос о возврате прав собственности, и была распространена Декларация прав человека ООН. Сейчас этот документ не упоминается, но тогда все верили, что ООН — это очень солидная организация, и надо восстановить декларируемые ею права. К тому же под этой декларацией, объявлявшей, что частная собственность — это свято, стояла также подпись Советского Союза. Тогда тоже шли споры об обоснованности реституции. Среди ее противников были, например, Целминьш, некоторые из тех, кто создал потом Партию Центра, писатель этот еще...

— *Владимен Дозорцев.*

— Да, Дозорцев. Они все считали, что возврат собственности невозможен, что не следует за это браться. Конечно, тут сразу вставал второй вопрос, рассматривавшийся в экономической комиссии: если так, то кому же, в таком случае, дать право что-то приватизировать — те же дома, например? Тому, кто первый прибежит?.. Стало ясно, что намного проще именно вернуть собственность прежним законным владельцам — ведь сохранились все эти земельные книги, документы! К тому же, значительно проще восстановить уже существовавшее, чем заново все перелдывать.

Был и такой вариант: переделить все! Но поскольку уже решили, что частная собственность восстанавливается, то надо же было и что-то конкретно делать, кому-то отдавать частные дома. Поэтому что было уже ясно: государству их эксплуатацию, все эти ремонты и прочее, попросту не выдержать.

Я помню, как интерфронтовец Алексеев с пеной на губах доказывал, что не следует возвращать собственность владельцам. Ну, а что в результате? Получил свой пятиэтажный дом в Риге на улице Валдемара, стал тихим капиталистом и вполне доволен жизнью ...

Так, в принципе, стало очевидным (и нельзя сказать, что тут кто-то надавил!), что восстановление республики дало нам намного меньше проблем, чем их было бы, займись мы созданием нового государства. Мы бы тогда так влипли, что до сих пор еще спорили бы — что кому принадлежит ...

— Ну, а с чем, по-вашему, Латвия все-таки влипла?

— Тут можем сравнить с Россией. Что получилось в России? А то, например, что построенные народом предприятия получили 7–8 олигархов — Дерипаска там, Абрамович, Гусинский... В Латвии же все-таки сложились две группы. Первая — это те, у кого, может, не все прошло гладко, но они все же получили землю и дома. Они, возможно, были до того нищими людьми, а теперь у них появилась собственность, которую можно было, допустим, продать — то есть, они были хотя бы частично удовлетворены, стали состоятельнее. И на самом деле, очень много было потом таких, кто сразу продал эту вновь приобретенную собственность. Вторая группа — это те, кто по-наглomu и в полном смысле слова именно «приватизировал» все, что смог ...

К тому же, в отличие от России, в Латвии законных наследников собственности было в процентном отношении значительно больше, нежели этих «приватизаторов». Можно, конечно, ругать Шкеле, Лемберга, других, кто кому-то там не нравится. Но факт остается фактом: тысячи людей стали богаче или хотя бы просто восстановили свое хозяйство. А в России не оказалось такой группы законных наследников, и все было откровенно разграблено. В Латвии, я считаю, возврат людям их собственности дал возможность многим заняться большим или средним бизнесом. Взять, например, того же Карлсона, который восстановил «Берга базарс». Даже в небольших городах — как Лиепая или Цесис — та-

кие люди вернули себе законно им когда-то принадлежавшее имущество.

Словом, в известной мере была восстановлена социальная справедливость. Коснулись эти нововведения прежде всего тех, кого называют средним классом — ведь именно этот класс прежде всего и формирует общественное мнение. До того у нас среднего класса не было, а с восстановлением частной собственности мы получили хотя бы часть этого класса. Многие из этой части населения впоследствии, может быть, и обанкротились, но, тем не менее, именно этот слой в известной степени амортизировал недовольство в стране в период инфляции в 1993–1995 годов. Люди были довольны, и ситуация здесь сложилась совсем иная, нежели, скажем, в других регионах бывшего Союза, где никакой реституции не проводилось и дело дошло даже до серьезных волнений — как, скажем, в отдельных районах России, в Грузии и так далее. Так что, я думаю, это у нас было правильно сделано...

9. ВИКТОР АВОТИНЫШ, ПУБЛИЦИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ПОЛИТИК

Авотиньш Виктор (1947) — закончил Рижский краснознаменный институт инженеров гражданской авиации (вычислительная техника), до 1973 работал инженером, программистом, в 1973 — заведующий орготделом Московского райкома Риги ЛКСМ Латвии, с 1980 — член Союза писателей Латвийской ССР, автор трех поэтических сборников, в 1988–1989 — ответственный секретарь, замредактора литературного журнала «Даугава». Состоял в КПСС. Один из инициаторов создания Народного Фронта Латвии. В 1989–1991 — народный депутат СССР от Латвии по списку Народного Фронта. В дальнейшем и по настоящее время — публицист ряда изданий, в том числе на русском языке.

— *Это верно, что первые собрания инициативной группы по подготовке Пленума творческих союзов в 1988 году проходили у Вас на квартире?*

— На самом деле, первая такая группа была создана в Союзе писателей, и резолюция там готовилась достаточно обтекаемая — со спекуляциями насчет каких-то вопросов экономических, культурных... Мы же, будучи тогда помоложе, сделали свой альтернативный проект, в котором, по-нашему, все эти вещи были оговорены более рельефно. Конечно, с учетом уровня тогдашнего мышления. Мы в целях поддержки предлагали, чтобы этими инициативами занимались не только творческие люди. А Союзу писателей предлагали выступить прямым инициатором создания Народного фронта. Но на пленуме от большинства (или от Петерса) получили отказ.

— *Вы говорите — «мы», имея в виду какую-то группу. Кто в нее входил?*

— Первое воззвание за Народный фронт, которое появилось после пленума творческих союзов, подписали совершенно разные люди — как члены КПСС, так и участники группы «Хельсинки-86». Среди них значатся имена — от Володи Богданова до Юриса Видиньша; сейчас невозможно представить, что они были когда-то в одной компании. Воззвание подписали также Модрис Плате, Юрис Рубенис, были среди них и Ко-

стенецкая, и Гобиньш, и Элерте, и Штейнс, по-моему... Человек пятнадцать. Однако и с такими подписями наш призыв организовать Народный фронт так и не был опубликован. Поскольку из этой группы хотели убрать тех, кого считали радикалами, — в том числе Володю и Юриса. Из-за этого и я отказался его подписать — это была уже не группа инициаторов, а какие-то отредактированные лица.

— *Лидерам «Хельсинки-86» была присуща ментальность людей из подполья?*

— Мы тогда как-то об этом не думали. Был пафос — что вот, можно себе позволить больше, чем было принято, можно что-то сделать для раскрепощения человека. Все эти синдромы и фобии, которые нас сейчас преследуют, тогда не ощущались. То есть, такого, например, что двум национальностям обязательно надо лоб в лоб переть, — не чувствовалось... Синдром андерграунда? Да нет, этого в то время как-будто не было заметно. Но я утверждаю: именно эти ребята, а не Народный фронт, начали новое движение. Надо признать: это они показали, что власть не должна поступать так стереотипно, как раньше. Они собрались, они посмели, пришли к Памятнику Свободы и возложили цветы — они, а не Народный фронт.

— *В то время много говорилось о Валдисе Туринсе, но потом он пропал куда-то. Какую все же роль он сыграл?*

— Про разные закулисы с Валдисом я не знаю. Лично же для меня он сыграл положительную роль, потому что был одним из радикально, но рационально мыслящих людей. Он не был оголтелым ниспровергателем — ни с той, ни с другой стороны. Он искал разумные пути, чтобы свою радикальность осуществлять реальными политическими мерами. Он же рассорился потом и с официальным Народным фронтом, и с этим непримиримо-радикальным его крылом. Как бы оказался между ними.

— *Почему, на Ваш взгляд, Янис Петерс не принял того Вашего воззвания?*

— Народный фронт сдвинулся с места лишь тогда, когда увидел, как растут местные организации. А точнее, именно после того, как Инкенс, Рубенис и я пришли к Петерсу и стали убеждать его, чтобы он взял на себя эту миссию.

«Подвижки» же наши начались уже с июня 1988 года — мы составляли разные документы, пытались как-то расшевелить Народный фронт. Однако ничего толком не получалось: они там были как будто заторможенные. Тогда мне позвонил Инкенс, и мы пошли к Петерсу на переговоры, стали убеждать его, что надо, мол, двигаться вперед... Потом были еще какие-то разговоры... И наконец появился штаб, который начал все это движение организовывать. А до этого — ничего конкретного не происходило...

Не хочу сказать ничего плохого о Янисе Петерсе. Да, есть вещи, которые я делал бы иначе, или которые мне не нравились. Но ведь точно так же можно сказать и обо мне. Петерс сделал гораздо больше положительного, чем те, кто тогда встал в позу крикунов. То, что он где-то иногда колебался — это возможно. Потому хотя бы, что надлежащей конъюнктуры не ощущалось, или, быть может, он предчувствовал какую-то опасность.

— *Почему все-таки Дайнис Иванс стал председателем Народного фронта, а не Петерс?*

— Иванс более соответствовал этому посту — как лицо, как бренд.

— *Как Вы воспринимали атмосферу, в которой проходил I съезд Народного фронта?*

— В целом, это была очень живая атмосфера, съезд проходил на небывалых ранее эмоциях.

— *Помните, там был один человек, который рассказывал, как ему хорошо жилось при немецких солдатах? Они, дескать, там конфеты раздавали местным и прочее такое...*

— Да, он был из Даугавпилса. И все аплодировали ему — даже стоя. Это, я уверен, приветствовалась прежде всего «смелость», а вовсе не смысл сказанного.

— *Мне думается, что именно такие выступления и породили Интерфронт...*

— Главнее все же там было другое. Например, на съезде присутствовало довольно много моих институтских преподавателей, у которых были очень положительные намерениями, светлые идеи.

— *Букашкин...*

— Да — и Букашкин, и Белайчук — все когда-то мои преподаватели. Я даже возмутился, что их стали этак затюкивать. Их идеи, предложения были, конечно, иными, отличными от приоритетных — ну и что? Их все равно следовало слушать, и с ними надо было разговаривать. Отторгать их было глупо — потому что они сами далеко неглупые люди. По крайней мере — технические интеллектuality, довольно высокого уровня. Не надо было их шельмовать, загонять в другую компанию... А что какой-то там дядька выступил... Мало ли таких дядек и теперь?.. Люди, способные структурировать будущее, — они его и структурировали по-своему.

— *А как Вам позиция ЦК — Пуго, Вагрис? В динамике? Как изменялись ваши взаимоотношения?*

— Мое мнение такое: создание Народного фронта — не только наша заслуга (наша «заслуга» в том, что мы *попали* в случай). А почти все за нас сделала КПСС. Потому что идейный, так сказать, духовный ресурс этой партии был исчерпан — она уже стала лишь комментатором событий, хватала ситуацию за фалды. КПСС уже не могла стать ни спереди, ни даже сбоку.

Ну — ОМОН там... Но они ведь не умели разговаривать — не знали, на каком это делается языке. Им нужны были только указания! Как позднейшие правители в империи инков, местные коммунисты также уже не были способны самостоятельно действовать — адекватно той ситуации, которая здесь сложилась.

— *Однако, если забежать вперед, они, скажем, очень неплохо вписались в рынок. Значит, все же были способны к адаптации?*

— Ну — это уже другое поколение, мое поколение. Это большей частью комсомольцы, а не партийцы. Конечно — Альфред Петрович Рубикс! Он безусловно заслуживает уважения за свою стойкую позицию, и все-таки его поколение... Оно пыталось руководить ситуацией — да, но не владело ею. Даже на уровне диалога они не были конкурентами Народному фронту.

— *Соболев, второй секретарь, был человеком Советского Союза?*

— Я помню его. Когда меня на бюро ЦК выгоняли из газеты «Литература ун Максла» (я был замредактора), то Соболев своеобразно отличился. Выгоняли за то, что я разрешил напечатать информацию (правда, не я ее писал), что «Советская Латвия» позволила себе шовинистические выходки — какие-то такие выска-

звания на одном из собраний. Потом мы с Соболевым пошли вниз — там столовая была, и мы решили поесть. Сели за одним столом и ели, по-моему, суп с картофельными клецками. И этак потолковали. Он сказал: «Я с вами даже согласен. Но вы должны продолжать играть в эту игру» ...

Такая вот инерция ответственных чинов многое и делала — и сделала. Я это к тому говорю, чтобы мы особо не зарывались в собственный героизм. Его не было.

— *Но ведь Пуго был далеко не глупым человеком, так?*

— Не мне судить. Но, по словам и Петерса и других, кто с ним встречался, он значительно отличался от «монументов», которые были до него — от Восса, Пельше. Разительно отличался.

— *То, что Вагрис выступил тогда в Межапарке, — это как бы для «единения с народом», что ли?*

— Думаю, Вагрис выступил по велению сердца, так сказать. Я его и сейчас иногда встречаю, и мы, случается, говорим на эту тему. Как человек, Вагрис не лицемерил. И Кезберс — примерно так же, искренне выступал.

— *Почему же тогда Вагрис ушел в тень? Не привнес, как говорится, свой человеческий фактор в развитие Латвии в дальнейшем... Возможно, от этого Латвия стала бы более человеческой?*

— А кто из таких с брендом компартии, кроме Горбунова, попал сейчас в эту обойму?

— *В компартии были очень многие... Бресис хотя бы.*

— Ну, Бресис! Это — уровень министров. Чистых же рядовых партийцев — мало. К слову, в нашей ситуации этот ресурс использовали неправильно — их всех как-то быстро *подгрести* под статьи биографии: там — членство в КПСС, там — работа в КГБ... А ведь сами же говорим, что для нас 50 лет были закрыты некоторые должности, некоторые навыки. Например, разведка — что, не нужна? Откуда мы — опять, как в 1917 году, — парнишек поставим?

— *Ну, как откуда?! Есть же, к слову, господин Кажоциньш, директор Бюро по защите Конституции, которого так славно импортировали из Великобритании.*

— Кажоциньш и еще единицы таких могут, конечно, быть. Но почему бы не использовать все-таки старый ресурс? Зачем думать, что все они «подснежники» российского ФСБ или чего-то подобного? Опять же существуют ведь какие-то органы, которые изучают все это. Но у нас на этом делаются политические спекуляции... В Латвии-то нет ничего, кроме человеческого ресурса. И если я о чем-то жалею, то о неадекватно использованном людском ресурсе. Это — самое негативное от Народного фронта.

— *А человеческим ресурсом Анатолия Валерьяновича Горбунова они-то распорядились вполне умело. Эта связочка — Годманис-Горбунов — как она работала!?*

— Понимаете, Вагриса я ценю гораздо выше, чем Горбунова. Анатолий Валерьянович просто хорошо устроился. Вагрис хорошо чувствовал эту перемену. Моя мама преподавала историю и языки — она очень, очень болезненно переживала происходившее. Хотя была «за», но воспринимала тяжело: ведь учила — одному, а получилось, оказывается, совсем другое. Вот и у Вагриса произошел какой-то внутренний надлом. Я сомневаюсь, что нечто подобное случилось с Анатолием Валерьяновичем — для него просто пришел новый начальник. Был там дядя Миша, а потом стал — он сам, или «Новое время», или Народный фронт...

— *Как Вы познакомились с Годманисом? Все же — творческая интеллигенция и техническая? Как бы вы оценили Годманиса в развитии — с 1988 по 1993 год?*

— Пока он был премьером, в политике его роль была определяющей. Правда, я не сказал бы, что она всегда такой была... Но он являлся определяющей фигурой. И были в его премьерство некоторые вполне положительные вещи... Будь на том месте кто-то менее интеллектуально собранный или менее умеющий, который бы просто комиссарствовал, — было бы хуже... Беда Годманиса, если уж говорить о минусах, в том, что он слишком рано перешел от анализа ситуации к утверждению своего мнения о ней. На мой взгляд, Ивар недостаточно умел синтезировать мнение тех людей, которые из благих намерений вокруг его собирались. Это ведь тоже были люди разных знаний, разных профессий, разных национальностей. И все те, кто был в этом обширном совете, — человек тридцать, кого он собирал у себя в первый год своего премьерства, — говорят почти то же самое.

— *Насколько Вы были близки к тогдашней власти? Была ли у кого-то необходимость с Вами проконсультироваться? Или Вы сыграли роль стартового пистолета — раз, и все?*

— Слишком рано захотелось власти, и слишком рано стали игнорировать. И даже не только тогда, когда партии стали собираться, а Народный фронт сопровождал эти партии, а еще до того... Люди почувствовали, что они могут что-то иметь от этого нового режима. Очень быстро почувствовали. Народный фронт, по сути дела, никогда не распространялся на народ, хотя и держался на народной поддержке. Было предложено — я в том числе предлагал, что пока Народный фронт остается общественной организацией, он берет под свою защиту любого человека. Такая несколько робингудовская идея, но... хотелось ломать любую несправедливость, любую бюрократию.

Особенно острое чувство, что Народный фронт не работает, как следовало бы, возникло, когда я был Народным депутатом СССР. Этим депутатом я был от Огре — у меня там прием был. Приходят люди: им на голову какают и писают — а власть, хотя она уже у Народного фронта, продолжает по-прежнему все так же хлопать ушами. Я специально нанял себе в помощники бывшего прокурора — чтобы он людям растолковывал, как какие законы действуют. Чтобы все было обосновано. Я вот одну копию — этим начальникам, другую — в Народный фронт. Никакого результата! Номенклатура очень быстро поняла, что можно сохранять тот же самый ритм, который был и раньше.

— *Московский политический процесс 1989–1990 годов Вас увлекал? Насколько это отличалось от того, что было здесь?*

— Московский процесс предлагал весьма грамотные вещи. По крайней мере, Афанасьев, Попов, Яковлев... Я бывал на некоторых их тусовках — и Гайдар там появлялся, и экономист Абалкин, и Отто Лацис приходил. Они предлагали, чтобы политическое пространство мы строили каждый по-своему: это, мол, не помешает нам сохраниться и существовать все же в едином экономическом пространстве. Были и какие-то оригинальные представления: например, что надо-де предпринять максимум усилий, чтобы получить взаимную выгоду от неразрушения этих, давно сложившихся экономических отношений. То есть — не выстраивать политику преград перед старыми, наработанными рынками, производственными отношениями. Но, конечно, переоценить это с сырье-

вой точки зрения, с точки зрения рынка, частной собственности. Только — не разрушать.

— *Существовала ли у Латвии в 1991 году возможность вступить в СНГ?*

— Нет, не существовала. Говорят, одна из причин того, что события инспирировали «тримдас латвиеши» (эмигранты), — та, что весьма быстро появилась сепарация на национальной почве. Референдум, если вы помните, прошел на одном пафосе, а после референдума оказалось, что мы все — вы, я — за независимость, и этот пафос побледнел. В общеэтнической нашей пропорции. Представления латышской эмиграции о здешней ситуации были очень влиятельны. Их стереотип имел больший вес, чем непосредственное личное присутствие тут кого-то из них.

— *Вы имеете в виду восстановление Первой республики?*

— И восстановление Первой республики... Они взяли ту пропорцию, которую они имели, когда эмигрировали. Они не сделали поправку на то, что не обладали информацией о том, как в действительности изменились наши отношения, как мы их воспринимаем. Уехали-то они в сороковых годах...

— *ДННЛ состояло из тех же советских интеллигентов, однако именно они и выдвинули эту идею «гражданства до 1940 года», разделение на «чистых» и «нечистых». Можно сказать, что Народный фронт воспринял субстрат ДННЛ?*

— По-моему, это нормально — это политическое настроение. В России тоже была «Память», и не надо думать, что ее там иностранные агенты создавали. Это — часть настроений, которые в людском обществе бытуют. А с чем еще себя латышу идентифицировать? Только — или с властью, или с национальностью. Россия же может идентифицировать себя с империей.

— *В России Баркашов не имел более одного процента. А ДННЛ, Бог свидетель, государством управляло.*

— Вы — о поддержке избирателей? Да, тут их процентно больше. Но, думаю, в любом маленьком государстве этот процент всегда и будет выше. Национальный комплекс не преодолен — это еще одна привязка к 1940 году. Победы, которые не завершены, — еще плюс к тому же. И старшее поколение, у которого,

в принципе, пятьдесят лет была дилемма: или осуществлять свои идеи, или сидеть тихо-мирно. Проснулись и начали на той же риторике, на которой спали эти пятьдесят лет. Еще один комплекс, чтобы муссировать национальную идею. И так набирается, набирается...

Вы же видите: разве у ДННЛ есть национальная программа? Разве они осуществляют какую-то национальную программу, если не обозначать антагонистов? А я бы рад был, если бы у них была практическая — экономическая или социальная — программа по латышам. Язык там, и так далее. Практическая, реальная программа. Тогда была бы настоящая этнократия. А сейчас... просто власть, которая находится в руках одного этноса. Но это не этнократия.

— *Репше является политиком Народного фронта?.. В какой мере повлияла его политическая молодость на то, что мы видим сейчас?*

— Конечно, Репше — политик Народного фронта и ДННЛ. Но я не уверен, что Репше — самостоятельный политик.

— *Вы считаете, что он произвел впечатление выдающегося политика, когда начинал?*

— Выдающихся политиков, по моему разумению, здесь не было и нет. Иначе бы у нас был не только проект Национальной библиотеки — практически единственный осуществимый футурологический проект. Если бы у нас были выдающиеся политики, у нас был бы план Маршалла, план Бальцеровича. Мы не были бы последними в Европе и не занимались бы ерундой, друг другу суя ее в морду.

— *Но Репше сумел позиционировать себя как отец стабильной национальной валюты.*

— Я бы хотел судить о том, что *выдается* — по результатам. Есть же другие, кто с Репше спорил, и весьма серьезно: должна ли монетарная политика быть единственным регулятором экономики?.. Если Вы вспомните, была гиперинфляция, в развале промышленности обвинили неадекватную монетарную политику и так называемый «стабильный лат», который девальвировался весьма быстро. Тогда прибыль была по рынку, а налоги определяли по-старому. Получалось, что заводам надо было платить за фикс-

тивную прибиль. В этом почти все промышленники и значительная часть экономистов винили как раз Репше. Обобщая их мнение, скажу: промышленность можно было не разрушать, а трансформировать.

— *Кто был «старше» в экономических решениях — Репше или Годманис? Кому подчинялась латвийская экономика?*

— Если их сравнить, то Годманису. Кроме того, Годманис, по-моему (хотя, говорят, Репше тоже довольно быстро обучился разным банковским делам), более системно учился, был более открытым человеком. Пусть он в голову не брал кого-то или потом ругался, но он умел результативнее синтезировать то, что ему говорят, что увидел и до чего сам дошел.

— *Латвия пыталась задействовать своих депутатов в Москве для того, чтобы «протолкнуть» какой-то свой вопрос?*

— На съездовском уровне у нас не было возможностей чего-то там пытаться. На уровне Верховного Совета, где действительно работали, — да, пытались поднимать какие-то сырьевые, экономические вопросы... Но я был только съездовским депутатом.

— *А лобби свое было в Москве?*

— Были, конечно, лобби. Было сотрудничество, работали российский демократы — балтийская фракция: они, без сомнения, содействовали каким-то «проталкиваниям». Но в большинстве своем все были заняты политикой. И очень быстро наш Диневич зачастил к нам, приглашал в посольство: «Пора вам, ребята, домой — а то вас завербуют... Мы вот все дальше вас ушли, а вы тут торчите под Кремлем».

— *Какое впечатление производил Виктор Алкснис?*

— На меня — субъективно — двойное впечатление. По-моему, сейчас он набрался опыта. А тогда... с одной стороны, в нем было очень много солдафонского. Он на политическом уровне, на языке доводов и аналитики, не умел изъясняться. У него была догма: то-то и то он обязан защищать — по своим погоням или по своим убеждениям, — и он это делал на уровне плоховатого ППР. Партополитраба — есть такие в армии. С другой стороны

(мы с ним рядом сидели, говорили), он был честен в своих убеждениях, что, опять-таки, нельзя не уважать.

— *Почему у латышского общественного мнения есть такой особый комплекс по отношению к Татьяне Жданок? Почему на Рубикса не распространяется такая схема?*

— Наши народы следовало бы хорошенько изучить — нет, к сожалению, серьезного труда по корпоративной психологии. Перед тем, как государство собирается воевать с другим, специалисты как раз и исследуют общество с точки зрения корпоративной сравнительной психологии. Так, с бухты-барухты, я не могу характеризовать Татьяну — я ее тоже не знал. Не стану же я говорить о человеке, исходя из стереотипов?

— *А образ?*

— Образ у нее хуже, чем у Рубикса. Ее образ как бы отторгается. Вот что толкуют бабки: «Она говорит, не раскрывая рта, сквозь зубы». Мелочь вроде бы, но не исключено, что она к нам презрительно относится! Такие, значит, выводы...

— *Когда Рубикс стал секретарем уже расколотой компартии, — это, на Ваш взгляд, был сильный ход со стороны компартии, или тоже неверное решение?*

— С точки зрения Рубикса это, видимо, был сильный ход. Хотя любые ходы, которые тогда могла бы сделать компартия, имели бы для нее тот же самый итог. Но с точки зрения Рубикса, то был, само собой, сильный ход — во всяком случае, он показал, что в других республиках и того не было: там партия просто сдалась, исчезла тем или иным образом, или трансформировалась, как в России. Рубикс же показал, что некоторым образом сохранил лицо первичной организации в ее убеждениях: вот, мол, мы отступаем, складываемся, но мы не станем с вами заигрывать! Да, объективная ситуация не в нашу пользу, но мы уходим — как партия коммунистов!

— *Скажите, а почему именно его арестовали? В Латвии были сотни, даже тысячи людей, которые разделяли его убеждения, при этом очень даже активно. Почему же в августе 1991-го разыгрался достаточно «вегетарианский» сценарий?*

— Скорее показушный, чем вегетарианский. Никакой новой номенклатуры не возникло — судя по качеству управления. Про-

сто произошла трансформация той же самой номенклатуры и комсомольцев в новые условия. А чего их под одну гребенку всех тащить? Вот Авотиньш — 2-й секретарь Московского райкома комсомола в Риге. Что, меня под ту же гребенку грести, что и Рубикса? Не надо! Пусть уж Альфред Петрович посидит за всех. У нас также имеется «один чекист» — Боярс.

— *Как Вы думаете, в постсоветской истории Латвии какие годы можно считать пиком независимости?*

— Пик — как раз то время до референдума по самоопределению. А после этого общество уже явно не было единым в надеждах на то, что все вместе здесь будут что-то делать.

— *Хорошо. Ваше мнение об уровне нашей независимости... Сейчас он выше или ниже того, что был в августе 1991 года?*

— Вот Сережа Мазур недавно собирал семинар, и тема была как раз та же самая, про независимость: что приобретено и что потеряно? Приобретена ли она вообще, не трансформировалась ли в какую-то иную зависимость?.. Мне бы хотелось как-то проецировать это на надежды народа, которые были 4 мая 1990 года, 21 августа 91-го. Не на уровне политического анализа, а на уровне настроений. Ведь после того мы (я имею в виду так называемых образованных людей и политиков), я думаю, так и не сумели этот народный пафос перевести во что-то реальное. Пики, конечно, были какие-то — частные, групповые или отраслевые... Вот — пиломатериалы производим...

— *Существует логика развития бизнеса: когда фирма набирает капитализацию, обрастает своими клиентами, получает долю на рынке, то для хозяина теперь самым главным становится — найти правильного акционера и продать эту фирму. Вам не кажется, что наши менеджеры, проведя предпродажную подготовку, реализовали этот принцип? Конечно, с выгодой для себя.*

— Латвию ведь не переместишь в рынок ценных бумаг, где вот — котировки, вот — бренд. Было бы прекрасно, если бы у Латвии бюджет составлял стоимость ее бренда. Вот, например, бренд «Кока-Колы» — он стоит столько-то миллиардов долларов. Но государство никак не представишь каким-то акционерным обществом или предприятием. Здесь другой принцип управления. Если ты продаешь территорию, государство — ты всегда прода-

ешь родину, а не товар. Как бы ты не продавал — часть независимости, — десять, скажем, процентов родины, — ты продал. Я рассуждаю о родине, а не об экономической выгоде от ее продажи.

— *Стало быть, мы возвращаемся к каким-то духовным ценностям, с которых начинался Народный фронт. Должны ли они вернуться в политику?*

— Ну, если мы хотим нормально жить, то — да. Они же, духовные ценности, не народнофронтовские — они столь же российские, как и латвийские. Первозданные, общие ценности. Это — элементарные правила управления государством в полном масштабе, а не управления для отдельного круга людей. Либерализм относится ко всем двум миллионам — к учителям, к врачам, другим. Что — у них нет собственности своей или хотя бы опыта профессионального? Почему они сейчас *не включены*? Это же только подумать! — учителя в социальном смысле — неудачники. Значит, государство само перед собой закрывает будущее... А почему врачи *не включены* в либерализм? Почему либералы — только собственники капитала? Этого же недопустимо мало. Это — не управление государством, а лобби определенное...

10. ИВАРС ГОДМАНИС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ ЛАТВИИ (МАЙ 1990 — ИЮЛЬ 1993 ГОДА)

Годманис Иварс (1951) — закончил Латвийский государственный университет (физика), доктор физико-математических наук, до 1988 старший научный сотрудник Института физики твердого тела АН ЛССР, барабанщик эстрадного ансамбля. В 1988 избран председателем Думы Народного Фронта Латвии, в 1990 избран депутатом Верховного Совета и возглавил первое правительство восстановленной де-юре Латвийской Республики. Был главой Совета Министров до 1993, когда проиграл выборы в Сейм. Впоследствии занимал ряд руководящих корпоративных должностей. В 1998 избран в Сейм от списка «Латвийского пути» и вернулся в правительство министром финансов при премьере В. Криштопансе. В 2006 — депутат Сейма от совместного списка «Латвийского пути» и Первой партии, министр внутренних дел в правительстве А. Калвитиса. В 2007–2009 — премьер-министр. В 2009–2014 — депутат Европарламента. Фигурант многочисленных скандалов, в том числе о вероятном сотрудничестве с КГБ.

— *Раскройте, пожалуйста, подлинное авторство Декларации 31 мая 1989 года, в которой говорится о полной независимости Латвии. Кто послужил «мотором» этого решения?*

— Не знаю, насколько это будет, может быть, нескромно... В то время в Правлении Народного фронта руководство менялось чуть ли не каждый месяц. Этот период характерен тем, что ушел с поста председателя Правления НФЛ академик Янис Фрейманис, и на этот пост избрали ныне покойного Петериса Лакиса — доцента университета, философа. А председателем политического комитета Фронта стал Юрис Розенвалдс, тоже доцент университета, историк. Я же тогда имел честь быть его заместителем.

Весной делегация от Правления НФЛ отправилась в Германию — на встречу с представителями латышских эмигрантских организаций, которые поддерживали линию Фронта. Я не был в той делегации. Но когда они возвратились, на Правлении состоялся разговор, и академик Фрейманис сказал, что мы должны скорректировать дальнейшее развитие курса НФЛ и что политический ко-

митет должен подготовить проект для ответственного решения Правления.

Проблема была, знаете в чем? После выборов народных депутатов СССР в Москве развернулась отчаянная борьба представителей ДННЛ против коммунистов (Юрис Добелис шел против Вилниса Бресиса, Эйнарс Репше — против Ивара Кезберса). Помню, что уже после выборов, ранней весной в Национальном театре проходил съезд ДННЛ, нас обвинили в том, что руководство фронта, мол, больше поддержало в Москве коммунистов. На том съезде сразу ощутилось, что в Народном фронте назревает серьезный раскол. Ведь часть правления НФЛ — Рукшанс, Штейнс, также бывшие в ДННЛ, — выступая на съезде, прямо клеймили нас, что мы, мол, «стали на сторону» национальных коммунистов. Хотя в противостоянии Кезберс — Репше мы играли так, можно сказать: половина на половину — то есть, не поддерживали ни одного, ни другого. В результате как Бресис, так и Кезберс победили с большим преимуществом...

Атмосфера нагнеталась, политический процесс развивался так, что становилось все яснее: никакого долгого переходного периода ожидать не следует. Исходя из такой ситуации, мы должны были что-то предпринять, разработать какую-то концепцию. Заняться этим было поручено нашему политическому комитету. Мы собрались — вдвоем с Розенвалдсом в его кабинете на Бривибас 32, где была кафедра истории, — и стали думать: с чего нам начать?

После I съезда Народного фронта оставались еще различные варианты дальнейшего пути Латвии: конфедерация в составе нового Союза, новый экономический договор и так далее. Мы думали, в каком направлении двигаться дальше, и написали, что обращаемся ко всем отделениям Народного фронта с предложением: произвести опрос всех членов Фронта и определить их мнение насчет нашей готовности стать на путь полной государственной независимости. Когда мы написали эти слова — «полная государственная независимость», — то стало очевидным: это уже никакой не переходной период. Мы основательно поразмышляли — не слишком ли резкий поворот? Однако текст не изменили.

Затем мы показали этот текст председателю Правления — то есть, нашему как бы начальнику, Лакису. Было важно: что он скажет? И он сказал — «нет, не надо мягче». Иначе говоря, следовало еще там кое-что добавить, но идея остается такая: полная независимость!

Помню, когда мы впервые представляли это уже на Правлении, кто-то еще хотел это слово — «независимость» — заменить словом «суверенитет». Например, эстонцы довольно долго еще говорили именно о «суверенитете» ... Однако у нас, после горячих дебатов, основной текст был полностью сохранен, и Правление приняло это историческое Обращение 31 мая.

Следует отметить, что член правления НФ Андрейс Цирулис — редактор «Падомью яунатне» — был тогда в отъезде. И наше Обращение поставила в номер его заместитель, Дзинтра Криеване. Я не представляю, как иначе наше Обращение дошло бы до народа.

Разумеется, эта публикация вызвала бурю. Обращение тогда же получили и наши депутаты в Москве — Иванс и другие.

Потом было заседание Думы НФЛ, которое одобрило Обращение, и уже на II съезде НФЛ был взят курс на независимость.

— *Почему, скажите, в качестве конституционной основы была взята именно Сатверсме 1922 года?*

— Я до сих пор считаю, что, в общем, мы сделали правильно. Точнее, не мы, а юристы. Я тогда непродолжительное время был председателем фракции НФЛ — до того, как меня избрали председателем Совета Министров. Когда мы обсуждали это в политическом аспекте — было ясно: нам нужна *форма*, в которую могла быть облечена независимость. Но, когда обсуждение перешло в юридический план, поняли, что фактически мы — зависимы. И в таком случае объявлялся переходный период, в течение которого восстанавливалось действие Сатверсме. Вот это — первый вариант, привязывавший Латвию к возвращению к 1918 году. И, когда был избран V Сейм, в котором я уже не был в силу своего премьерства, то выходили депутаты и подписывались под Сатверсме. С этого момента Сатверсме окончательно вступила в силу. Мне до сих пор кажется: Сатверсме — это лучший вариант из всего, что могло быть придумано заново и самостоятельно.

— *Как Вы перенимали дела у своего предшественника — советского еще председателя Совета министров Брисиса?*

— Я довольно сильно колебался — идти мне на этот пост или нет. Раз пять-шесть менял свое мнение. Мне казалось, что вот — нет знаний, опыта и тому подобное. И тут надо отметить такой момент: Дайнис Иванс не стал председателем Верховного Совета. Хотя, по логике вещей, должен был им стать: ведь как-ни-

как — Председатель Народного фронта. Однако все же не стал главой парламента, а стал им вовсе не «народнофронтовец» — Анатолий Горбунов. Словом, получилось весьма странно: Народный фронт внушительно победил на выборах, а реализация этого выигрыша обратилась в нуль. Поэтому-то и пошли в Народном фронте разговоры — прежде всего, со стороны коммунистического крыла, естественно: все, мол, ясно, старая схема: Горбунов — председатель Верховного Совета, а Вилнис-Эдвинс Бресис остается председателем Совмина. И одно время я даже говорил с Бресисом о том, что согласен пойти к нему заместителем. Но, слава Богу, он на это не согласился. «Что, — говорит, — комиссаром, что ли, пойду?» На этом, в принципе, все и закончилось. Хотя на заседании фракции НФЛ Алфредс Чепанис все же опять предложил кандидатуру Бресиса; но поскольку сам Бресис не присутствовал, никто Чепаниса не поддержал. И в результате проголосовали за меня.

Сама же передача дел шла сравнительно просто. Я пришел в Совмин вдвоем со своей помощницей по НФЛ Илзе Циелавой — никого больше: все «остались» в Верховном Совете. Однако помог Карлис Лицис, который работал в правительстве Бресиса управляющим делами, и который более полутора лет продолжал работать у меня (могу его характеризовать только положительно). Он-то и ввел меня в курс всех дел. Правда, тут же его хотели убрать — по политическим соображениям, разумеется: ведь раньше он был первым секретарем компартии в Юрмале. Но я его защитил. Потому что хорошо помнил: одно время он преподавал в 1-й средней школе, где я учился, помнил и по другим делам...

В процессе передачи дел мы вначале «прошлись» по кадрам аппарата Совмина, и я сказал на первом же заседании: «Будем каждого оценивать по профессиональным признакам». Единственный, кто вызвал сомнения, — такой Лиепиньш: он работал по связям с иностранцами; этого, решил я, придется сразу попросить уйти. И *попросил*, и пригласил на эту должность Мариса Гайлиса...

Хорошо я знал и покойного ныне Миервалдиса Раманса — он долгие годы был председателем Госплана Латвийской ССР. С его сыном Гунтисом мы учились в средней школе, а затем — и в университете на физмате. Это мне помогло: дома у него мы довольно внимательно рассматривали, какие люди, с учетом их профессиональных качеств, могли бы быть полезными в новом правительстве; учитывалось, конечно, и то, поддерживают ли они курс НФЛ

на полную независимость. И вот что получилось: среди всех только двое были непрофессионалами — Янис Юрканс и я. Остальные все — спецы в полном смысле слова. И мне удалось их всех убедить в необходимости совместной работы. Наверное, это было первое и последнее по-настоящему профессиональное правительство, без которого вряд ли мы смогли бы пройти этот труднейший путь — постепенный выход из СССР с одновременным проведением главных экономических реформ.

А передача правительственных объектов? Они — руководство Советской Латвии, последнее правительство коммунистов, — тогда довольно хитро все сделали. Может быть, даже и хорошо — не знаю: они передали все свои объекты местным самоуправлениям. Короче говоря, и денежных лимитов не осталось совсем, и переданы были и машины, и дачи...

— *А председатель КГБ Йохансон участвовал в заседаниях правительства? Какую вообще позицию занимал тогда Комитет госбезопасности?*

— Йохансон не участвовал. Вообще, у КГБ была интересная позиция. В этом отношении я думал иначе, чем, скажем, Андрейс Крастиньш и Талавс Юндзис (тогда — руководители Комиссии по внутренним делам Верховного Совета). Я полагал, что для независимого государства необходимо сохранить материальные активы КГБ Латвии, для чего в первую очередь надо подчинить Комитет правительству. Потом, постепенно сменив кадры на новые, удастся сохранить и саму структуру госбезопасности и, конечно, материальные активы Комитета, чтобы не начинать с нуля.

Однако мне все-таки не удалось доказать правильность своей позиции, и победило мнение Крастиньша и Юндзиса о полной ликвидации Комитета госбезопасности Латвии. В результате были утрачены все материальные активы — аппаратура, техника...

Отстаивая свою точку зрения, я и хотел вначале включить Йохансона в состав моего правительства. Он приходил ко мне раз в две недели и показывал разные материалы своих агентов — в том числе и досье на моих министров. И я никак не мог понять: чистая ли это провокация, или, в принципе, все это правда? Пришлось пойти по такому неприятному пути: я вызывал очередного своего «поднадзорного» министра, и...

— *И делали ему разнос?*

— Да, делал разнос... Словом, давал понять: если разные гэбистские улики — правда, то будет очень плохо... А что мне оставалось делать? К тому же, и провокации со стороны КГБ — это тоже могло быть...

В конце концов, я добился — конечно, через согласие фракции Народного фронта в Верховном Совете, — что Йохансон *может быть* членом правительства, но в таком случае он переходит под мою юрисдикцию. Он тогда собрал всех своих начальников отделов КГБ, и я им сказал: «Будете под моим началом, а не под московским!»

А потом изменилась позиция самого Йохансона — по всей вероятности, его вызвали в Москву, и там дали понять: «Никаких содействий Народному фронту, никакого такого сотрудничества!» И он тогда отказался: «Все, я не могу». Поэтому моя инициатива так и не прошла, и КГБ был ликвидирован полностью. Непосредственно ликвидацией занимался Айварс Боровков — я лично его назначил. Я сказал ему: «Кадры внимательно просматривай, и чтобы имущество сохранилось»... Однако потом все это как-то расстроилось, и имущество, в сущности, было потеряно все. Например, в том же Рижском городском отделе госбезопасности, что на улице Пушкина...

— А как ОМОНу удалось испортить свои отношения с новой властью? Ведь так все хорошо начиналось: 15 мая у здания Верховного Совета они побили палками офицеров Советской армии...

— Там была такая штука. Когда 15 мая, через девять дней после того, как меня назначили председателем правительства, я услышал по радио (я как раз был в Совмине) предупреждение Иванса, что собралась толпа, и возможно нападение на парламент, я сразу же поехал к Штейнбрику (последнему министру внутренних дел ЛССР, который отказывался уйти в отставку, пока Москва не прикажет). Это был первый рабочий день у моего первого телохранителя Андиса Скривериса — потом он, кстати, стал крестным отцом моего младшего сына. Родом он, к слову сказать, из Дзервене — самого центра Латвии. Это уже позже мы создали охрану Совмина, в которой не было прежних работников КГБ...

Так вот, я приехал к Штейнбрику и заявил: «Вы сейчас должны выполнить свои прямые обязанности!» Я, откровенно говоря, прямо-таки накричал на него. Генерал этак посмотрел на меня спокойно... И назначил ОМОН охранять Верховный Совет. Идея

была — именно *охранять*, а вовсе не *разогнать* собравшихся там. ОМОН прибыл, когда я уже приехал в здание Верховного Совета. Началось давление митингующих, ОМОН выстроился в два ряда. У некоторых были автоматы наизготовку. И только когда толпа уже прорвала цепь, ОМОН и принялся разгонять — только, повторяю, с этого момента...

А как испортились у ОМОНа отношения с властью... Этому есть разные объяснения. Я могу сказать следующее: первый *наезд* начался на Алоиза Вазниса, министра внутренних дел моего правительства, заменившего Штейнбрика. По одной версии, Вазнис якобы возражал против того, чтобы ОМОН заключал контракты по охране кого-то или чего-то — это, я понимаю, ограничивало их возможности зарабатывать. Кандидатуру же Вазниса я выбрал сознательно и — в довольно секретном варианте, вместе с генералом Зеноном Индриковым. Тот посоветовал мне выставить в пику Штейнбрику, не захотевшему добровольно уйти с поста, профессионала. А Алоиз Вазнис и был именно таковым — работал в органах внутренних дел уже 37 лет... Кстати, как раз Индриков, будущи заместителем министра, и создавал Рижский ОМОН, и нашел для них место базирования. Как раз Индриков, — очень, кстати, смелый человек, — был в своем кабинете в МВД, когда стреляли по министерству — то есть, получается, непосредственно и по нему. Ему прострелили все окна, однако он до последнего оставался на телефонной связи со мной — даже под огнем. В конце концов «омоновцы» его взяли, вывели и... отпустили. И он сразу же пришел ко мне. Мы вместе решали: что и как делать? Послали туда, к МВД, Гончаренко, парламентаром. А потом — уже через депутата-посредника, священника Зотова — мне по телефону позвонил командир ОМОНа Чеслав Млынник. Он говорил, что это была провокация против них, и что они хотят только одного: вернуться без боя на свою базу. Однако были уже убитые, и поэтому диалог у нас был коротким и резким...

Жаль, конечно, что те разговоры не записывались — там, само собой, было много нецензурщины с обеих сторон, и с моей, к сожалению. Да, очень резкое было общение. Они просили, чтобы им дали возможность вернуться на базу, чтобы на них не напали по пути. Пришлось отдать соответствующее распоряжение. Хотя — как и чем мы могли напасть на них? У нас ведь и не было таких сил...

Кстати, еще до событий у МВД я встретился с ОМОНОм в Доме офицеров (сейчас — Дом Латышского общества). Вазниса то-

гда не было, я был с Илмаром Бишерсом, моим замом по Кабинету министров. Произошел довольно жесткий разговор — они опять жаловались на министра. Ну, я не знаю... Вазнис 37 лет был настоящим ментом, ни каким образом с политикой не связанным, прошел все милицейские ступени. Так что мне оставалось лишь поддержать своего министра... И потом была эта бодяга, связанная с прокуратурой... Она тоже разделилась, и ОМОН оказался на противоположном от нас рубеже...

После нападения на МВД я встречался с сотрудниками органов внутренних дел в клубе Дзержинского. Я понял, что там было немало «омоновцев», но они были в гражданской одежде. Мне также ясно стало: они вовсе не одобряют тот инцидент: перестреляли милиционеров, Гомоновича и Кононенко, других невинных людей... В этом клубе тоже был нелिцеприятный разговор...

Когда все кончилось, у меня состоялся еще один диалог с Млынником. Это было в кабинете вновь назначенного командующего Прибалтийским военным округом Майорова, который уже после августа прибыл сюда вместо Кузьмина. Неожиданно — я беседую с Майоровым — открывается дверь, и входит Млынник. Входит запросто так и начинает что-то рассказывать. Я говорю: «Можешь говорить, что хочешь, но кровь уже есть — все! Вам лучше убраться с миром». Он: «Мы не хотели крови, нам отдавали приказы». — «Нет, — отвечаю, — уже ничего нельзя поправить»... Тем более, что Ельцин должен был приехать, и у меня было опасение, что ОМОН в отчаянии может устроить провокацию и против Ельцина. И только после очень нелегких переговоров (мы послали парламентаром на базу ОМОНа мэра города Риги Андриса Тейкманиса) они 2-го сентября улетели...

Но не очень я обрадовался и действиям Вазниса во время августовского путча ГКЧП. Он позвонил мне в Совмин, когда я уже был окружен, и я ему сказал, что ко мне ему ехать уже поздно и лучше скрыться. Потом он мне объяснял подробно, куда уезжал и где прятался эти два очень тяжелых для Латвии дня в августе...

— *Если у независимой Латвии было столько противников, почему «сделали мучеником» одного лишь Альфреда Петровича Рубикса?*

— Ну, что я могу сказать... Этой операцией я не руководил — тут инициатива в основном Верховного Совета. Просто Юндзис мне позвонил и сообщил, что Рубикс уже под арестом... Думаю,

что там сыграли роль две вещи. Так как его негативные действия накапливались, и шло все отнюдь не мирным путем. Первые его практические действия начались в январе 1991 года, когда силами ОМОНа был взят Дом Печати. В эфире показали Рубикса, который заявлял, что это — только начало, и откровенно угрожал власти...

Кстати, во время демонстрации у Совмина в начале января 1991 года я вышел к толпе и прямо обратился к людям (это сняли на ТВ). Затем ко мне в кабинет поднялись парламентарии от демонстрантов, и тот же Алексеев (тогда — депутат, а сейчас — солидный домовладелец) тоже явно и открыто угрожал, что они, мол, расправятся и с Совмином, и с Верховным Советом.

И второе: Рубикса связывали с тем, что он лично руководил действиями ОМОНа, и есть свидетельства, что уже после нападения на МВД ОМОН по пути на свою базу останавливался в ЦК. О чем там говорили Млынник и Рубикс, я не знаю. Но предполагалось, что все эти действия ОМОНа, — откровенно противоправные, приведшие к жертвам, — осуществлялись под прямым политическим руководством Рубикса. Не знаю, как это доказывалось на суде — я там давал лишь свои показания о том, что Млынник лично звонил мне в тот момент, когда началась стрельба у МВД.

В-третьих: я думаю, что на Рубикса явно указал сам Горбачев.

— *То есть, как на «выполнявшего указания центра»?*

— Не совсем так... Но все это эскалировалось — вместе взятое. Однако в этой истории есть и совсем темные странички — мне рассказывали об этом, а никаких реальных документов я не видел. Например, рассказывал Вазнис, что в августе — при другом исходе — я бы с вами, боюсь, сейчас не разговаривал. Были вроде бы даже уже назначены места, где нас расстрелять, где захоронить... в Цекуле. С семьей, без семьи...

— *Значит, Вы считаете, что август 1991 года не был спектаклем?*

— Думаю, что нет. Я определенно не один из тех людей, которые до сих пор утверждают: «Да что вы! Мы же знали, что это — спектакль, и скоро он закончится». Я просто имел больше информации, чем любой другой, и, в принципе, думал, что уже все, конец. И самым главным оставалось — не уронить честь. Не сдаться, не бежать куда-то без оглядки... В августе даже были сообще-

ния, что я уже арестован. Но — нет, арестован я не был. Помню, на правительстве мы договорились, что в случае моего ареста или уничтожения прямо в здании Совмина, правительство все равно будет продолжать работать в Игатском замке (Лимбажский район) без меня... Нет-нет, я не думал, что это — спектакль, ни в коем случае. Просто исход получился такой — да, почти на уровне спектакля. Помню, в эти тревожные дни на заседании фракции НФЛ Верховного Совета Владлен Дозорцев сказал: «Самая главная ошибка путчистов, что они хотят выиграть малой кровью. Малой кровью нельзя выиграть ничего». Я и с Борисом Ельциным говорил, когда он сразу после путча приехал к нам, и то, что он рассказывал, — это никакой не спектакль.

— *А как было принято решение, что Латвия не будет участвовать в разделе вооружений СССР?.. Ведь все те республики, которые, можно сказать, воевали в то время с СССР — Грузия, Армения, Азербайджан, — все получили часть вооружения.*

— Они получили и личный состав. А нам эта ноша была бы непосильна. Расходы, которые надо было нести на содержание частей, подобных тем, что дислоцировались, например, в Узбекистане, в Белоруссии, на Украине, были бы неподъемны для бюджета Латвии. У нас даже и мысли такой не возникало — уж лучше вообще без армии, чем с такой. Потому что было понятно: пока армия здесь, то в плане независимости будет все лишь так себе, более-менее, как говорится... Словом, будет какая-то недо-независимость. Видите, как грузины сейчас хлопчут, чтобы армия ушла?

— *Но ведь в 1992–1993 годах Вы работали в качестве независимого премьера независимой страны, и рядом с вами находилась независимая российская армия.*

— Так-то оно так. И в том еще дело, что с Россией даже были соответствующие договоренности, которые предусматривали, что эти войска не станут помехой нашему суверенитету. Договаривались, что они отсюда уйдут с того момента, как Россия признает независимость Латвии. То есть, вывод войск — это был только вопрос времени.

— *А вопрос военных баз тогда всерьез не рассматривался?*

— При мне — нет. Оговаривались только условия вывода войск. Почему не удалось перенять ряд военных объектов, их ма-

териальной базы в солидном состоянии? Потому что нам предлагали их «купить» — так, нам бы «продали» и Даугавпилсский военный аэродром, и Лиепайский военный порт и другие объекты. И нам следовало бы заплатить — пусть небольшие, но наличные суммы. Однако на это мы не пошли. Поэтому ни то, ни другое в приличном состоянии не получили. Тут был и чисто политический момент: как же я могу, как Председатель правительства, заключать какие-то сделки с оккупационными войсками?!

Был и другой вариант, который мы не предусмотрели. В принципе, частные компании, которые тогда только зарождались, — они как раз и могли бы заключать подобные сделки с армией: это — их дело; а уже потом можно было бы рассмотреть отношения государства с этими компаниями. Я помню: когда SWH захотело получить здание, где сейчас «Радио SWH», то они ведь купили его у уходящей армии! Правда, тогда я, как председатель Совмина, это опротестовал. Но суд все же был, и потом правительство Валдиса Биркавса это юридически решило — здание осталось частной собственностью SWH.

Мы же создали бюро по приемке армейского имущества: оно перенимало его в той или иной стадии, а потом передавало министерствам или самоуправлениям. Там частного сектора не было.

— Понятно. Теперь о другом. Вот — Шкеле; как он выделялся из коллег по Совету министров?

— Он некогда работал там же, где когда-то работал и мой отец, — в научно-исследовательском институте механизации в Улброкке, связанном, разумеется, с сельскохозяйственной техникой. Когда мой министр Дайнис Гегерс выбирал себе зама, я смотрел — кого он берет. Спросил про Шкеле у отца, и он сказал о нем самые лучшие слова. Если бы отозвался плохо — не стал бы Андрис Шкеле замом... со всеми вытекающими последствиями.

Иногда мы со Шкеле неплохо срабатывались. Мне понравилось, например, как оба зама Гегерса (Шкеле и Улдис Беникис) меня «прессовали». Это было страшное время — была сильнейшая засуха, цены на хлеб грозились подняться до небес. У меня был определен госрезерв на топливо. И теперь вставал вопрос, кто сможет за тонну зерна платить по 120–130 долларов? Это были жуткие цифры. Шкеле лоббировал этих всех сельских хозяев, колхозников и фермеров и говорил: «Никуда не денемся — придется платить, иначе останемся без хлеба». А ведь при капитализме

без хлеба никак не останешься — даже если у тебя его не выращивают: так или иначе, а ты его купишь. Однако это сейчас мы такие умные, а тогда мы думали: надо спасти в первую очередь сельских производителей зерна — своих хлеборобов: и колхозников, и фермеров. Мы половину денежного резерва выделили на топливо, а вторую — на зерно.

И другое. Тогда мы только-только стали получать первые западные кредиты G-24, а уже почти все предприятия по переработке сельхозпродукции не могли заплатить за сырье. Росли долги — по три-пять месяцев тянули с их возвратом. Все кричали — и Союз крестьян, и колхозы, и крестьяне, — что мы *душим* их, своевременно не расплачиваясь. И мы обязаны были покрыть все эти задолженности, заплатить невероятные суммы. И Шкеле опять проявил себя, защищая кредит G-24 для сельского хозяйства, для нужд тех же предприятий переработки. Тогда это не разрывывалось — удалось и долги по сырью погасить, и удержаться вообще. Это уже потом, например, Резекненский молочный комбинат «накрылся», причем — по вине своих хозяев: они в 1998 году кому-то продали продукцию авансом, и потом оказалось, что не могут получить деньги с «покупателя».

Иными словами, Шкеле энергично доказывал реальность своих планов, довольно скрупулезно действовал. Еще помню его реакцию, когда в 1993 году стали показывать его дом в Улброке. Я вызвал его и спросил: «Что за дом?» И он мне тут же принес все чеки, квитанции по строительству...

И последнее о совместных со Шкеле действиях. Это было, когда я занялся приватизацией торговли. Я думал, что с этим будет долгая возня в парламенте, возможен провал, и потому попросил у Верховного Совета «пожарные» полномочия на полгода. И в течение полугода из всех магазинов сделал частные. А борьба была большая: ВЭФ, «Радиотехника» и прочие кричали: «Мы хотим иметь свои магазины!» Сохранить свои торговые точки стремились и общепиты, повязанные на систему самоуправлений. Я вызывал их к себе, кричал... Потом сделал комиссию, и Шкеле был моим замом. Так он этих упиравшихся буквально «терроризировал». Однако результат был налицо: через полгода все магазины были частными. Думаю, это был один из правильных шагов.

— *Кто и в какой степени реализовывал монетарную политику в Латвии — если сравнить Вас и Репше?*

— Тут... (смеется). Тут так: один взял самое сладенькое, а второму осталось горькое. Генезис жесток — он начинается с осознания того, что при чужих деньгах независимости нет. Я вел консультации с Сависааром и Вагнорюсом (тогдашними премьерами Эстонии и Литвы), и она говорили: «Мы будем *нажимать* на высокую инфляцию, поднимать цены и зарплаты, и никто к нам из Союза не приедет и ничего у нас не скупит — у них попросту денег не будет». Я им сказал: «Это, конечно, интересно...» Но, говорю, если начать качать суперинфляцию, то у нас в Госбанке СССР в Москве начнут спрашивать за наличность уже другой процент (спрашивали ведь пока процент *только* за производство дензнаков). Поэтому, говорю, я лучше сначала посмотрю, как ваша гиперинфляция будет работать. На том мы и разошлись...

Потом я создал две-три альтернативные группы по вводу новых денег. Одной группой руководил министр экономики Янис Аболтиньш. Слава Богу, что не пошли по их пути: они придумали какие-то конструкции, которые были абсолютно нереализуемы, — электронные деньги какие-то... И все время оставалась эта советская схема: у наличных — одна цена, у безналичных — другая... Потом была группа экономистов Гинта Марги — четыре человека. (Кстати, именно Марга продал свою фирму «Парекс» Валерию Каргину). Эти разрабатывали концепцию так называемых «белых денег». Опять же слава Богу, что мы и ее не взяли. Все это хорошо знает мой бывший советник Георгий Драгилев — он сейчас президент «Латбизнесбанка»...

Долгие эти разработки кончились тем, что в Москве одобрили «павловскую реформу». В один прекрасный день в дверь моего кабинета вошел офицер КГБ с бандеролью, сразу мне ее — на стол, открываю — а там... Изымаются сотни и пятидесятки... А у меня остается три часа. Ну все, думаю, это — последний шаг, дальше некуда, надо делать реформу. Созвал правительство, сказал: «Даю вам час, чтобы вы со своими деньгами разобрались. А потом — все сюда». И начали мы резко думать. Один вариант был самый страшный: чтобы мы брали советские рубли и ставили свой штамп. Десять советских рублей — один латвийский рубль. Я из Госбанка Эйнара Репше приглашал, но он в основном лишь *заслушивал* наши довольно лихорадочные варианты.

И вот — решили: все! печатаем свои деньги. Мариса Гайлиса посылаем за границу за особой бумагой, выгоняем всех из Образцовой типографии, будем там печатать, назначаем охрану МВД,

а Госбанку — думать, что там рисовать, и как вводить сами деньги. Самое главное, что мы с Репше договорились: латы сразу вводить не будем, чтобы при этой гиперинфляции они тут же не обесценились. А вводить будем переходную денежную единицу — латвийский рубль. То есть — «репшики». Это их позже так назвали — Репше подписался на каждом знаке...

Потом мы пошли в парламент, чтобы получить особые полномочия. Потому что, если мы бы эту реформу «прокатили», полетели бы наши головы, а не головы парламента — символа независимости. Мы получили полномочия, я был руководителем денежной комиссии, Репше и Оярс Кехрис — членами этой комиссии, решения которой имели силу закона. Кехрис тогда в основном находился вне Латвии — проходил обучение в Джорджтауне, в США. Так что в основном действовали мы вдвоем — Репше и я...

Ну а сам принцип — менять сперва латвийские рубли на советские «1:1» в обе стороны, постепенно прекращая печатать и поднимая курс латвийского рубля, — это было предложено Репше. И когда мы приехали в Москву заключать договор с госбанком СССР, мне помогло то, что председателем Госбанка был Виктор Геращенко, которого я уже знал, и он знал меня — по моим ранним, с 1990 года визитам и встречам в Кремле (при Горбачеве, Рыжкове, Павлове). Сам договор подписал я, при этом решающим аргументом был рыночный обменный курс латвийского рубля к доллару. Я сказал Геращенко, что если он не верит этому обменному курсу, пусть присылает своих людей в Ригу — там на улице в обменных киосках они это увидят своими глазами, поскольку обмен в Латвии — свободный и частный. Это и убедило его. А также и то, что мы установили свободный ввоз и вывоз любой валюты (об этом со своей бизнес-позиции пишет Каргин в своей книге).

Кстати, все газеты — и латышские, и русские — поносили нас изрядно: эта, мол, денежная реформа «пролетит» полностью и так далее... Никакой, по сути, поддержки СМИ не было — вот поднимите газеты того времени и почитайте. Но, слава Богу, правы оказались именно мы...

Потом был случай с этим дурацким вагоном. Вот интересно: появляется лишь один такой вагон, и каких только не появляется версий! Юрис Боярс выступал уже совсем с идиотской версией: почему, мол, мы отдали наличность, когда могли за это закупить тракторы в той же России?! Вообще — тьма... А случай-то — простой: мне позвонил Зиедонис Чеверс, мой второй министр внутрен-

них дел после Вазниса, и сказал: «Гейданс (начальник таможи) остановил вагон в Резекне. В вагоне деньги. Арестовали». Я звоню Репше: «Что за деньги?» Отвечает: «Деньги частные. Кулик (президент Рижского коммерческого банка) уже едет туда». «Ты гарантируешь, — спрашиваю, — что деньги частные?» — «Частные». — «Тогда мы их выпустим». Вот и все.

И ведь правильно поступили, что выпустили. Поскольку строго придерживались тех правил, которые сами же и установили: любой имел право в течение двух, кажется, недель обменять свои советские рубли на латвийские и наоборот, а также беспрепятственно вывозить их как свою собственность за пределы страны. Стоило нам только нарушить самими же изданные законы, поддавшись на политические, неграмотные нападки, как, в сущности, мы бы подставили под удар веру в денежную реформу в целом...

Помню и такой эпизод. Когда я объявил, что мы переходим на свои деньги (мы оба с Эйнарсом Репше сидели в телестудии), то оператор, снимавший нас, от этой новости практически ошеломлен. Потом он нам сказал, что работает на ТВ более 35 лет, и известие, нами сообщенное, — самое главное, что ему удалось за все эти годы услышать и заснять. Тогда мы поняли, что обратной дороги уже нет...

Мы с Репше — оба физики, и у нас мышление схожее. Но все же немножко и различается. Он — радиофизик, я — физик твердого тела. Я в экспериментальной физике твердого тела вынужден больше моделировать, а он — больше действует по принципу: радиосистема работает — или не работает. Может, поэтому он более бескомпромиссен, а я более эластичен...

Не нам окончательно судить, но как-никак, а эту реформу мы провели. Правда, был еще один очень веский разговор, когда мы начали думать, как менять деньги пенсионерам? У меня было такое предложение: из тех денег, которые имеют только пенсионеры и только в сбербанках, первую тысячу менять не 1:200, а 1:10 или даже 1:1, остальное — заморозим. И наличность можно выдавать только в чрезвычайном случае — понятно, в каком. Но когда мы стали смотреть, какую это ликвидность потребует... Мы моментально «садим» Госбанк — Репше мне на цифрах показал, что так делать нельзя...

Когда уже ввели лат, Репше держался очень сильно против многих попыток девальвировать, обесценить лат. Когда пошли гиперинфляционные эффекты — еще при «репшиках» — и под за-

ем спрашивали страшные проценты (в Госбанке — 60 и более), то все представители промышленных предприятий заявили: это Репше нас душит! Но я поддержал его, а не министров, которые на него основательно наезжали. Я сказал: «Баста — это плата за лат». И он удержался — это заслуга Репше...

— *Для Вас — как для человека, а не политика — чего из времен Народного фронта сейчас не хватает? И о каких вещах Вы вспоминаете с неприязнью?*

— У меня какая-то интересная жизнь. Столько было всякого-разного, что, наверное, мозг, щадя себя, вычеркивает какую-то часть былого. Просто — стирает, чтобы освободить место для новых впечатлений, подготовиться к новой жизни. У меня этих жизней было много. Если ответить на Ваш вопрос в чисто эмоциональном плане, то... моя натура, наверное, такая, что я живу по принципу партизана: готовлюсь к худшему, надеюсь на лучшее. По моим воспоминаниям, тогда была борьба — она была настолько изнурительной, что требовала всех, исключительно всех сил. Даже можно сказать, что в этой борьбе так и не наступало чувство внутреннего удовлетворения. Наверное, так оно и есть — если ты борешься до конца, на 120 процентов, то у тебя нет возможности оценить результаты. Почувствовать их не удастся...

Скажу только о двух вещах — определено положительных. Первое: у нас, в конце концов, есть свое государство. Это качественное развитие: до того не было государства, а сейчас — есть. Вопрос, как его улучшить в материальном, моральном, социальном плане — этот вопрос, мне кажется, бесконечен. Вот что мне представляется главным результатом нашей деятельности.

И — второе. Мне все-таки кажется, что нам удалось в полной мере произвести революцию, хотя я не знаю, как нам это удалось. По всем результатам, по всем направлениям и реформам эта революция не отличается от многих прошлых кровавых революций. Мы полностью сменили экономическую формацию, и политическую — тоже полностью. Самым положительным моментом я считаю, что — в силу ряда обстоятельств или случайностей (или такой личный настрой был у меня), — нам удалось в своих действиях остаться на рубеже, за которым начинается насилие.

А что касается отрицательных аспектов... Тут нет простых ответов. Я, когда начинал всю эту деятельность в 1988 году, очень смутно представлял, как мы выйдем из Союза, однако искрен-

не надеялся, что это, если удастся, поможет не только латышам, но и тем нелатышам, которые здесь живут. И что в конце концов все эти процессы пойдут на пользу всем, и, рано или поздно, этот метод — парламентский, спокойный — докажет свою привлекательность не только латышам, для которых это — чисто иррациональное, свое государство. Но, боюсь, эти проблемы здесь из-за каких-то чисто объективных причин затормозились. Тем не менее, я надеюсь, что процесс будет продолжаться. Поэтому интеграция в Европу очень важна для нас. Все же процесс интеграции ведет к тому, что и латыши, и нелатыши — особенно молодое поколение — будут больше смотреть на свое государство, а не на другое.

11. ДАЙНИС ИВАНС, ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАРОДНОГО ФРОНТА ЛАТВИИ

Иванс Дайнис (1955) — закончил Латвийский государственный университет (латышский язык и литература), в 1978–1979 сотрудник Музея театра, впоследствии корреспондент, ответственный секретарь журнала *Skola un ģimene* (Школа и семья). В 1987 начал активную кампанию против строительства Даугавпилсской ГЭС. Состоял в КПСС. В 1988 избран председателем Народного Фронта Латвии. В 1989–1991 народный депутат СССР, одновременно с 1990 депутат и первый вице-спикер Верховного Совета Латвийской Республики от фракции Народного Фронта. В 2001–2009 — депутат, руководитель комитета Рижской Думы от Латвийской социал-демократической рабочей партии. В 2012 избран почетным членом Академии наук Латвии.

— *Вас в свое время увлекла тема защиты окружающей среды — в частности, Даугавы; Вы написали об этом серию статей. С чего все началось?*

— Тут было много исходных факторов — как всегда, и объективных, и субъективных. Во-первых, сама по себе перестройка — ведь с нее, в принципе, и начался период, когда люди стали более активно интересоваться окружающим, всем происходящим вокруг.

В 1986 году мне довелось провести лето в тещином доме в сельской местности, где отдыхали мои дети, и, в общем-то, увидеть подготовительные работы по строительству Даугавпилсской ГЭС. И, наблюдая происходящее, я испытывал сожаление, что ни красот природы, ни ее первобытности — словом, ничего из того, что еще было там до приезда строителей, уже не увидят мои дети. Возникла идея — почему бы не написать об этом!? Мне казалось, что это очень просто — сел, написал, облегчил душу. Кто скажет, что это где-то не откликнется? Хотя строительство уже началось...

И вот — позднее уже — я встретился в Союзе писателей с Артурсом Снипсом, инженером-энергетиком по основной профессии, но уже, однако, издавшем первую книжку прозы. Я рассказал ему о строительстве под Даугавпилсом, его это живо заинтересовало, и мы оба начали собирать материалы.

Поскольку это был в Латвии, может быть, первый пример острого протеста против хозяйственной политики СССР (как-никак Даугавпилсская ГЭС — один из крупнейших проектов Госплана), то с публикацией нашей критической статьи произошла, конечно, большая заминка — статья пролежала в газете «Литература ун Максла» где-то около месяца. Следует отметить, что в Советском Союзе такие издания, как «Литературная газета» и республиканские литературные газеты, были своеобразными клапанами, что ли, — для спуска внутриобщественного избыточного давления: они служили как бы для «выпуска пара» и были несколько свободнее, чем остальные СМИ. Хотя, конечно, все ровно были под неусыпным контролем властей.

И тут произошло удачное совпадение обстоятельств: редактор газеты, опытный Шкапарс, неделю отсутствовал в редакции, и главным вместо него оставался его заместитель Виктор Авотиньш. Он-то и воспользовался случаем (тем более, что и цензура в то время уже ослабла — начался горбачевский период!) и разрешил публикацию нашей статьи...

В те дни казалось, что моя квартира превратилась вдруг в настоящий штаб революции. Моментально начались бесчисленные звонки, тут же дала о себе знать общественная реакция, а также реакция со стороны ЦК. Последовал запрет всех публикаций о Даугавпилсской ГЭС. То есть, в принципе, начался очень серьезный процесс. Так что мое наивное представление, что все обойдется одной статьей — я обращаю внимание на проблему и точка! — разбилось уже где-то через месяц. И я понял, что, хотя это и довольно трудно, но в моей профессии очень важно — быть готовым к тому, что ты обязан будешь проследить весь процесс, которому сам и положил начало, до конца.

Во-первых, мы начали содействовать тому, чтобы латвийская Академия наук создала специальную комиссию, которая бы аргументировано исследовала все плюсы и минусы однозного строительства. Во-вторых, мы даже сами ездили в Москву, и нам с помощью ученых удалось созвать в Риге заседание тогдашнего Совета биосферы Академии наук СССР. Это в истории Латвии перед Атомодой — единственный прецедент, чтобы ученые такого уровня собрались для обсуждения одной лишь проблемы нашей республики. Нам удалось пробить информационную блокаду, которую осуществлял ЦК Компартии Латвии, с помощью Георга Целмса, который был собкором «Литературки» в Латвии. И наш со Сний-

сом материал был адаптирован, статью переписали, сделали русскую версию для всесоюзной «Литературной газеты». И, в принципе, наш ЦК КПЛ после этого оказался в изрядном шоке — ведь тогда считалось, что если уж Москва сказала слово, то это весьма серьезно: это уже не запретишь, как можно запретить что-то здесь, у себя дома.

В результате нам удалось добиться вот чего: прошел год, и перед 23 августа 1987 года — как раз накануне годовщины пакта Риббентропа-Молотова — Совет министров СССР принял решение об отмене строительства Даугавпилсской ГЭС. А ведь в это уже было вложено около 20 миллионов! Я думаю, здесь уместна такая аналогия: мы сумели нажать нужную пусковую кнопку в нужный момент.

— *Вы участвовали в манифестации 23 августа 1987 года в связи с годовщиной подписания пакта Риббентропа-Молотова?*

— Я был тогда здесь, в Риге. Однако в манифестации не участвовал — я узнал о ней из западных радиоголосов. И видел только газетные отклики. А на следующий день пошел к памятнику Свободе со своими детьми, но милиционеры оттолкнули меня... Словом, активным участником этой демонстрации не являлся — я ведь не был знаком ни с кем из группы «Хельсинки-86», ни с другими диссидентами и активными людьми, организовавшими манифестацию.

— *Но Вы были участником собраний на квартире Авотиньша в начале 1988 года, когда разрабатывались платформы для творческих союзов...*

— Да, знаете, я был тогда довольно активным публицистом. Помню, что после статьи о Даугавпилсской ГЭС стал работать буквально в пожарном темпе: я оказался востребован с разных сторон. Из-за этой сумбурной будничности я лишь знал, что идет выработка платформы, но сам в этом не участвовал. Мне показали уже готовый текст первого манифеста Народного фронта и предложили его подписать. Помнится, как раз мой друг Артур Снипс принес его. И я подписал. И немедленно начались новые сложности: ЦК запретил публиковать это первое объявление об образовании Народного фронта. Причем, мне звонили из ЦК и говорили, что, мол, я — *хороший парень*... Короче говоря, там складывалась любопытная ситуация: со мной — вроде бы диссидентом —

принялись (в русле перестройки) заигрывать, налаживать *добрые* отношения.

— Ну да, Вы же ездили в Москву на XIX партконференцию.

— Да-да-да! Но это было до первого манифеста Народного фронта. И вообще, на партконференцию я попал, по-моему, совершенно неожиданно для ЦК. Накануне было собрание в Доме Печати — в связи с выдвижением кандидатов, и вдруг все проголосовало за меня и за Викторса Авотиньша. Газета «Падомью Яунатне» организовала большой общественный опрос, и люди также проголосовали за нас.

Продолжалось все не менее интересно: мне вдруг позвонили домой из ЦК Компартии. Я даже несколько растерялся: с такими господами еще никогда не приходилось разговаривать. Вот мне и сказали: «Вам необходимо к нам явиться». Я ответил, что не могу — должен сидеть дома: у меня дочка руку сломала, и мне надо за ней присматривать. Мне говорят: «Ничего, мы поможем. Так что — давайте!». И уже минут через двадцать прибыла черная «Волга», и меня повезли. А там, оказалось, идет пленум ЦК, и на повестке — утверждение кандидатов на XIX партконференцию. Одна из работниц ЦК стала смотреть за моей дочкой, а я пошел в зал. И мою кандидатуру, предложенную на собрании в Доме печати, утвердили. Тут забавно было наблюдать за обменом мнениями отдельных участников пленума, за тем, как выяснялись отношения между консервативным крылом ЦК Компартии Латвии и ее более светлыми силами.

— И кто был эти «светлые силы»?

— Ну, во-первых, — Албертс Каулс. А из консерваторов выделялся Алфредс Рубикс. В роли оппозиции Рубиксу выступили также — писательница Регина Эзера, Янис Петерс, Марис Чакалс. И был любопытный инцидент: во время пленума Центрального Комитета Рубикс, помню, заорал: «Марис Чакалс! Кто Вам позволил записывать наш закрытый пленум?!» Поскольку я был в числе приглашенных, то должен был сидеть смирно и слушать, но все же я не просто слушал, а и кое-что записывал тоже — не на магнитофон, конечно (его у меня тогда и не было), а на бумажке. И потом, выйдя из здания ЦК, я рассказывал обо всем, что видел и слышал на этом собрании, — и в своих публикациях, и во время встреч с избирателями.

В принципе, это был интересный пленум — по крайней мере, как-то прояснилось будущее Латвии, обозначилась линия раздела в самой КПЛ. Ведь до того Рубикс в моих глазах был прогрессивным мэром Риги, и тут я впервые увидел его совершенно иным. Он, помню, сказал: «У нас в Адажи есть танки!». И Каулс ответил: «А мы не будем давать танкистам продовольствие!». Правда, этот разговор состоялся уже после известного расширенного Форума писателей Латвии.

За довольно короткое время я подготовил довольно большую критическую статью — не то для «Советской молодежи», не то для «Цини», — в которой речь шла о том, как обстоят дела с юрмальской проблемой, с даугавской. И когда делегаты партконференции рассказывали журналистам о происходящем, Борис Пуго, бывший в то время еще Первым секретарем ЦК КП Латвии, вдруг говорит в своем выступлении: «Считаю, что журналистам надо писать, как Дайнис Иванс». Я даже онемел от такой похвалы — я так и не понял, что за этим на самом деле крылось? Возможно, какая-то попытка руководителя компартии сманеврировать, найти общий язык с новыми силами, появившимися тогда на политической сцене ...

— *Почему, на Ваш взгляд, Пуго перестал быть Первым секретарем компартии Латвии? Он ушел по собственной воле, или его снял Горбачев?*

— Я считал, что, по-видимому, его все же снял Горбачев. Не так давно я узнал, что тот знаменитый приезд Горбачева в Латвию, когда он здесь был в Музее красных стрелков, — это был как бы неофициальный визит в Латвию, приуроченный ко дню рождения Бориса Пуго. И, по-моему, отставки Пуго в этой ситуации добился народ — мнение народа. Вы ведь, наверно, помните, как Пуго еще раньше заявил, что Латвия не допустит образования Народного фронта?.. И вот Горбачев, когда эти Фронты стали возникать, послал в Балтию своих эмиссаров. Тогда в Латвию, в частности, приехал Александр Яковлев. Я думаю, что именно Яковлев и посоветовал Горбачеву сменить Первого секретаря ЦК Компартии Латвии, — это я понял после одного разговора с ним где-то в конце прошлого года. Хотя Борис Пуго, в принципе, был человеком, поддерживавшим Горбачева, тем не менее, Яковлев посоветовал сменить его. Потому, видимо, что считал: у такого Первого секретаря, который не имеет поддержки среди новых демократических

сил, у которого нет хотя бы даже нейтральных с ними отношений, — ничего хорошего с Перестройкой не выйдет. По всей вероятности, Горбачев был просто вынужден его снять, и это, я думаю, было довольно разумное решение.

Вместо Пуго, как Вы знаете, стал Янис Вагрис — человек немногословный, никогда, к сожалению, не пояснявший мотивации тех или иных своих решений, действий ЦК — вообще больше молчавший. Он был неплохим Первым секретарем ЦК. Почему неплохим? Да потому, что, в сущности, не был ни реакционером, ни особым прогрессистом. И, в принципе, никому не мешал, старался ничего резкого не делать — то есть, как бы отстранялся от всего. Это позволяло Народному фронту действовать, набираться сил.

— *А какие до образования Народного фронта у Вас были отношения с Петерсом? В какой вы находились иерархии? Все-таки он был членом ЦК!*

— Знаете, я ведь в то время был всего лишь — пусть и набиравшим популярность, но все же, рядовым журналистом. И с Петерсом у меня, в общем, не было каких-то особых отношений. Когда-то, помню, — во время семинара молодых литераторов в Союзе писателей, — я немного побеседовал с ним. Я был с ним, естественно, на «вы». И для меня было полной неожиданностью, когда Петерс выдвинул меня на пост председателя Народного фронта. На эту тему он ни с кем не советовался — видимо, опасаясь, что будут противники моей кандидатуры, которые могут добиться, чтобы меня забаллотировали. Так что — ни я ничего не знал, ни кто-то другой — только один Петерс. Надо полагать, что это с его стороны было мудрое решение. Во всяком случае, я никогда не был человеком, который все оценивает по принципу «черное-белое». Не был никогда радикалом — ни в одну сторону, ни в другую.

В процессе усиления Народного фронта, расширения его влияния, особенно после I съезда, было видно, что разные радикальные силы пытались разорвать наше движение на отдельные потоки. И возможно, я — как журналист, который сделал что-то прогрессивное, — был для большей части людей, поддерживавших Народный фронт, приемлем в качестве председателя..

— *Расскажите, пожалуйста, как появилось обращение от 31 мая? Ведь, как мы помним, вначале речь шла о каких-то кон-*

федеративных отношениях, а 31 мая вдруг было объявлено о полном разрыве с СССР.

— Да. Но то уже был период, когда работа народных депутатов СССР зашла в тупик. Для депутатов от Народных фронтов, для Балтийской депутатской группы (нас, кстати, поддерживала еще группа российских демократов во главе с Андреем Сахаровым) главными были две цели. Прежде всего — добиться признания пакта Риббентропа-Молотова. О важности этого свидетельствует и то, что в «Советской России» была напечатана статья, в которой резко критиковались попытки признать недействительность данного пакта и тайных протоколов.

— *Но ведь это же было признано I съездом НФ.*

— Да-да! Но лишь — когда нам удалось добиться создания специальной комиссии, которая должна была исследовать все материалы — и сам пакт Риббентропа-Молотова, и эти тайные протоколы, должна была доказать, что они существовали. В конце концов, то был документ, по которому была разделена Европа. И немаловажно, что председателем данной комиссии (думаю, что это тоже была наша победа) назначили Александра Яковлева.

Жаль, что уже в середине лета 1989 года работа той комиссии зашла в тупик, — руководители Верховного Совета СССР, особенно Лукьянов, пытались добиться, чтобы эта работа вообще была свернута, и чтобы никакого решения по данному пакту не было принято. Не зря, например, в той же «Советской России» появилась статья с характерным названием: «Что означает для нас признание договора незаконным?» В ней детально были расписаны все возможные — ближние и дальние — последствия, которые позднее и осуществились. Иначе говоря, уже тогда в Советском Союзе были люди, которые понимали суть дела и предвидели, что признание этого пакта неизменно приведет к распаду СССР, и — в первую очередь — к независимости балтийских стран. В том числе — к вопросу гражданства.

— *Все так, но тогда ведь Народный фронт анонсировал «нулевой вариант» по гражданству.*

— Я так скажу: то, что касается пакта Риббентропа-Молотова, не касалось ни одного варианта гражданства, ни другого. Главным для нас было — добиться признания существования этого пакта. А что касается политики Народного фронта, то была

выбран именно парламентский путь. Это было и моим решением — только парламентский путь, легальные методы достижения независимости. Я, между прочим, был единственным из депутатов Верховного Совета Латвии, который не голосовал, когда был поставлен вопрос о гражданстве. Потому что я такое голосование не считал правильным. Я считал, что принцип гражданства — дело выбора. В то время это действительно так и планировалось. Возможно, мое мнение было ошибочным, но я полагал тогда, что статус жителя Латвии каждый должен иметь возможность выбрать: будет ли он гражданином Латвии, будет ли он гражданином России или, быть может, выберет местом жительства какое-нибудь третье государство. Да, мое решение не было принято на Верховном Совете, и по этой причине я просто не голосовал.

— *Когда Вы в первый раз поехали за границу от Народного фронта? И как складывались Ваши отношения с эмиграцией?*

— В первый раз мы группой выехали в марте 1989 года. Нас пригласили латышские социал-демократы Швеции — ведь там заграничный комитет ЛСДРП существовал и после оккупации Латвии. А неофициальным приглашающим выступило Министерство иностранных дел Швеции. Мы — Янис Юрканс, Валдис Штейнс и я — нанесли тогда визит к замминистра иностранных дел Швеции Перу Шорри. И к Лайле Фрейвалде, латышке, которая была министром юстиции.

Это стало, во-первых, знакомством с латышской диаспорой, и, во-вторых — широкой коммуникацией со средствами массовой информации Швеции. Нас много интервьюировали, и мы откровенно рассказывали обо всем, что происходит в Латвии. Тогда в Швеции как бы с некоторым удивлением говорили: «А ведь мы вопрос о политике шведского правительства в отношении признания оккупации Балтии. Как вы знаете, Соединенные Штаты, другие западные страны не признали легитимности «присоединения» Балтийских стран к СССР, а Швеция — признала. Но после наших переговоров стало ясно: именно этот статус признания (они признали инкорпорацию Балтии в Советский Союз) и позволил шведскому правительству более активно нас поддерживать, чем, к примеру, правительству США, которое, в принципе, даже не могло послать сюда своих представителей — въезд в оккупированную страну был запрещен...

Последствия этого нашего визита обозначились сразу: Ригу посетил генеральный консул Швеции в Ленинграде — Томас Бертельманн (впоследствии он был послом Швеции в Латвии), здесь он встретился с представителями руководства Народного фронта. Не менее существенным следствием было и создание в 1989–1990 годах шведского консульства непосредственно в Латвии, которое нам очень помогло, когда у нас начался кризис власти, когда стали строить январские баррикады. Именно с помощью шведов мне удалось пересечь границу и встретиться с конгрессменами Соединенных Штатов.

— *Когда Вы ездили с Юркансом — как между Вами были распределены дипломатические функции?*

— В Народном фронте Юрканс как бы считался референтом по иностранным делам, а я был председателем. Это означало, что человеком, который меня сопровождал во время многочисленных визитов иностранцев сюда, был Янис Юрканс. Примечательно, что уже в то время западные правительства хотели разговаривать именно с нами, — то есть, с Народным фронтом, — а не с официальными властями Латвии. Поскольку считали, что именно мы — реальная власть, власть будущего, а со старыми разговаривать нет смысла. Юрканс вначале не был видной политической фигурой — он был просто чиновником, назначенным Правлением Народного фронта для исполнения... ну, функциональной обязанности, что ли, в силу его знания языков. И только II съезд Народного фронта уже избрал его на политическую должность — министром иностранных дел.

Однако назначение его произошло, я думаю, по активной рекомендации покойного Маврика Вульфсона. Ведь мы хотели главой МИДа самого Вульфсона, но он отказался — из-за своего возраста, как он объяснил. Хотя, по-моему, зря... зря отказался... Вон он и поддержал кандидатуру Яниса Юрканса на этот пост...

А в кризисные дни, когда я уже был зампреда Верховного Совета, а Янис — министром иностранных дел, наши функции снова перераспределились. Мы в то время уже знали, что есть признаки того, что возможно введение чрезвычайного положения в Латвии. Я тогда как раз находился на конференции в Финляндии, и Верховный Совет, еще не зная конкретно, когда может быть официально введено это чрезвычайное положение, в спешном порядке принял специальное решение, по которому мне давались

все полномочия представлять Латвийское государство, если вдруг прекратят свою деятельность Верховный Совет и правительство.

Несмотря на это, я вернулся в Латвию — пересек границу через три дня после того, как были воздвигнуты баррикады. Юрканс уже был здесь. А тогда, еще за границей, был также мой коллега, Бронюс Кузьмицкас, зампреда Верховного Совета Литвы, заместитель Ландсбергиса. Вообще, мы там были шестером — по двое от каждой балтийской страны. Все нам оплачивало тогда шведское правительство — содержание, наши командировки в США, Канаду и другие государства, где мы побывали. И уже в Швеции были тогда между нами поделены сферы влияния — то есть, куда мы должны были ехать просить о поддержке независимости Латвии. Сферой Яниса Юрканса были, например, Германия, Франция и так далее — словом, Европа. Я же с Леннартом Мери, будущим эстонским президентом, должен был ехать в Соединенные Штаты и Канаду. Думаю, это был очень успешный визит. С нами был и Бронюс Кузьмицкас. А другой литовец объезжал Европу вместе с Юркансом. Нам, шестерым, в эти кризисные дни довелось, так сказать, «охватить» едва ли не весь Земной шар, чтобы заручиться поддержкой нашей независимости в разных демократических странах.

— *А Горбунов в то время искал поддержку у Ельцина...*

— Да. И, надо сказать, в Таллине состоялась весьма интересная встреча. Главная инициатива, я думаю, принадлежала тут выдающемуся политику всебалтийского масштаба Эдгару Сависаару — именно он был тем, кто предложил Ельцину немедленно прибыть в Таллин и собрать общее совещание, чтобы решить проблемы, связанные с этим кризисом. И, конечно, Горбунов также был приглашен туда. Было уже, кажется, 14-е января. Я как раз пересекал границу, и Горбунов ехал в Таллин. А 15-го мы уже сидели в шведском МИДе и обсуждали, что делать дальше.

— *Как Вам сама эволюция Горбунова — от секретаря ЦК по идеологии до министра от правоконсервативной партии «Латвияс Цельш»?*

— Знаете — по-видимому, в политике всегда есть такие люди. И, думаю, я сейчас не вправе ни осуждать, ни поощрять его действия. Ну — исторически так сложилось, вот и все. Мы давно и долго смотрели, как Горбунов — человек, возможно, осторожный, знавший

силу компартии, — как он стоял в двух лодках одновременно. И когда были выборы Верховного Совета Латвийской ССР, сложилась довольно любопытная ситуация: мы обратились к Горбунову (он, кстати, был довольно популярен в обществе) с предложением вступить в Народный фронт — Фронт его поддерживал. И Горбунов тогда ответил так: «Может быть, и да». После чего мы и включили его в список. И когда этот список уже набирался в газете «Советская молодежь» для опубликования, звонит вдруг Горбунов и заявляет, что — передумал, что уже не желает, чтобы его оставили в списке Народного фронта. Ко мне тут же прибежал наш руководитель избирательного штаба Марис Стейнс (теперешний руководитель канцелярии Сейма) и говорит: так, мол, и так, Анатолий отказывается, что делать? Мы тут же созвонились с редакцией, я говорю: «А что, если, допустим, он слишком поздно позвонил, вы ничего не знали и попросту не успели его вычеркнуть — такое годится?» И газета сказала: годится. Так вот — по нашей воле, против его воли — его имя появилось в списке Народного фронта...

Ну, и когда решались проблемы распределения власти — у Народного фронта появились, конечно, новые трудности. Ведь по законам политической логики, руководителем Верховного Совета должен был бы стать я — у НФ в нем было подавляющее преимущество. Однако я тогда, быть может, был наивным политиком. Мне казалось, моя жизненная стезя — это журналистика, публицистика, а политика — так себе, на какое-то время. Это и стало главным мотивом, отчего я отказался. Во-вторых, я чувствовал большое давление со стороны: было немало людей, которые прямо мне говорили: «Тебе надо уступить, чтобы Горбунов стал председателем». И я твердо заявил в Народном фронте, что не претендую на председательство. Я сказал, что поддерживаю кандидатуру Горбунова. Вполне может быть, что тут проявилась и наша неопытность — у меня, как я сейчас вижу, тогда определенно не было никакого опыта. Да и время наступило такое, когда практически любой человек за пять минут готов был и мог стать министром — любимым министром, да! Но у меня такой самоуверенности никогда не было, я даже боялся. Как я смогу руководить государством, когда не имею абсолютно никаких навыков руководства даже небольшой редакцией!?

— Но у Годманиса тоже не было опыта, но он руководил правительством. Или у него было больше амбиций?

— С Годманисом — так. Мы рассматривали разные кандидатуры, наконец пришли к решению, что необходима специальная должность — первый заместитель Председателя Верховного Совета. И, в принципе, это было довольно верное решение, потому что вся тяжесть власти — политической власти в Верховном Совете — была все-таки в моем кабинете. Всегда вся шестерка Народного фронта сходилась именно здесь, все решения принимались тоже здесь, и тут же решалось, что и как мы будем говорить Горбунову. Словом, этот пост — зампреда — был предусмотрен для меня.

Теперь второе — кто будет премьером? Конечно, было то же самое — опять стали обсуждаться разные кандидатуры. Вилис Эдвинс Бресис был довольно лоялен к Народному фронту — он являлся как раз тем, кто позволил и кто содействовал организации «Балтийского пути» 23 августа 1989 года, хотя ЦК партии Латвии этому мероприятию серьезно сопротивлялся. Ну и, не исключено, что Бресис был гораздо дальновиднее других. И у нас в Народном фронте образовалось два мнения: или Бресиса в премьеры, или Годманиса. Их и начали обсуждать.

Помню, сидит в кабинете Годманис и говорит: «У меня есть такие плюсы: я — математик, физик, знаю столько-то иностранных языков: немецкий, английский, русский... В качестве зама я, по сути, уже год и руководил Народным фронтом. Умею говорить с народом... Но, — продолжает, — у меня есть минусы: я никогда не руководил ни одним предприятием — ни государственным, ни муниципальным. Но (он загибает палец, затем — отгибает) — я считаю, что это не минус, а скорее плюс, что правительством будет руководить новый, свежий человек...».

Конечно, мы очень сомневались — сможет ли? Должен прямо сказать: мы были и немало напуганы, поскольку фактически были людьми оппозиции, которые до сих пор не имели никакого отношения к власти. И вдруг она, власть, — в наших руках! В наших руках вся республика!.. Это же очень и очень серьезно! Да и республика-то — в ситуации кризиса! В ситуации, когда у нас — ни правовой власти, ни репрессивной, ровным счетом ничего нету. А есть только одно: Декларация независимости... Однако не оставалось ничего кроме как пойти на это, и мы пошли... Думаю, когда мы уже прыгнули в эту холодную воду, для сомнений уже не оставалось времени...

Я помню — может быть, даже не в негативном плане, — что-то похожее на кошмар. Время сессии Верховного Совета. На-

кануне я пришел домой в два ночи, а в семь утра проснулся. Родные даже поговорить со мной не могли. Дети говорят: «Папа, тебя же никогда не бывает дома...» Все шло в какой-то страшной спешке — у нас даже не было испуга, что бы там ни приключилось, — все уже переросло в страшную рутину. Но нередко именно в такие моменты, когда очень сложно принять решение, и тебе приходится идти совершенно нехоженым путем, ты как-то необъяснимо, — автоматическим, что ли, — выпутываешься и поступаешь верно. Мне теперь даже как-то удивительно, что тогда мы — и в экономическом, и в политическом, и в национальном отношении — принимали правильные решения. К сожалению, именно теперь, когда есть время дискутировать, обсуждать, рассуждать, мы в некоторых областях уже отошли от этого...

— *Приватизация по Годманису была правильной?*

— Приватизация была не самой главной задачей Верховного Совета. А главной была — достижение независимости. А приватизация — это уже другой, параллельный, можно сказать, вопрос. И началась она не в наше время, а лишь с того момента, когда Латвия была признана независимой де-юре и де-факто иностранными государствами. Может быть, Вы помните, какой тогда процесс пошел? У меня было ощущение, что я вдруг очутился в какой-то трубе, что у меня больше нет союзников. Откуда-то — отовсюду — повыползли некие люди второго эшелона, создался «Клуб 21», потом — партия «Латвийский путь», все занялись самоорганизацией...

По правде, уже в то время, когда мы только еще собирались с силами, чтобы руководить государством, — уже тогда затрагивался вопрос о сертификатах, о реституции собственности... Да, я могу повторить: было допущено немало ошибок, но то были вполне поправимые ошибки. И, по-моему, основные ошибки этой «прихватизации», были, в общем-то, допущены после провозглашения нашей независимости. Потому что люди, которые уже несколько отдохнули от политики, по-деловому осмотрелись, наметили, что им и как делать и со свежими силами выплыли на первый план, а нас — оттеснили. Может, все произошло и не в таком гротескном виде, как, скажем, во время знаменитой Французской революции, но все же и тут была подтверждена аксиома: революция пожирает своих детей. Что начинают ее, революцию, идеалисты, а затем... словом, и так далее...

— Уделим несколько внимания вопросу участия Латвии в военных альянсах... Народный фронт, как известно, ставил своей целью именно борьбу с милитаризмом, военными базами СССР. Репие как раз возглавлял в Народном фронте комиссию по демилитаризации. Сейчас он — министр обороны. Какой-то парадокс получается... Такие огромные средства тратятся теперь на вооруженные силы. Не кажется ли Вам, что это — один из примеров отхода от политики конца 80-х годов?

— Нельзя не учитывать, что политика обладает свойством меняться. В то время, когда мы создавали Народный фронт и уже как бы наметили будущее государства, нам многое представлялось иначе, о многом мы тогда могли лишь мечтать. Например, только после создания Народного фронта сюда прибыла делегация Европарламента и гостила у нас. И нам даже во сне не могло присниться, что Латвию когда-нибудь примут в Евросоюз, — ничего подобного нам и в голову не приходило. В том числе, не могли мы предполагать и никаких коалиций. И, когда перед принятием Декларации независимости, мы — трое представителей новой власти: Имарс Бишерс, Анатолий Горбунов и я — приехали к Горбачеву, мы проинформировали его о положении дел у нас и заверили, что мы будем принимать Декларацию уже после Литвы. Там в этот момент сидел и Рыжков, тогдашний премьер-министр Советского Союза. Мы говорили, что не претендуем на какие-то военные силы, а хотим просто, чтобы советские войска были выведены. И Рыжков этак посмеялся: «Ничего, мы поделим и армию — вам же армия тоже пригодится!» Мне казалось тогда — это несерьезно. Тем более, вот в 1989-м была первая Балтийская Ассамблея — в Таллине, как раз перед Съездом народных депутатов, — и там была принята очень интересная резолюция: Балтийские страны в будущем будут жить в демилитаризованной Балто-Скандинавской зоне. И это — наша цель... Вот как было.

Конечно, то, что теперь мы в НАТО, и что у нас свои вооруженные силы, находится в полном противоречии со всем этим. Но это — уже так называемые оперативные изменения текущей политики. Поскольку нам противостояла и другая политика — нацеленная против нас. Да, возможно, в том наша наивность, что мы представляли свое дальнейшее существование вне альянсов, разных блоков. Так или не так, но история, как видим, распорядилась по-своему...

— *Как Вы считаете: поколение политиков Народного фронта имеет в современной Латвии какое-то будущее?*

— В принципе, думаю, да. Потому что если говорить о политике идеалов, то ее все-таки в большей степени воплощали те люди, которые вышли именно из Народного фронта. Я думаю, это — тот же Иварс Годманис, тот же Янис Юрканс, придерживающийся все-таки своих прежних принципов. Да и тот же Эйнарс Репше, который как раз ради этих идеалов и пытался создать свою партию ... Будущее у прежних политиков есть уже хотя бы потому, что того опыта, который мы приобрели за короткое время перехода от СССР к независимому государству, не может приобрести ни один политик даже за 50 лет работы в условиях, аналогичных современным. И не исключено — я все еще не теряю надежды, — что у иных политиков Народного фронта (не у всех, конечно, — люди-то тоже меняются) еще остался какой-то дух ответственности перед людьми за свои поступки. Ведь вот, например, я хорошо помню, что, когда мы были в Верховном Совете, нам было как-то очень неловко принимать решения относительно нашего, скажем, депутатского благосостояния. А теперь, смотрю, принятие подобных решений господами депутатами Сейма — абсолютно в порядке вещей. И потому, наверно, новый Сейм иногда кажется больше похожим на базар, нежели на структуру, которая призвана выстраивать политические принципы.

Тем не менее, я все-таки надеюсь, что люди из Народного фронта, которые разочаровались в современной политике, могут вернуться и успешно работать. Во всяком случае, я думаю, что принципы честности, ответственности, — принципы, прямо говоря, толерантности, которые первенствовали в Народном фронте, — они должны вернуться. И кто-то — человек, который был в Народном фронте, или его преемник, — должен именно физически войти, внедриться в латвийскую политику. Наша короткая история стоит того, чтобы ее не забывали, чтобы все прошедшее постоянно и внимательно анализировали.

12. АНДРЕЙ КРАСТИНЫШ, ЭКС-ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЛАТВИИ

Крастиныш Андрейс (1951–2008) — закончил Латвийский государственный университет (правоведение). Работал следователем прокуратуры Латвийской ССР, начальником отдела реализации лотереи «Спортлото», членом коллегии адвокатов. Состоял в КПСС. В 1988 стал одним из инициаторов создания Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ). В 1990–1993 — депутат Верховного Совета Латвии, вице-спикер парламента, координировал деятельность силовых структур. В 1993–1998 депутат Сейма, в 1998 — министр внутренних дел, в 2005 избран в депутаты Рижской думы от Народной партии. В промежутках политической карьеры продолжал адвокатскую практику, являлся фигурантом ряда должностных и имущественных скандалов.

— *В начале 1990 года Вы были в Движении за национальную независимость Латвии. Как Вы стали вице-спикером — ведь ДННЛ было против Верховного Совета?*

— Можно сказать, против участия в выборах в Верховный Совет были лишь отдельные наши активисты. В целом же Совет ДННЛ — то есть, абсолютное большинство — проголосовал за участие в этих выборах, считая их одним из этапов восстановления независимости Латвии. Мы участвовали, соответственно, под покровительством Народного фронта — то есть, как кандидаты Фронта. Лишь один из представителей нашего Движения участвовал в этих выборах индивидуально — это был Одиссей Костанда.

После выборов, когда уже были объявлены результаты, образовалось что-то наподобие предварительной фракции Народного фронта в новом Верховном Совете, на заседании этой фракции и решался вопрос — кого рекомендовать в заместители председателя? Еще за день до того правление Народного фронта предложило на этот пост меня. И все-таки на заседании нашей фракции мне пришлось соревноваться с Янисом Диневичем. В итоге меня поддержало большинство, включая председателя Горбунова. Так я и занял этот пост.

— *Возможно, тут сыграло свою роль то, что в свое время Вы работали в силовых структурах Латвийской ССР?*

— Абсолютно нет. Скорее, наоборот, это могло сыграть негативную роль.

— *Но Вас назначили ответственным именно за сферу безопасности Верховного Совета.*

— Это было уже потом, когда приближался кризис: ноябрь, декабрь... Да и просто у меня были кое-какие знания в данной сфере.

— *До этого было еще и 15 мая — манифестация военных, курсантов. Какую цель преследовали эти люди?.. Неужели действительно хотели занять Верховный Совет?*

— По моему мнению, абсолютное большинство из них — да. Это была масса, которую направляли идеологически более умные и расчетливые люди, явно из других военных структур. Все там было согласовано. Манифестанты, можно сказать, выполняли задание командования. Конечно, некоторые присутствовали там и по личным мотивам — они были против новой власти, выражали протест. Вообще тогда в Советской Армии были разные течения.

— *У Вас были связи с какими-то офицерами-латышами в Советской Армии?*

— Нет. Но после августа появились — причем, я бы сказал, отнюдь не латыши. Были, например, офицеры-украинцы, которые приходили ко мне с предложениями остаться в Латвии со всем своим «инвентарем», предлагали заняться передачей своего опыта. Знаю даже некоторых генералов, кто вполне серьезно вынашивал такие планы. Но это было связано, главным образом, с тем, что у них в Латвии образовалась недвижимость. И все же у некоторых преобладали чисто идеологические мотивы. Украинцы предлагали остаться здесь со своими ракетами и защищать небо Латвии.

— *В конце 1990 года было решение Верховного Совета прекратить материальное снабжение Вооруженных Сил СССР. Почему оно было принято?*

— Эксцессы со стороны Вооруженных Сил были — например, взрывы памятников и так далее. Зачастую было очевидно участие в этом структур Вооруженных Сил. Было это ГРУ или контрразведка — не могу сказать, но такие недружественные отношения к Латвии, ее Верховному Совету имели место. Сам Кузьмин, будучи го-

разд на слово, признавал это, делал всякие заявления. К слову, нам было известно о приказе министра обороны Язова об уничтожении памятника латышским бойцам в поселке Море, который взорвали морские пехотинцы специальной миной. Было совершенно ясно, кто это делает. Потому и реакция возникла соответствующая...

— *Но все-таки блокада как таковая не состоялась, материальное снабжение армии не было прекращено. Достигли какого-то компромисса?*

— Не компромисса. А просто приняли такое... более политическое решение, нежели практическое. Поскольку явных структур, которые могли бы это «неснабжение» осуществить, у нас, в общем-то, не было. Тем более, что речь вовсе и не шла о блокаде, а просто — местная хлебопекарня или мясокомбинат могли прекратить поставки. Вот и все.

— *Расскажите, как создавались первые отряды «стражей порядка» Верховного Совета?*

— Преимущественно там работали Одиссей Костанда, Георг Бесхлебников (теперь Майзникс), многие другие, кто потом вступил в Земессардзе. Кроме того, существовал Первый полицейский батальон под командованием Вецтиранса — он был создан по принципу «латышского ОМОНа» и проходил этап становления, тренировок. К тому времени эта воинская часть явно не была еще боевым подразделением.

— *Поэтому возникла идея задействовать милиционеров из районов?*

— Да. Тут был и вопрос лояльности.

— *Вы не считали рижских милиционеров лояльными?*

— Абсолютно — нет. Есть даже решение знаменитого собрания в Доме конгрессов Рижского гарнизона милиции, где была выражена мысль о ликвидации Верховного Совета, о неподчинении законам Латвийской Республики и так далее.

— *Но ведь двое погибших 20 января — славяне, милиционеры Гоминович и Кононенко.*

— Они выполняли долг, да. Я не знаю, были ли они на том собрании в Доме конгрессов и какая у них была мотивировка в том

сопротивлении Рижскому ОМОНу. Но как бы там ни было, а они выполняли свой служебный долг по охране общественного порядка. Один — в помещении министерства: Гомонович погиб на лестничной площадке, убит в спину. А Кононенко — на Бастинной горке.

— *Вы считаете, что однозначно: ОМОН первым напал на МВД?*

— Однозначно.

— *И не было никакой «третьей силы», о которой немало говорилось?*

— «Третья сила» была. И я знаю, где она размещалась. Часть — в военном санатории в Юрмале; там у них был пункт сбора. Другая часть находилась при штабе ПриБВО. Спецназ ГРУ это или другие силы — но они здесь были, действовали. И здание ЦК некоторые из них посещали.

— *Не кажется ли Вам, что это как-то чересчур странно: почему они вмешали в это дело ОМОН? Если действовали такие супер-профессионалы, то почему они просто не атаковали стратегические объекты в Латвии?*

— Не атаковали потому, что не получили приказа. И при этом — лучше, чтобы был явно виден ОМОН, чем какие-то экипированные люди. Скажем, в Вильнюсе телебашню «Альфа» штурмовала.

— *Может быть, это была игра Горбачева — разные сценарии испробовать?*

— Я не думаю, что это был уровень Горбачева. Он мог дать только генеральное направление: «Дави их!» Дальше уже штабы разрабатывали, что и как делать. Поскольку захват здания МВД — скорее политический шаг, никакой военной пользы он не приносит. Просто демонстрация силы.

— *Тем более, что они ушли...*

— Ушли, потому что получили приказ сверху.

— *Правда, что Кузьмин, чтобы очистить МВД от ОМОНа, предлагал роту своих десантников?*

— Было такое. Но это означало бы введение прямого президентского правления. То есть, Кузьмин, как командующий округом, взял бы на себя всю власть. Уже после 21 августа — не сам Кузьмин, но Советская Армия, военные — предлагали уничтожить лагерь ОМОНа. То есть пустить группу вертолетов огневого подавления и решить этот вопрос кардинально и окончательно.

— *Почему именно Рубикс стал одним из самых главных ваших противников в то время?*

— Он был, можно сказать, своеобразным символом. Он идеологически руководил ОМОНОм — Млынник и Чецкий паслись с утра до вечера в здании ЦК у Рубикса. Я знаю, что он предлагал весьма кардинальные варианты решения проблемы. И думаю, Рубикс стал лидером Интерфронта или каких-то других антилатвийских сил потому, что его самолюбие было задето. Если бы в начальные времена Атмоды Алфреду Рубиксу что-то практическое предложили — дали, скажем, какие-то посты, — то не исключено, что пусть бы и не стал он полностью на сторону Народного фронта, но и не вредил бы. А так он возомнил себя Первым секретарем ЦК, хотя партия была уже совсем не та, и его членство в Политбюро было уже фактом малозначимым.

— *Тем не менее, отдельных представителей бывлой номенклатуры новая власть удачно использовала — того же Горбунова, скажем. Хотя еще в 1987 году он горячо выступал по поводу «антисоциалистических выходов».*

— Было. И в 1988-м он выступал. Но Рубикс был другой — он очень много мнил о себе. И он не был любимчиком той, старой номенклатуры — он выступал за уничтожение привилегий, дач, шикарных квартир и так далее. Короче — что-то вроде нынешнего Лукашенко в Белоруссии.

— *Вы, помнится, участвовали в переговорах с руководством СССР. Как они проходили?*

— С нашей стороны — довольно серьезно. Хотя мы, конечно, не думали, что это решающий этап. Тем более, что среди нас не было первых лиц государства. Горбунов к тому времени еще в Москву не ездил... Переговоры проходили в Кремле, в Грановитой палате. Были кроме меня Петерс, Кирштейнс, Валентина Зейле, Боярс. Со стороны Союза были Рафик Нишанов и Александр

Дзасохов. Как говорится, «нацмены». Были люди из аппарата Горбачева, из Министерства иностранных дел. Со стороны СССР все сводилось к тому, что, мол, «давайте жить дружно и подписывать новый Союзный договор». Они особенно не вникали в то, что мы говорили, не комментировали это — у них главное было: задавить.

— *Так. Теперь — августовский путч. Почему, интересно, в то время не было никакой народной мобилизации?*

— Во-первых, потому что с той стороны был выставлен пока только ОМОН — он, правда, шел первым, размахивая дымовыми шашками. Но проводили учения и армейские части — десантники и так далее. И только зимой ожидалось военное выступление. К тому времени народ мог собраться и что-то противопоставить. А здесь они уже захватили инициативу — упредили, так сказать, установили контроль над мостами. И что — звать народ идти на пулеметы, против вертолетов?.. Было принято решение этого не делать. Взамен на местах началось ненасильственное сопротивление — абсолютная забастовка, игнорирование постановлений ГКЧП и подчинявшихся ему властей, как, например, штаба Кузьмина, который был назначен главным в проведении политики ГКЧП в Латвии. Все были обзвонены, была организована альтернативная радиосвязь по трансляционным линиям, была и альтернативная телефонная связь с использованием «Латвэнерго» и железной дороги. Так что работа проводилась, сопротивление организовывалось.

— *Вы лично какие-то действия предпринимали?*

— Я был ответственным за то, чтобы работоспособным оставался Верховный Совет, чтобы в нем был кворум и можно было принимать решения. И чтобы было организовано хоть какое-то сопротивление. Теперь уже могу сказать: если бы был отдан приказ ГКЧП, то те бронетранспортеры, которые подходили к Верховному Совету, были бы уничтожены со всем личным составом в течение неполной минуты. Правда, были и сомнения — пожар мог повлиять на Вецригу, на памятники. Но к этому были готовы — здание Верховного Совета было обороноспособно, снабжено «коктейлем Молотова» и более современным оружием. «Мухи» были, одноразовые гранатометы, которые довольно действенны. Были также организованы пути эвакуации и отступления

депутатов и руководства Верховного Совета при атаке и занятии здания. Мы были уверены, что если будет такая атака, то мы ее задержим хоть на какое-то время — сходу, с марша нас не возьмешь. Оставались, само собой, и бетонные стены.

— *Связь с Америкой была?*

— Была. Как ни странно, действовала обыкновенная связь, телефонная. Правда, не такая, как сейчас. Но мне звонили *оттуда*. *Туда* позвонить было сложнее, но тоже можно. Я мог позвонить в Пенсильванию, на большой телефонный центр АТ&Т, и они давали оттуда соединение с любым номером в Соединенных Штатах. Там на коммутаторе был свой человек. Иногда связь, к сожалению, прерывалась, но скоро восстанавливалась и продолжала действовать.

— *Как себя вела фракция «Равноправие»?*

— Многие из них вообще не показывались в эти дни. Хотя я помню злорадное лицо Диманиса. Были и веселые военные, Ягупец. Те, что сидели рядом с нашими, издевались, угрожали: «Где хочешь быть расстрелянным?» Помнится, конечно, и «знаменитое» выступление Рубикса — что, мол, плохо будет сейчас всем... Словом, некоторые из «равноправцев» или вовсе не пришли, или ни слова ни сказали, а некоторые злорадствовали. Когда сидишь в президиуме — это хорошо видишь. Можно сказать, я людей узнал именно за тот год.

— *Почему Интерфронт — как общественная организация — был столь пассивен? Стоило Верховному Совету издать постановление о его запрете — и он бы сгинул.*

— Я думаю, Интерфронт — это все-таки искусственное образование. Есть, конечно, и по Народному фронту разные мнения — о том, кем и как он был образован, — но это был массовый подъем, который охватил все общество, людей самых различных политических взглядов. А Интерфронт создали явно сверху, в отместку Народному фронту. Многие, конечно, вступали искренно, боролись за свои права, но... у Интерфронта не было такой массовой основы.

— *А решение Верховного Совета о совокупности граждан — оно не было принято в отместку за Интерфронт?*

— Нет. Поскольку вопрос гражданства решался с самого начала АТМОДЫ. Я сам в этом участвовал, собирал законодательные акты разных стран. Боярс работал более академически, а я непосредственно участвовал в движении граждан и так далее. У Боярса и Плотниекса была мысль — создать новое государство на основе Латвийской ССР. Мы же с самого начала были только за восстановление, за правопреемственность независимой республики 1918 года. Что есть государство? Это — территория, граждане и власть. Следовательно, если восстанавливать государство — надо восстанавливать и граждан до 1940 года.

— *Но ведь Литва тоже восстановила государственность 1918 года, а закон о гражданстве — «нулевой».*

— Там, вообще-то, вопрос о восстановлении прежней независимости тоже вставал. И есть соответствующая Декларация. Однако они сразу приняли новую Конституцию и новый закон о гражданстве. У них не было реституции законодательства. Это мы оставили все в силе — и потому международные договоры о дипломатическом признании не принимались заново, а лишь восстанавливались.

— *И с СССР тоже?*

— Мы предлагали. Вспоминаю Шелова-Коведяева, Кожокина, Гранберга — они были готовы к дискуссии с нами, в том числе и по договору о границе. Единственный, кто критично к этому относился, был Бабурин.

— *Как Вы считаете, при «раннем» Ельцине можно было бы достичь и решения по Абрене?*

— Вполне вероятно. Я тоже участвовал в этом процессе с самого начала. И у всех тогда было мнение, что нам это необходимо — лишь принципиально, теоретически. Практически же, естественно, у нас нет никаких территориальных претензий к России. Предполагалось, что Россия признает, что СССР включил в свой состав эти 6 волостей незаконно. Поскольку нет ни одного решения, ни одного протокола — был проведен лишь телефонный опрос членов Президиума Верховного Совета. Что они готовы признать: эти волости не являются российскими, но в сложившейся демографической и экономической ситуации соглашаются рассмотреть вопрос о компенсациях за находящуюся там латвийскую

собственность и — чтобы мы провели реституцию. Несправедливо, что это не относится и к самому городу Абрене.

— *Вообще, в вопросе о компенсации — непонятно, кто кому должен. Может, нужен взаимозачет, с калькуляцией построенных в советское время объектов?*

— Нет. Здесь, я думаю, о взаимозачете не может быть речи. Дело в том, что если мы принимаем как факт, что оккупация с последующей аннексией Латвийской Республикой является незаконной (можно говорить «такова была практика в 1940 году», но эта практика была незаконной), то любые действия на территории аннексированной страны — незаконны. В том числе и строительство. И потом — нам что, компенсировать за эти хрущевки, за военные базы и бог знает за что еще, построенное после 1940 года?.. Надо тогда посчитать также, что построено в СССР за деньги латвийских налогоплательщиков.

— *Поэтому, видимо, сам процесс этот достаточно бессмыслен...*

— Нет. Здесь все-таки следует подсчитать прямой ущерб от неправовых действий СССР и, стало быть, России как правопреемника. Это вопрос политический, а не чисто юридический — иначе бы он касался и других республик. Но ведь только Россия потребовала признать себя правопреемником СССР. Это то же самое, как с наследством: если ты принимаешь все наследство, то ты принимаешь и долги. Россия получила в наследство атомное оружие, членство в Совете Безопасности ООН и так далее...

— *В этом плане у ДР достаточно удачная позиция: она принимает в наследство только государство 1918–1940 годов. А то, что было с латышскими стрелками или легионерами в России — это, выходит, уже не Латвийская Республика? И что Борис Пуго, латыш, был главой МВД СССР — тоже?*

— Пуго — латыш? Это еще большой вопрос. Насколько я знаю, Пуго, наверное, больше пяти слов по-латышски не произносил и латышом себя не признавал.

— *А как Вы думаете, почему он застрелился?*

— Нервы сыграли... А почему Ахромеев повесился? Во что я не особенно-то и верю. Потому что он — какой-никакой, а офи-

цер. И если уж что — офицер стреляется, а не вешается на радиаторе отопления.

— *Почему, как Вы полагаете, в Латвии не было повальных самоубийств среди коммунистов после их провала?*

— Поскольку те, кто что-то ощутимо терял, или боялся за свою жизнь, были уже стариками, пенсионерами. У нас не было настолько видных коммунистов, которые боялись бы, что с ними что-то неприятное случится. Хотя я сам еще в шутку предлагал ввести после путча ГКЧП 86-ю статью Сатверсме, предполагающую создание особых судов — военно-полевых... Да, я считаю, было ошибкой, что тогда моментально не были арестованы многие лица из так называемой прокуратуры ЛССР. Вы помните, кто такие были Рейниекс, Дзирланк и прочие! Я сам слышал выступление Дзирланка, когда он говорил о том, что ему очень хотелось бы иметь в руках не «Калашников», а лучше — пулемет, и, чем больше латышей он бы положил, тем было бы лучше. Да, был такой «интернационалист», отчество у него — Курбатович. И такие были, кто очень уж активно выражал свою патологическую ненависть к другим и организовывал насильственные акты. Но тогда с ними очень мягкотело поступили — *мягкая* потому что революция. А ведь там были явные признаки уголовных преступлений!

— *Ну а новая власть, по-вашему, не совершила явных уголовных преступлений — хотя бы в сфере собственности, приватизации?*

— В сфере возвращения собственности законным владельцам? Ошибки там, конечно, могли быть. И немало известно случаев чистого мошенничества. Я сам знаю такой: приехала дама из Мурманска, «дочь ссыльных», присвоила четыре дачи в Юрмале. Потом выяснилось, что она просто по соседству жила с настоящими, реальными ссыльными, знала ситуацию и по подложным документам присвоила их законное имущество.

Ну а насчет приватизации... Правильно, было. Поскольку где большое имущество — там и место для преступлений. Но преступления совершало не государство, а отдельные люди.

— *Которые занимали иногда ключевые посты в государстве.*

— Не всегда ключевые... Больше нагрелись рядовые исполнители.

— *То есть, в целом Вы экономическую политику Годманиса одобряете?*

— Не полностью. Я считаю, что Годманис совершил много ошибок. По-моему, он вообще сначала направил экономическое развитие государства чисто по советскому образцу — по инерции, видимо. Ведь кто были его главные советники? — советские экономисты. Ну, Раманс, скажем, у него был первый авторитет и советчик по экономике. Человек, который всю жизнь проработал председателем Госплана. Он просто и знать не мог обо всех возникших торговых отношениях — отсюда и были эти фонды, закупки... Он не понимал, что вокруг Латвии уже действует свободный рынок — даже на территории бывшего СССР работали кооперативы и успешно торговали. И за взятку можно было получать лицензию и так далее...

То, что цены отпустили — это правильно, пережили это довольно нормально. Но Годманис с самого начала придерживался командной экономики. Он не экономист, у него не удалась карьера ни в банке, ни где-то еще... Это не его сфера.

— *А Репше, Ваш партайгеноссе — более успешен?*

— Какой он партайгеноссе? Он отошел от ДННЛ уже в 1989 году. Он очень охотно учится летать, рисовать, постигает мореплавание — так же, любительски, он заинтересовался и банковским делом. Просто Репше был очень активен в финансовой комиссии — там, где Кехрис председательствовал. Насколько я знаю, Кехрис его и двинул вперед. А в ДННЛ у нас с ним с 1989 года не было отношений — он перешел в НФ, и мы уже тогда говорили: он — не наш.

— *Как Вы оцениваете такой парадокс, что в Латвии, спустя 15 лет после ликвидации социализма, достаточно сильны левые настроения — и среди русской, и среди латышской части населения?*

— Это — социальный вопрос. Левые течения — там, где тонкий кошелек. Что естественно порождает политику социалистского, а не консервативного толка. Кроме того, у нас очень большое число людей пенсионного возраста — тех, кто занимал некогда нормальные посты, работал в советское время. И им всегда хватало на колбасу — возможно, был распределитель. Это целое поколение, которое жило при раздаточной экономике и социалистской системе. Естественно, что они недовольны тем, что у них сей-

час такое скромное материальное положение. Но ведь теперь надо же — *зарабатывать*.

Заметьте: там, где плохо с деньгами, всегда тянутся к социализму, к коммунизму и тому подобному. Именно бедность порождает левые взгляды. А политики, которые у нас пытаются руководить малоимущими (что и по прошлой латвийской истории хорошо видно), — это социал-демократы. В нашем случае — социал-демократы Первой республики, и теперь они — далеко не бедные люди. И просто им иногда удается ловко манипулировать низшими слоями. Или это — от дури... Так бывает, когда богатые люди, у которых достаточно денег, хотят подстегнуть других какими-нибудь модными социальными идеями...

Андрей Тесля

«ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО
К ДАМЕ» В БЛИЖАЙШИХ КОНТЕКСТАХ :
ЧААДАЕВ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА /
Сост. и вступ. ст. М. Б. Велижева. М.:
Common place, 2018. 198 с.¹

Чаадаев — один из самых странных персонажей в истории русской мысли. Он тот, чье имя известно всякому, хоть мельком интересовавшимся русской интеллектуальной историей — но обычно помнят о нем совсем немного: друг Пушкина и декабристов (не вдаваясь в конкретизацию второго понятия), автор «Философического письма...», персонаж «Былого и дум», тот, кто был самим государем объявлен сумасшедшим. Чуть более знающие вспомнят еще «семеновскую историю» 1820 г., кто-то припомнит слугу, в своей элегантности способного поспорить с барином, к удовольствию последнего, замечательный мемуар, оставленный «племянником» Жихаревым о Чаадаеве — один из основных источников наших живых, идущих от современников, сведений о Петре Яковлевиче, коллекция бытовых анекдотов и метких наблюдений от хранителя памяти (Жихарев, кстати, сохранил и целый ряд вещей, оставшихся от Чаадаева — которыми в последующем ода-ривал тех, кому была дорога память о покойном).

¹ Андрей Александрович Тесля - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И. Канта, me8tr81@gmail.com. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Но все это — именно детали, анекдоты, память о грандиозном скандале — или помещение его в некий ряд «деятелей освободительного движения», как любили говорить в начале прошлого столетия и начало чему положил Герцен.

Странность Чаадаева становится заметна при попытке сформулировать суть его воззрений: стоит только выйти за пределы банального пересказа первого «Философического письма...», и сразу же становится заметно, что мы либо уходим в сложную и неоднозначную реконструкцию его философских воззрений в их динамике, либо в первую очередь начинаем говорить о контексте появления и реакции на его текст. Новая книга как раз и предлагает второй подход, обращаясь к контекстам создания и появления письма.

Прочтение, которое предлагает Михаил Велижев, составитель и автор обширного предисловия к книге, целиком оставляет за скобками Чаадаева как философа — автор даже специально делает оговорку, что «философом» он «в настоящем смысле слова» не был:

«Под «философом» в XIX в. могли понимать университетского профессора, занимавшегося философией или историей философии, или ученого, создававшего собственную философскую систему, кроме прочего, существование в культурном поле четко очерченного дисциплинарного «философского» пространства» (с. 15).

Впрочем, с этим суждением согласиться сложно — хотя бы из-за слишком широких хронологических рамок («в XIX в.») и неопределенного географического и социального контекста. Так, буквально на следующей странице автор вспоминает о Вольтере в связи с его «Философскими письмами», но, хотя Вольтер не был ни университетским профессором, ни создателем «собственной философской системы», по крайней мере в общепринятом виде, его и в XVIII, и в XIX веке зачастую именовали «философом», как, например, и Дидро — далекого от систематической философии. Да и, к примеру, московские юноши 1820-х годов считали, что занимаются именно философией — испытывая, правда, тягу к системе, но создавая тексты, родственные скорее Чаадаеву, чем отсылающие к некоему «четко очерченному дисциплинарному «философскому» пространству», говорить о котором по мень-

шей мере применительно к России затруднительно и касаясь даже начала XX века².

Несмотря, однако, на это несогласие по конкретному поводу — сам избранный автором подход, рассматривать текст не в качестве философского, а помещая его в общественную дискуссию, в репликах и откликах, как вариант политического/публицистического говорения — нам представляется весьма плодотворным, в том числе и потому, что для большинства читателей реконструировать философские смыслы было практически невозможно, опираясь лишь на текст первого письма. Независимо от намерений автора, он прочитывался как публицистическое высказывание, причём сделанное именно в этом месте и в это время.

Впрочем, сразу же за согласием в исходном подходе автора для нас возникают и затруднения — Михаил Велижев помещает первое письмо, опираясь на проставленную под ним дату, 1 декабря 1829 года, в контекст событий осени 1829 г. — однако известно, во-первых, что Чаадаев писал медленно, нередко переделывал свои тексты, во-вторых, что написанное по случайному поводу первое письмо дало толчок к серии писем — Чаадаев нашел для себя удобную форму изложения своих мыслей, более не привязываясь к конкретному адресату (более того, неизвестно, было ли отослано адресату первое, наиболее известное письмо). Иными словами, совершенно неочевидно, что значимым оказывался именно ближайший по времени контекст — ведь и знакомить с текстом писем Чаадаев начинает публику несколько позже, и публикует первое письмо почти семь лет спустя после его написания, явно не полагая, что контекст успел измениться существенным образом с интересующей его точки зрения. Последний тезис, в сущности, разделяет и Михаил Велижев, для чего выстраивает связь между 1829 г. и 1836 г. с точки зрения нарастания одних и тех же процессов — то, на что реагировал Чаадаев в 1829 г. по этой логике стало лишь более явным семь лет спустя:

«К 1829 г. стало окончательно понятно, что верх в России одерживает изоляционистская позиция <...>» (с. 32);

² См., в частности: Куренной В. А. Межкультурный трансфер знания: случай «Логоса» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год [9] / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012. — С. 133–217.

«Те тенденции в официальной национальной идеологии, которые в 1829 г. лишь намечались, в 1836 г. имели уже парадигматический характер» (с. 34).

На наш взгляд проблема здесь с исходным тезисом — обнаружить в 1829 г. преобладание «изоляционистской позиции» можно лишь поставив знак равенства между отказом от христианского надконфессионального универсализма Священного Союза и изоляционизмом. Собственно, по крайней мере отчасти против выдвигаемого автором тезиса работают обе приводимые им цитаты — из отчета III отделения «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1836 году» и из «Слова в день коронования Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (22 августа 1836 г.)» митрополита Филарета. В первой цитате мы читаем:

«В отношениях своих к иностранным державам Россия в течение последних пяти постоянно возвеличивалась и ныне достигла той высоты, на которой никогда еще не стояла. Она составляет сильнейшую опору и крепчайшую надежду своих союзников и является страшилищем и предметом зависти ей недоброжелательствующих. Таковое в течение последних пяти лет развитие внутреннего благосостояния России и политического ее веса совершенно изгладило мысль о несчастном царствовании и заменило скорбное чувство общим чувством доверия к Государю как виновнику настоящего блестящего положения России» (с. 157–158, цит. на с. 37).

Во второй говорится: «В областях, где в прежние несчастные времена, Восточное благочестие стеснено было насилиями Запада, собственное око Благочестивейшего Государя усмотрело неблагообразие Православных храмов, и особенная Его воля облекла их приличным благолепием» (с. 149, цит. на с. 36–37).

В обоих случаях мы видим отсылку к радикальному изменению контекста — после 1830–1832 г.: революций во Франции и Бельгии, восстания в Царстве Польском, поставившем, помимо прочего, в центр внимания верховной власти положение в Западных губерниях — сюда относятся слова митрополита Филарета об «облечении <...> приличным благолепием» православных храмов, в это же время быстрым темпом начинается подготовка к «воссоединению униатов», в 1832 г. в Великобритании принимает-

ся билль о реформе и т. д. В это время, действительно, все в большей степени начинает обнаруживаться различие направлений движения Западной Европы и Российской империи, первая начинает восприниматься как угроза — в отличие от Австрии или Пруссии.

Утверждать, что в суждениях III отделения и в слове митрополита перед нами лишь продолжение и развитие тенденций конца 1820-х — сильное суждение: в оптике Чаадаева, как нам представляется, действительно это можно сблизить, но не как реакция на «национализм» (в конце 1820-х говорить о последнем в качестве преобладающей правительственной политики, на наш взгляд, более чем затруднительно), а как отказ от христианского универсализма предшествующей эпохи, действительно явно обнаружившийся с середины 1820-х гг.

Соглашаясь с общей оценкой Велижева — что текст Чаадаева направлен против, правда, не столько «национализма», сколько «национализирующегося» языка и отчасти политики этого времени, мы полагаем, что как раз непроясненность в его работе последнего — и одновременно изымание философской составляющей — обедняют контекст, в то время как отсылка к методологии истории понятий вступает в странное противоречие с собственными суждениями автора, когда он ставит вопрос «Был ли Чаадаев «западником» или «славянофилом»?» (с. 23), чтобы на той же странице отметить, что именно появление «Философического письма...» и споры вокруг него способствовали «кристаллизации» названных направлений. Автор, разумеется, дает ответ, что Чаадаев не был ни тем, ни другим — но сама постановка подобного вопроса в рамках означенной методологии удивляет — превращая «славянофильство» и «западничество» в некие надвременные категории.

Большой интерес и ценность книги — помещение «Философического письма...» в контекст синхронных текстов. Как отмечает автор: «Можно сказать, что (как и в случае с очерком Базили) — Чаадаев и Краевский обсуждали мировую историю на одном политическом языке» (с. 49), но делаемый далее вывод, что этот язык позволяет оборачивать суждения Чаадаева — на противоположные, мне представляется, придает слишком большую цену «политическому языку», ведь и сам Чаадаев в «Апологии...» продемонстрирует подобную перемену. Нам представляется, что сама природа любого политического языка позволяет осуществлять подобное — он задает рамки, прочерчивает одни границы

(и делает невидимыми другие), тогда как расстановка оценок — уже вопрос использования. Иными словами, гораздо более неожиданным было бы продемонстрировать, что какой-либо политический язык способен, напротив, не допустить подобной перемены, занятия в его рамках противоположных позиций. Кажется, из этого проистекает некоторое вполне явно обозначенное в тексте вступительной статьи негативное отношение к историософии — противопоставляемой истории, но ведь если язык истории станет политическим языком, то его судьба будет ровно та же: ведь странно винить историософию за то, что она не является исторической наукой и пытается ставить вопрос о смысле истории — разумеется, последний с точки зрения науки по определению бессмысленен, но это лишь и означает, что они говорят на разных языках и о разном.

Если же вернуться к вопросу о книге в целом — то она не только интересна авторским подходом и представленной читателям коллекцией текстов, но, хочется надеяться, служит своего рода «черновым наброском» к гораздо более объемному и «плотному» исследованию чаадаевских текстов в контексте как их возникновения, так и публичного функционирования.

Андрей Тесля¹

Г. ФРИЗ. «ГУБИТЕЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ»: РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ : сборник статей / Пер. с англ. А. В. Глебовской, М. Д. Долбилова; под ред. П. Г. Рогозного. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (серия: «Эпоха войн и революций»; вып. 12).

Грегори Фриз — один из наиболее известных и уважаемых специалистов по истории российского православия имперского периода, и замечательно, что наконец-то его избранные статьи, преимущественно написанные в последние два десятилетия, появились в русском переводе. Как отмечает научный редактор издания, Павел Рогозный:

«< ... > мне хотелось, чтобы на русском языке появилась книга Грегори. Мне казалось, что, несмотря на широкую популярность работ Фриза, русист или даже славист может звучать в полный голос только тогда, когда он будет переведен на русский» (с. 15).

Вошедшие в сборник статьи демонстрируют лишь одну из сторон научных интересов Грегори Фриза и сосредоточены на ис-

¹ А. А. Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И. Канта (meslr81@gmail.com). Работа была выполнена в рамках гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта и подержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта в рамках Проекта 5–100.

тории российской церкви последних десятилетий Империи, в первую очередь на 1900–1910-х гг. Однако представленное в них понимание исторических процессов и событий покоится на масштабном общем видении истории православной церкви имперского периода, ревизионистском по отношению к предшествующей историографии. В изданном ныне сборнике статей это общее видение представлено в известной статье 1985 г. «Служанка государства?», являющейся репликой на представленный Ричардом Пайпсом в «России при старом режиме» распространенный (и, в силу популярного характера книги Пайпса, представленный с ясностью карикатуры) взгляд. Вопреки представлению о послепетровском положении российской церкви как «встроенной» в государственную систему и фактически ставшей частью последнего, Фриз отмечает, что церковь сохраняла автономию и, соответственно, на протяжении всего имперского периода являлась пусть и существенно слабейшим, но самостоятельным субъектом, отнюдь не автоматически принимавшим и воспроизводившим государственные веления.

Прежде всего Фриз фиксирует, что Синод не только иерархически оказался практически сразу же по учреждении уравнен с Сенатом, а не поставлен в один ранг с коллежиями, но и, что намного важнее, на протяжении всей последующей имперской истории, даже в XIX веке, с наступлением эры «сильных» обер-прокуроров, от Протасова до Победоносцева, у последнего было не так много инструментов непосредственного контроля — не только и в XIX веке обер-прокурор не имел самостоятельной власти, но должен был проводить свои решения через Синод, но и на местах вплоть до последних десятилетий XIX века не имел собственных представителей, а после того, как появилась должность епархиального секретаря, пределы его эффективного контроля оставались весьма ограниченными. Значимо и то, что белое и черное духовенство на протяжении имперского периода обрело сословную замкнутость, с XVIII столетия почти исключительно рекрутируя новых членов из самого себя — и обладало развитым самознанием, а контроль над ним осуществлялся его же собственными членами. Не менее, если не более, важно и то обстоятельство, что вплоть до конца имперского периода подавляющее большинство духовенства «кормилось от алтаря»: несмотря на все более расширяющуюся с николаевского царствования практику назначения денежных доплат, последние носили ограниченный характер —

основным или, по крайней мере, весьма существенным источником доходов оказывалась плата за требоисполнение и сопутствующие поступления, а это означало, что большая часть духовенства оказывалась (в чем принципиальное отличие от чиновничества) непосредственно связана, в том числе и на уровне собственных доходов, с прихожанами.

Исходя из этого понимания российской церкви, Фриз отмечает, что с 60-х годов XIX века для нее все в большей степени ставится вопрос об отношении к существующему государству — поскольку последнее в ходе реформ и затем особенно явно в 1905 году демонстрирует готовность жертвовать интересами церкви ради преследования собственных целей — и это явное несовпадение интересов побуждает церковь на разных уровнях занимать собственную позицию по отношению к государству — так, в частности, проблемой становится манифест 1905 года о веротерпимости, выводящий на поверхность вопрос о правах и возможностях российской церкви и о предоставлении ей, в изменившихся условиях, свобод — для того, чтобы она могла как противодействовать уходу прежней паствы, так и конкурировать с другими конфессиями и исповеданиями в борьбе за верующих.

Значимым для рассмотрения сложного переплетения целей, стремлений, интересов становится для Фриза сюжет приходской реформы. Вопрос о том, как реформировать статус приходов и оживить приходскую жизнь, сделался одним из центральных с 1860-х годов — половинчатым ответом стало введение в конце 1860-х приходских попечительств, которые за десятилетия своего существования продемонстрировали малую результативность, что было, в принципе, довольно предсказуемым — поскольку во многом оказывались органом, на который возлагался сбор приходских средств, с весьма ограниченной свободой ими распоряжаться. Если вплоть до 1900-х вопрос о реформе приходов, о наделении их статусом юридического лица (и в некоторых случаях — о преобразовании их во все- или внесловную низшую административную единицу) был часто обсуждаем — и использовался в том числе для оппозиции епархиальному давлению, то в обстановке 1905 года, по мере действительного оживления и политизации приходской жизни, ситуация существенно осложнилась. Приходские собрания не только стремились к контролю над собираемыми средствами — и одновременно к сокращению расходов на духовенство, особенно часто выступая против финанси-

вания системы духовных училищ и семинарий как сословной, в которой прихожане не имеют собственного, по крайней мере прямого интереса — но и к тому, чтобы самостоятельно выбирать священников и диаконов и иметь право избавляться от неудобных. Тем самым уже во 2-й половине 1900-х — 1910-х картина отношения к реформе прихода оказалась гораздо сложнее как со стороны центральных и епархиальных властей, так и со стороны приходского духовенства.

При этом фактическое осуществление приходской реформы — и обретение российской церковью своей опоры на этом уровне — как отмечает Фриз приходится на первые послереволюционные годы, что связано с другим важнейшим сюжетом — нормами о разводе. Прежде всего Фриз отмечает, что крайнее ужесточение, практически запрет на развод — феномен достаточно поздний для российской церкви, устанавливающийся в первые десятилетия XIX века, в том числе благодаря выстраиванию системы централизованного контроля. Если к 1850-м годам этот запрет был фактически установлен — то в ближайшие десятилетия он вступает в решительный конфликт как с меняющимися практиками семейно-брачного поведения высших и средних социальных групп, так и вступает в противоречие (за счет именно ужесточения контроля) с существующими крестьянскими практиками. В результате именно брачно-семейный вопрос оказывается одним из ключевых, если не центральным полем напряжения между церковью и обществом — при этом существующие нормы и практика их применения оказываются неприемлемы не только для секуляризированных, но и для вполне воцерковленных. Декрет о браке от 16 (29) декабря 1917 года оказался развязывающим этот узел противоречий — и тем самым сделал возможным (наряду, разумеется, с целым рядом других факторов) превращение приходов в реальные и живые центры церковной жизни для 1920-х годов.

Пересматривая привычные представления о российской церкви и ее отношениях с империей в последние десятилетия существования последней, Фриз особое внимание уделяет анализу канонизаций последнего царствования — рассматривая большую часть из них как попытку ресакрализации царской власти в ситуации, когда она утрачивала прежние факторы легитимации. Однако, согласно Фризу, эти попытки вызвали существенное недовольство со стороны многих представителей церковных кругов — в том числе выступая подтверждением, иллюстрацией распро-

странённого представления о подчиненном положении церкви и о вмешательстве императорской власти в дела, где она не имела если не права голоса, то права решения. Особенно скандальным случаем стала канонизация тобольского митрополита Иоанна Максимовича, осуществленная епископом Варнавой, в котором с достаточными основаниями видели прямого ставленника Григория Распутина. Вопреки решению Синода — начавшему длительный, могущий растянуться на десятилетия, процесс канонизации митрополита Иоанна, Варнава, со ссылкой на личную санкцию императора, в 1915 году (27 августа) пропел величание новому святому — а в дальнейшем конфликте с Синодом и его обер-прокурором А. Д. Самариним вышел в итоге победителем, виновным лишь в излишней ревности. Сложность вопроса о канонизациях высвечивается через анализ канонизации патриарха Гермогена — с явной холодностью со стороны верховной власти (император не присутствовал на прославлении нового святого, как первоначально планировалось, прибыв уже после), так и логикой чествования нового святого — в которой триада «православие, самодержавие, народность» сокращалась до двучлена за счет выбывания среднего.

Ревизионистский подход Фриза продуктивно обращает внимание не только на целый ряд черт истории российской церкви, до этого остававшихся вне поля зрения — так, из не упомянутых выше, следует отметить и сохранение церковью своей роли официальной инстанции в регистрации браков, и сильный рост присутствия церкви в сфере образования в конце XIX — начале XX века, противоположный процессам на западе Европы — но и ставит под вопрос привычный тезис о существенной секуляризации российского общества накануне революции. Рост грамотности, быстрая урбанизация и другие взаимосвязанные и/или синхронные процессы, разумеется, серьезно модифицировали православную религиозность — но Фриз отмечает нелинейность процессов: так, грамотность оказывалась не только фактором, уводящим от церкви, но и, для других, формирующих иной, интроецированный тип религиозности, что можно видеть в том числе и по отчетам благочинных, отмечавших неоднозначность перемен (в то время как предшествующие исследователи, зачарованные послезнанием, в первую очередь фиксировали в этих и подобных источниках указания на нарастающую не-религиозность населения). Весьма любопытными оказываются данные о причастиях и исповедях как

по Империи в целом, так и по Владимирской, Вятской и Ярославской епархиям, причем в случае Вятской — рассмотренные по состоянию на 1913 год по городам и уездам. Они демонстрируют, с одной стороны, высочайшую — по сравнению с синхронным положением дел в западноевропейских странах — степень воцерковленности, а с другой — изменение соотношения между лишь исповедавшимися и исповедовавшимися и причастившимися: число первых становится все менее значительным, что, с одной стороны, может истолковываться как «формализация» отношения, а с другой — как уменьшение дисциплинарной власти священника, старающегося не прибегать к такой мере, как недопущение к причастию.

Сборник статей Грегори Фриза ценен, помимо массы конкретных сведений и наблюдений, постановкой новых вопросов к истории российской церкви — ревизия, осуществляемая им в качестве представителя «третьего поколения» американских русистов по отношению к предшествующей традиции, ценна в том числе и потому, что позволяет отчетливо различить в последней генеалогию, восходящую к публицистическим баталиям и политическим столкновениям конца XIX — начала XX века — и, следовательно, открыть путь новым исследовательским вопросам, в том числе обращенным к критическому изучению становления основных историографических традиций истории российской церкви.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Р. Н. Рахимов,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *Е. В. Костандис*

ISBN 978-5-905040-41-2

9 785905 040412 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 27.11.2018. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru